

8

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/99

ISSN 0131—2812

50 лет Китайской Народной
Республике

Российско-китайские отношения
на рубеже веков

Перестройка финансовой системы
в Азии

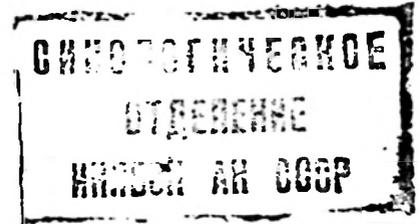
Россия-АСЕАН:
внешнеэкономические связи

Китай, китайская цивилизация и
мир. X международная научная
конференция

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/99

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

50-ЛЕТНЕ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

Поздравление Президента РФ Б.Н.Ельцина Председателю КНР Цзян Цзэминю по случаю 50-летия КНР.....	5
Торжественное собрание, посвященное 50-летию образования КНР и 50-летию установления дипломатических отношений с КНР.....	6
<i>М.Титаренко</i> . 50 лет Китайской Народной Республике	8
<i>Ся Ишань</i> . О китайско-российских отношениях в новой обстановке.....	13

ПОЛИТИКА

<i>В.Бунин</i> . Завершение очередной реформы японо-американского союза безопасности.....	19
--	----

ЭКОНОМИКА

<i>М.Потапов</i> . Перестройка финансовой системы в азиатском регионе.....	27
<i>Е.Кранина</i> . Проблемы развития животноводства и водных промыслов в Китае.....	34
<i>Н.Ноздрев</i> . Либерализация финансового рынка Японии.....	45
<i>Э.Кихабидзе</i> . Внешнеэкономические связи России с некоторыми странами-членами АСЕАН.....	53
<i>А.Сизоненко</i> . Япония и Латинская Америка: торгово-экономи- ческие связи в 80-90-е гг.....	66

А.Н.Бубенников, А.А.Бубенников. Япония на пороге XXI века:
технологический, информационный вызов70

ИСТОРИЯ

Инна Ли. Дело о "советских шпионах" (К 100-летию со дня
рождения Ли Лисаня).....85
В.Бармин. Синьцзян в истории советско-китайских отношений
в 1931-1934 гг.....91

ФИЛОСОФИЯ

Д.Главева. Специфика дзэн-буддийской терминологии (на
примере трактата "Оратэгама").....104

КУЛЬТУРА

Н.Демидо. Китайская критика 90-х годов о современной
литературной ситуации.....119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О.Почагина. Китай, китайская цивилизация и мир. X Междуна-
родная научная конференция132
Л.Березный. Противостояние, синтез, диалог? (К дискуссиям о
межцивилизационных связях в глобализирующемся мире).....141

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Встреча ветеранов "Друзья вспоминают Китай"148

РЕЦЕНЗИИ

А.Меликсетов. Степанова Г.А. Система многопартийного
сотрудничества в КНР149
В.Ларин. Китайско-российские торгово-экономические связи151

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 1999 г.....155

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников
(зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора),
А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушанц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников,
В.Л. Ларин, А.В. Ломанов; А.Е. Лукьянов П.А. Минакир, В.С. Мясников,
В.Н. Павляченко, А.Н. Панов Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков,
И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов
(ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН, 1999 г.

Статьи этого номера

М.Титаренко. 50 лет Китайской Народной Республике

В основу статьи положено выступление автора на торжественном собрании в Москве, посвященном 50-летию образования Китайской Народной Республики и 50-летию установления дипломатических отношений между нашей страной и КНР. М.Л.Титаренко отметил выдающуюся историческую роль этих событий, а также громадное актуальное значение дружбы и сотрудничества наших стран для дальнейшего их развития и создания современного многополюсного мира.

Ся Ишань. О китайско-российских отношениях в новой обстановке

В статье китайского ученого говорится об особенностях китайско-российских отношений, причинах их успешного развития, перспективах построения равноправного и доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке.

М.Потапов. Перестройка финансовой системы в азиатском регионе

Автор рассматривает основные направления реформы мировой валютно-финансовой системы, которые предлагаются на международных экономических и финансовых форумах.

Е.Кранина. Проблемы развития животноводства и водных промыслов в Китае

В статье практически впервые за многие годы изложена история развития животноводства и водных промыслов в период реформ в Китае.

Н.Ноздрев. Либерализация финансового рынка Японии

Автор анализирует состояние кредитно-финансовой системы Японии с середины 80-х до начала второй половины 90-х годов, рассматривает содержание процесса ее реформирования, а также методы и технологии, с помощью которых осуществляется ее модернизация.

Э.Кикабидзе. Внешнеэкономические связи России с некоторыми странами-членами АСЕАН

В статье анализируются нынешнее состояние и перспективы развития внешнеэкономических связей России с Филиппинами, Вьетнамом, Малайзией и Индонезией.

А.Сизоенко. Япония и Латинская Америка: торгово-экономические связи в 80-90-е годы

В статье рассматриваются основные моменты развития японо-латиноамериканских торгово-экономических связей, анализируются формы и методы экономического продвижения Японии в Латинской Америке.

А.Н. и А.А.Бубенниковы. Япония на пороге XXI века: технологический, информационный вызов

Авторы анализируют место Японии в процессе глобализации мировой экономики в условиях информационной революции. В статье рассматривается также процесс структурной перестройки японской микроэлектроники и ситуация в информационной индустрии Японии после финансового кризиса на фондовых рынках Азии.

Инна Ли. Дело о "советских шпионах"

Воспоминания дочери Ли Лисаня о трагической судьбе ее родителей в период "культурной революции" в Китае. Статья приурочена к 100-летию со дня рождения Ли Лисаня.

В.Бармин. Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1931-1934 гг.

В статье на основании новых архивных материалов освещается ход восстания мусульманского населения Синьцзяна в 1931-1934 гг. против китайских властей, а также отношение правительства СССР к этому событию.

Д.Главева. Специфика дзэн-буддийской терминологии.

В статье рассматривается проблема интерпретации текстов и категорий дзэн-буддизма в контексте японской традиционной культуры. Анализ основан на классическом памятнике дзэн XVII в. "Оратэгема" Экаку Хакуина, в котором эксплицируются основные идеи и опыт практики дзэн применительно к ментальности японцев.

Н.Демидо. Китайская критика 90-х годов о современной литературной ситуации

В статье дается оценка китайской критикой состояния современной китайской литературы, новых художественных течений, изменений, происходящих в литературной ситуации КНР в 90-е годы. Представлены различные подходы литературоведов и критиков КНР к изучению проблем многополярности, отображения действительности в литературе, тенденций развития, а также влияния рынка на литературную ситуацию.

Л.Березный. Противостояние, синтез, диалог?

На материалах международной конференции азиатских и европейских ученых-обществоведов рассматривается проблема взаимодействия традиций западной и восточной цивилизаций.

50-летие образования КНР

Поздравление Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина Председателю Китайской Народной Республики Цзян Цзэминю по случаю пятидесятилетия КНР.

Уважаемый Председатель Цзян Цзэминь,

От имени народа Российской Федерации и от себя лично поздравляю Вас и весь дружественный китайский народ со знаменательной датой - пятидесятилетием Китайской Народной Республики.

Образование КНР стало одним из наиболее значительных событий уходящего столетия, оказало глубокое воздействие на ход мировой истории.

За прошедшие полвека в Китае произошли поистине эпохальные изменения, накоплен огромный опыт государственного строительства.

Сегодня Китай - это могучая, быстро развивающаяся держава, к авторитетному мнению которой внимательно прислушиваются в мировом сообществе. Успехи политики реформ и открытости позволили значительно повысить благосостояние китайского народа, обеспечили интеграцию страны в мировое хозяйство.

Символично, что практически одновременно с 50-летием КНР, которое широко отмечается и в России, празднуется полувековой юбилей установления дипломатических отношений между нашими странами.

Опыт прошедших десятилетий подтвердил жизненную необходимость курса на укрепление дружбы, добрососедства и развитие равноправного доверительного диалога между Россией и Китаем, который в полной мере отвечает коренным интересам российского и китайского народов.

На пороге нового века стратегическое партнерство России с Китаем является важным фактором, способствующим становлению глобальной многополярности, обеспечению мира и развития в Азии и во всем мире.

Желаю Вам, уважаемый Председатель Цзян Цзэминь, крепкого здоровья и благополучия, а Вашей великой стране - процветания и новых свершений в XXI веке. Пусть непрерывно укрепляются отношения дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между Россией и Китаем!

С уважением,

Б.Ельцин

Москва, Кремль, 30 сентября 1999 г.

Торжественное собрание, посвященное 50-летию образования Китайской Народной Республики и 50-летию установления дипломатических отношений нашей страны с КНР

27 сентября в Московском Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялось торжественное собрание по случаю 50-летия со дня образования Китайской Народной Республики и 50-й годовщины установления дипломатических отношений с КНР. В нем приняли участие заместитель Председателя правительства Российской Федерации И.И.Клебанов, заместитель министра иностранных дел Г.Б.Карасин, Председатель российской части Российско-Китайского Комитета дружбы мира и развития А.И.Вольский, Почетный Председатель Общества российско-китайской дружбы, академик С.Л.Тихвинский, Председатель ОРКД, директор Института Дальнего Востока, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко, Чрезвычайный и Полномочный посол КНР в РФ У Тао и сотрудники посольства Китая в РФ, ветераны войны и труда, чья жизнь была связана с Китаем, активисты ОРКД, ученые-китаеведы.

По поручению Президента и Правительства России, Российско-Китайского Комитета мира, дружбы и развития, Общества российско-китайской дружбы и Росзарубежцентра собрание открыл А.И.Вольский. Отмечая 50-летие КНР и огромные достижения китайского народа за эти годы, подчеркнул он, мы еще раз убеждаемся в том, что образование Китайской Народной Республики 1 октября 1949 года явилось одним из важнейших исторических событий XX века. На рубеже третьего тысячелетия традиционно дружеские, добрососедские отношения наших стран и народов обретают новое качество, все более отчетливые черты стратегического партнерства. От имени организаторов торжественного собрания А.И.Вольский приветствовал представителей всех поколений российских и китайских граждан, которые участвовали в формировании, развитии и укреплении экономического потенциала КНР, связей в области науки, образования, культуры, дружбы народов России и Китая.

С приветствиями к собравшимся обратились также заместитель Председателя правительства РФ И.И.Клебанов, Чрезвычайный и Полномочный посол КНР в РФ У Тао, Председатель ОРКД, директор Института Дальнего Востока, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко (подготовленная на основе его выступления статья публикуется ниже) и другие.

Поблагодарив организаторов и участников собрания, посол У Тао подчеркнул, что образование КНР коренным образом изменило судьбу китайской нации. Он остановился на основных этапах, пройденных китайским народом за минувшие полвека, рассказал о том, как успешно выполняется в Китае разработанная Дэн Сяопином программа построения социализма с китайской

спецификой, коснулся перспектив осуществления плана социалистической модернизации Китая.

50 лет тому назад, на второй день после образования КНР, отметил посол У Тао, Советский Союз установил дипломатические отношения с новым Китаем. В последние годы по инициативе Председателя Цзян Цзэминя и Президента Б.Н.Ельцина между Китаем и Россией установлены отношения равноправного и доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке. Это зрелые межгосударственные отношения нового типа, которые предполагают долговременное добрососедство и сотрудничество для достижения совместного развития и процветания, тесные консультации и взаимодействие в международных делах для отстаивания государственного суверенитета и национального достоинства, должного места и законных интересов двух стран в современном мире.

Касаясь международной ситуации на пороге нового тысячелетия, посол У Тао отметил, что на фоне развития тенденций к многополюсному миру и экономической глобализации дальнейшее углубление китайско-российского сотрудничества в политической, экономической, научно-технической, культурной и других областях имеет особое значение, отвечает чаяниям народов Китая и России, обладает огромным потенциалом и имеет прекрасные перспективы.

Могу с полной уверенностью сказать присутствующим здесь российским друзьям, заявил в заключение посол У Тао, что Китай всегда будет рассматривать Россию как доброго соседа, искреннего друга и надежного партнера и что наши страны войдут в XXI век с отношениями еще более тесного сотрудничества.

50 лет Китайской Народной Республике

© 1999

М.Титаренко

50 лет назад, 1 октября 1949 г., произошло событие, которое победоносно завершило более чем столетнюю героическую борьбу китайского народа за свое национальное освобождение и социальное раскрепощение, положило начало возрождению могущества и процветания его родины. Образование Китайской Народной Республики явилось свершением всемирно исторического масштаба и значения.

И сейчас, через 50 лет, эта, ранее отсталая, страна, успешно осуществляя всестороннюю модернизацию, превращается в процветающее государство с высоким качеством жизни населения, современной экономикой, наукой, культурой, обороной, самостоятельной и независимой, миролюбивой внешней политикой, защищающей национальные интересы, а также идеалы мира и всеобщей безопасности. Эти успехи вызывают у всех слоев населения Китая чувство гордости за свою страну.

Мы, россияне, искренне разделяем эти чувства гордости китайского народа. Во-первых, потому, что Китай наш добрый сосед, партнер, а во-вторых, потому что многие поколения российских граждан, солидаризируясь с борьбой китайского народа за свободу и независимость, не только морально и духовно поддерживали эту борьбу, но и нередко непосредственно принимали участие в ней на стороне освободительных сил. В годы сопротивления китайского народа японской агрессии в 30-40-х годах правительство и общественность Советского Союза оказывали ему всемерную морально-политическую и материальную поддержку. Вооруженные силы нашей страны сыграли первостепенную роль в освобождении Северо-Востока Китая от японских милитаристов, разгромив их отборную Квантунскую армию.

Исторически вполне закономерно, что Москва первой приветствовала образование КНР и уже на второй день официально признала ее и установила с ней дипломатические отношения на самом высоком уровне¹. В последующие годы наша страна оказала существенную помощь, о чем, в частности, напоминают 156 предприятий-гигантов китайской индустрии, в 50-е годы построенных при нашем содействии. Тысячи и тысячи китайских студентов и стажеров получили современное образование и овладели сложными профессиями в нашей стране, а многочисленные высококвалифицированные специалисты из СССР помогали Китаю создавать современную промышленность, транспорт, оборону, науку, образование, культуру.

Через суровые, порой драматические, испытания проходило развитие Китайской Народной Республики в минувшее пятидесятилетие. Нелегко был ее поиск собственного пути модернизации, отвечающей национальной специ-

Титаренко Михаил Леонтьевич, член-корреспондент РАН, профессор, директор ИДВ РАН.

фике. После успешного проведения крупных социально-экономических преобразований в первое десятилетие после образования КНР на долю китайского народа выпало вынести на себе изматывающую эпопею "большого скачка" и пережить разрушительную смуту "культурной революции". Это был тяжелый период и для наших двусторонних отношений. Жизнь со всей очевидностью выявила противоестественность и искусственный характер раскола между нашими странами. Это ясно видно из того, что разбрасываемые тогда семена раздора оказались бессильными проникнуть в массовое сознание народов наших стран и потому не дали массовых вредоносных всходов. Напротив, они были отторгнуты: здоровый иммунитет двух наций успешно справился с инфекцией губительной взаимной неприязни.

Важным рубежом в летописи Китайской Народной Республики стал 1978 г., на исходе которого состоялся поистине судьбоносный 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, открывший качественно новую фазу ее развития. На нем руководство Китая, возглавляемое Дэн Сяопином, глубоко и всесторонне осмыслив уроки предшествующего периода, выдвинуло отвечающую глубоким чаянием народа и интересам страны реалистическую концепцию реформ и модернизации страны.

Китай сделал своей главной целью во внутренней политике подъем производительных сил путем проведения комплекса экономических реформ рыночного типа. В основу международной политики были положены принципы независимости и самостоятельности, внешней открытости и всестороннего взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Курс реформ и модернизации воспринят гражданами Китая как общенациональная мобилизующая идея возрождения страны, создания условий для достижения достойной жизни каждого человека. Стратегически дальновидным было решение китайского руководства о постепенном осуществлении реформ, с учетом национальной специфики, в соответствии с народной мудростью, выраженной в формуле: "Переходить реку, нащупывая камни". Государство обеспечило надлежащие условия для надежности и эффективности реформ. В частности, Китай стал одной из самых привлекательных стран для внешних инвесторов - за 20 лет реформ сумма заявленных иностранных инвестиций составила почти 500 млрд. ам. долларов, а фактически использовано прямых иностранных инвестиций на сумму, превышающую 348 млрд. ам. долл. Только в 1998 г., несмотря на азиатский финансовый кризис, Китай привлек свыше 50 млрд. ам. долл. иностранных капиталов и вышел на второе, после США, место по прямым иностранным инвестициям. Особенно важно, что примерно такую же сумму составил вклад населения в инвестирование в народное хозяйство за счет внутренних сбережений. В настоящее время эти сбережения составляют почти 2/3 ВВП. Все это позволило стране в небывало короткий исторический срок решить целый ряд грандиозных экономических и социальных задач, прежде всего, обеспечить население пищей, одеждой, жильем. И какое население - свыше 1 млрд. 270 млн. человек!

По многим важнейшим показателям КНР вошла в первую десятку развитых государств, заняв лидирующее место по производству зерновых, овощей, фруктов, яиц, мяса, шелка-сырца, чая, кунжута, тунгового масла и других ценнейших продовольственных и технических культур. Нынешний Китай - в числе ведущих мировых держав по выплавке черных металлов, добыче угля, вольфрама, олова, по выпуску бытовой электроники, цветных и черно-белых телевизоров. Он превосходит все страны по производству хлопчатобумажных и шелковых тканей, тканей из искусственного волокна, стал всемирной фабрикой детских игрушек.

Нас, россиян, не может не впечатлять тот факт, что успешное осуществление экономических реформ позволило КНР уже в 1988 г. превзойти Советский Союз по совокупной экономической мощи. По данным на конец 1996 г., ВВП Китая превышает ВВП России в сопоставимых ценах более чем в 6 раз.

Недавно опубликован доклад Академии общественных наук Китая о перспективах социалистической рыночной экономики страны в XXI веке. Согласно оценкам китайских ученых, к 2020-2030 гг. по основным показателям промышленного и сельскохозяйственного производства КНР выйдет на лидирующие места в мире, хотя и будет еще серьезно отставать от развитых стран по объему продукции на душу населения. К середине будущего столетия по этому показателю страна поднимется до нынешнего уровня высокоразвитых стран, а к концу XXI века достигнет показателей, сравнимых с уровнем индустриально высокоразвитых стран в тот момент².

Особого внимания заслуживает тот факт, что в КНР заложены основы современного информационного общества. Страна превращается в крупнейшего мирового потребителя и производителя персональных компьютеров: к 2000 г. объем их продаж достигнет 10 млн. штук в год, что выведет ее на второе место в мире, после Японии. Общедоступным стал выход в Интернет, создан и национальный аналог Интернета - Всекитайская информационная сеть.

Успешно решена задача подъема благосостояния народа до уровня среднего достатка, ярчайшим свидетельством чего является то, что средняя продолжительность жизни граждан страны, составлявшая до образования КНР 35 лет, в настоящее время превышает 70 лет, а средний рост современных юношей и девушек превышает рост их сверстников 50 лет назад на 20-25 см.

Главный вывод, вытекающий из китайского опыта реформирования экономики, сводится к тому, что успехи китайских реформ, политики модернизации и открытости обусловлены, во-первых, тем, что все они проводятся в строгом соответствии с реальными возможностями, укоренены в китайскую национальную почву; во-вторых, курс модернизации и реформ осуществляется в интересах обеспечения благополучия населения в целом и каждого гражданина в отдельности; в-третьих, политика модернизации и реформ претворяется в жизнь поэтапно - от экспериментов в отдельных районах к постепенному распространению положительного опыта на отдельные провинции, а затем и на всю страну.

Успех политики реформ и модернизации в Китае получил международный резонанс, так как этот опыт помогает решать многие сложнейшие проблемы подъема экономики, повышения качества жизни населения, перенаселенности, острейшие вопросы экологии, пред которыми стоит большинство населения планеты.

Нельзя, однако, не отметить, что стремительное и неуклонное наращивание комплексной мощи КНР вызывает неоднозначную реакцию в мире. Кто высказывает опасение, не обернется ли это ущемлением интересов других стран, не станет ли ветер из Китая дуть над всем миром. Лучшим аргументом против подобной точки зрения является долговременная стратегия развития Китая, базирующаяся на необходимости его глубокой интеграции в мировую экономику. Свою внешнюю политику Пекин строит в соответствии с принципами безоговорочного осуждения гегемонизма на мировой арене, достижение своих целей он связывает с идеалами мира, развития и открытости.

Для России международная деятельность КНР - не абстрактное понятие. Отношение с Китаем - одно из приоритетнейших и важнейших направлений внешней политики Российской Федерации. Состоявшиеся в последние годы 6 встреч Президента РФ Б.Н.Ельцина и Председателя КНР Цзян Цзэ-

меня подняли политические отношения между Россией и Китаем на высокий уровень доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, обращенного в XXI в. Созданы не только заделы, обеспечивающие дальнейшее поступательное развитие двусторонних отношений во всех сферах, но и выработаны эффективные механизмы сотрудничества и контактов на всех уровнях: не только по государственной линии, но и по линии общественности, науки, культуры, средств массовой информации³.

Разумеется, и Россия, и Китай, опираясь на богатые традиции сотрудничества наших стран, строят свои отношения, исходя из учета своих национальных интересов. Не будет преувеличением сказать, что главный и обоюдный интерес наших стран состоит в осознании необходимости всемерно поддерживать и укреплять добрососедские отношения сотрудничества. У наших стран имеется широкое поле совпадения интересов как в области политики, экономики, международной безопасности, так и в сфере культурных обменов. По мере дальнейшего продвижения наших стран вперед такое совпадение интересов и объективная основа сотрудничества будут расширяться.

В этой связи следует подчеркнуть, что КНР неизменно и твердо стоит на позиции поддержки укрепления суверенитета и сохранения территориальной целостности Российской Федерации. Китайское руководство подчеркивает особую роль России на постсоветском пространстве и с пониманием воспринимает интеграционные миротворческие усилия России на постсоветском пространстве. В свою очередь китайская сторона высоко оценивает разумную позицию России по проблеме Тайваня. Как известно, Москва неизменно выступает за сохранение единого Китая, рассматривает Тайвань в качестве неотъемлемой части Китая, а правительство КНР как единственное законное правительство страны. Деловые связи России с Тайванем развиваются лишь по неофициальной, негосударственной линии.

Россия исходит из того, что быстрое развитие Китая делает его важнейшим фактором поддержания глобальной стабильности и безопасности в мире. Наличие долгосрочных устойчивых добрососедских взаимовыгодных отношений между РФ и КНР играет консолидирующую роль не только в международной, но и во внутренней жизни России. Добрососедское сотрудничество двух стран, в которых проживает почти 1,5 млрд. населения и на территориях которых сосредоточен огромный человеческий и природный потенциал, взаимодействие и соразвитие двух великих цивилизаций - древнейшей китайской и сравнительно молодой, но духовно чрезвычайно богатой и высоко развитой российской - вносят громадный вклад в мировую культуру и мировую цивилизацию.

Нашему добрососедскому сотрудничеству благоприятствует целый ряд объективных и субъективных факторов. Здесь не только географическая близость двух стран, богатые традиции взаимодействия народов, взаимодополняемость экономик и ресурсов⁴.

Огромный потенциал сотрудничества двух стран имеется в области культуры. Как отметил в свое время великий китайский писатель Лу Синь, китайская культура под влиянием российской культуры открылась внешнему миру. В свою очередь общение с китайской культурой еще более расширило и углубило духовность российской цивилизации.

Российско-китайское сотрудничество поступательно развивается в русле равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке. Наличие глубокого взаимопонимания и высокого доверия между нашими странами продемонстрировала последняя встреча Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина и Председателя Ки-

тайской Народной Республики Цзян Цзэминя 25 августа 1999 г. в столице Киргизии Бишкеке. На ней была подтверждена приверженность России и Китая принципам развития многополярного мира и целям установления нового международного порядка, в плодотворном духе обсуждены конкретные меры по наращиванию двустороннего торгово-экономического сотрудничества.

Провозглашенные Москвой и Пекином внешнеполитические принципы все больше входят в международную практику. Показателем этого служит очередная встреча глав государств "Шанхайской пятерки" - Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан, также проходившей в Бишкеке в конце августа 1999 года. В принятой на встрече Декларации заявляется, что создание пятью государствами механизмов конкретного взаимодействия в областях, представляющих взаимный интерес, благоприятствует полному выявлению потенциала многостороннего сотрудничества во имя стабильности, безопасности, развития и процветания представляемого ими региона. Было подтверждено, что многополярность является общей тенденцией развития современного мира и способствует долговременной стабилизации международной обстановки. Пять государств полны решимости прилагать неустанные усилия ради защиты мира во всем мире и совместного экономического развития, во имя продвижения дела строительства справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка. Вновь подчеркнуто, что взаимодействие и сотрудничество пяти государств носит открытый характер и не направлены против других стран.

Достигнутое взаимодействие России и Китая на международной арене вселяет надежду на то, что попыткам определенных сил утвердить гегемонию одной сверхдержавы и полицейские порядки в международных отношениях не суждено состояться. Россия и Китай, входящие в число учредителей Организации Объединенных Наций, ныне твердо и последовательно выступают в поддержку укрепления авторитета и миротворческой роли ООН как гаранта всеобщей безопасности.

Опыт диалога евразийской цивилизации России с древнейшей китайской цивилизацией открывает реальную перспективу строительства полицентричного мира, сохранения жизнеспособности и обновления всех существующих в наше время на планете цивилизаций и культур на основе принципов симфонизма, равенства, взаимопонимания, взаимной учебы⁵.

-
1. Более подробно см.: Тихвинский С.Л. Пятьдесят лет тому назад // Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999. С. 40-56.
 2. Ли Цзинвэнь. Успехи экономики. Прогноз на XXI в. // Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999. С. 352-355, 362-370.
 - Титаренко М.Л. Китай: Марш в XXI век // Год планеты: Политика. Экономика. Бизнес. Банки. Образование. Вып. 1999. М.: Республика. С. 542-547.
 3. У Тао. Китай и Россия вступают в XXI век совместно и в стратегическом взаимодействии // Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999. С. 9-16.
 4. Рогачев И.А. Перспективы и проблемы двустороннего сотрудничества. Там же. С. 17-39.
 5. Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999. С. 5-7.

О китайско-российских отношениях в новой обстановке

© 1999

Ся Ишань

В течение почти девяти лет после распада СССР и образования России китайско-российские отношения стабильно развиваются и непрерывно улучшаются. Обе страны установили партнерские отношения стратегического сотрудничества. Сегодня китайско-российские связи развиваются во всех областях, переживая самый благоприятный в истории период. Улучшение китайско-российских отношений не только идет на пользу двум странам, но и будет содействовать миру и стабильности во всем мире. Дальнейшее укрепление и обогащение китайско-российского партнерства стратегического сотрудничества является общей задачей, стоящей перед двумя странами.

1. Особенности китайско-российских отношений

Оглядываясь на почти девятилетний период китайско-российских отношений и анализируя нынешнее положение, мы можем отметить следующие особенности:

1. По сравнению с отношениями между любыми парами крупных стран мира связи между Китаем и Россией развиваются наиболее благоприятно. В течение последних 9 лет они непрерывно прогрессируют, поднявшись на три ступени, и постоянно обогащаясь. В декабре 1992 г. в ходе первого визита Президента России Б.Ельцина в Китай обе страны установили добрососедские дружественные отношения и взаимовыгодное сотрудничество; в сентябре 1994 г. во время визита Председателя КНР Цзян Цзэминя в Россию между двумя странами были установлены отношения конструктивного партнерства; в апреле 1996 г. главы Китая и России встретились в Пекине, и отношения двух стран поднялись на новую ступень, обретя характер партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке. В последние три с лишним года, благодаря общим усилиям обеих сторон, стратегическое партнерство наших стран постоянно углублялось и развивалось. Особо следует отметить тот факт, что в августе 1999г., воспользовавшись саммитом "шанхайской пятерки" в Бишкеке, лидеры Китая и России провели отдельную встречу, а вместе с лидерами Казахстана, Киргизии и Таджикистана выпустили совместное заявление о нынешней международной и региональной обстановке, в результате отношения наших двух стран стали еще более тесными. Китай и Россия уже стали подлинными стратегическими партнерами, исповедующими равноправие и взаимное доверие.

Ся Ишань, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом восточной Европы, Центральной Азии и России китайского института по изучению международных проблем при МИД КНР.

2. Из отношений Китая со всеми крупными странами китайско-российские отношения развиваются наиболее быстрыми темпами и наиболее последовательно. Партнерство между Китаем и Россией осуществилось ранее всех подобных отношений с другими государствами. Оно было установлено еще в апреле 1996 г., тогда как только через год после этого всестороннее партнерство было установлено между КНР и Францией, а немного спустя была выражена готовность прилагать свои усилия к созданию стратегического партнерства между Китаем и США. В то время как партнерские отношения стратегического взаимодействия между Китаем и Россией являются свершившимся фактом, стратегическое партнерство между Китаем и США представляет собой лишь намерение и цель, к которой обе страны стремятся. Вслед за этим Китай установил разные по содержанию и по форме отношения с Канадой, Мексикой, странами АСЕАН, Пакистаном, Англией, Южной Кореей, Японией и другими странами. Китайско-российские отношения стратегического сотрудничества идут впереди, и лишь за ними следует партнерство Китая с другими странами.

3. Китайско-российские отношения предусматривают строгое следование обеими сторонами принципам взаимного равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга и взаимного доверия. Хотя две страны после распада СССР развиваются разными путями, однако они способны уважать выбор друг друга, идеологические разногласия не оказывают влияния на нормальное развитие отношений между ними. Обе страны уважают и понимают друг друга и равноправно относятся друг к другу. Китай неизменно с глубочайшим сочувствием относится к своему великому соседу, который столкнулся с колоссальными трудностями в процессе перехода к рыночной экономике, и отнюдь не радуется чужой беде и не пользуется чужим несчастьем. Китай уважает и понимает те меры, которые предпринимает Россия для защиты своего государственного суверенитета и территориальной целостности, считает чеченскую проблему, дагестанскую и другие проблемы Северного Кавказа внутренним делом России. Аналогично и Россия отказывается создавать Китаю беспокойства в связи с вопросами о "правах человека" и "демократии", о Тайване и Тибете.

4. В китайско-российских отношениях нет столкновений интересов и нерешенных исторических вопросов. Обе страны - Китай и Россия, - прилагая усилия для создания экономики, надеются на создание благоприятной международной обстановки для своего развития, надеются на добрососедство и дружбу с соседними государствами. Между двумя странами нет столкновений коренных интересов, как не существует и нерешенных исторических вопросов. Длина китайско-российской границы составляет 4334 км, кроме отдельного района, граница между двумя странами в основном уже делимитирована, были выполнены полевые работы по демаркации границ и установлению ясных пограничных знаков на линии границы. К тому же в 1996 и 1997 гг. главы Китая, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана подписали соглашение об усилении доверия в военной области в приграничных районах и соглашение о взаимном сокращении там военных arsenалов. Китайско-российская граница не только полностью определена, но и стала границей мира и дружбы. Это заложило прочный фундамент для того, чтобы отношения между двумя странами постоянно и стабильно шли вперед.

5. Китайско-российские отношения - это отношения позитивного сотрудничества, которое развивается во всех областях: политической, экономической, дипломатической, культурной, военной и других. В политической сфере создан механизм встреч на уровне глав государств и правительств. По-

литические связи между двумя странами достигли очень высокого уровня. В экономической сфере обе страны являются важными партнерами, торгово-экономические связи между ними преодолевают трудности роста и получают непрерывное развитие. Что касается международных вопросов, то обе страны выступают против гегемонизма и политики силы, против однополюсного мира, за создание справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка. Обе страны интенсифицируют консультации, содействуют друг другу и тесно сотрудничают по делам в ООН, в связи с иракским кризисом и в особенности в связи с недавно закончившейся косовской войной, а также по другим вопросам. В области культуры связи между двумя странами постоянно развиваются, стороны учредили Китайско-российский комитет дружбы, мира и развития и на неправительственном уровне укрепили фундамент двусторонних добрососедских и дружественных отношений. В военной сфере стали учащаться контакты между военными двух стран и сотрудничество с каждым днем становится все более тесным.

6. Китайско-российские отношения - это отношения нового типа, это новая модель межгосударственных отношений, созданная главами двух стран на основе обобщения исторического опыта и уроков отношений между Китаем и Советским Союзом. Важнейшая особенность этих отношений состоит в том, что они достигли высот партнерства и направлены на стратегическое взаимодействие в XXI веке. В то же время страны не вступают в союз, не противопоставляют друг другу и не заостряют свои отношения против третьих стран. Такие отношения в корне отличаются от действий некоторых стран, которые укрепляют военные союзы и осуществляют блоковую политику. Подобный характер отношений между двумя государствами не только отвечает их коренным интересам, но и соответствует ходу исторического развития, благоприятствует улучшению их отношений с внешним миром, способствует совместному сдерживанию гегемонизма и политики силы, благоприятствует миру и стабильности во всем мире. Такие отношения уже стали стабилизирующим фактором как в регионе, так и во всем мире.

II. Причины успешного развития китайско-российских отношений

В течение последних почти девяти лет китайско-российские отношения успешно развиваются, с каждым днем становясь все более тесными. Это определяется многими факторами.

Во-первых, положение в обеих странах в целом сходно, а их коренные интересы в основном совпадают. После образования РФ, из-за многократных экономических и финансовых кризисов и нестабильности политической ситуации государственная мощь России заметно ослабла. Внешние же силы, используя эту ситуацию, теснят жизненное пространство России и наносят ущерб ее интересам. В связи с этим Россия ставит развитие экономики и защиту государственных интересов во главу угла. Что касается КНР, то хотя за последние 20 лет ее экономика получила большое развитие, а государственная мощь выросла, тем не менее из-за низких стартовых позиций Китай все еще относится к развивающимся странам. Однако внешние силы всеми силами нагнетают атмосферу "китайской угрозы", прилагают усилия, чтобы вмешиваться во внутренние дела Китая, препятствовать его развитию и объединению. Перед Китаем стоит тяжелая задача: развивать экономику, защищать государственный суверенитет и осуществлять объединение страны. Поэтому как Китай, так и Россия считают развитие экономики, обеспечение политиче-

ской стабильности и защиту государственного суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности своими коренными государственными интересами, и дипломатия должна обеспечивать внешние условия для этого. И Китай, и Россия являются государствами, в основном ориентированными на внутреннее развитие. Обе страны надеются на взаимное уважение, добрососедство и дружбу, взаимовыгоду и сотрудничество и на совместное строительство прекрасного будущего.

Во-вторых, обе страны подвержены давлению извне и едины в отношении важных современных международных вопросов. Государственная мощь Китая и России относительно слабая, и обе они испытывают нажим извне. Этот прессинг заставляет их идти рука об руку и совместно выступать против внешней гегемонии, защищая свои интересы. Поэтому у обеих стран довольно много общего в подходе к множеству коренных современных международных вопросов. Например, Китай и Россия против однополюсного мира, выступают за конструктивный процесс развития многополюсности, за создание сбалансированного, стабильного, демократического и неантагонистического нового порядка; возражают против создания некой единой культурной и идеологической модели, стоят за признание и уважение плюрализма мировой цивилизации. Они поддерживают и активно участвуют в процессе развития глобальной интеграции и регионализации мировой экономики, ратуют за защиту экономической безопасности суверенных государств, выступают против дискриминации любого рода в торгово-экономических связях и навязывания условий, наносящих ущерб интересам других государств. Китай и Россия поддерживают и всесторонне укрепляют ООН, отвергают любые действия, предпринимаемые в обход Совета Безопасности и идущие вразрез с международным правом. КНР и Россия выступают против расширения действующих и создания новых военно-политических союзов, отвергают противостояние и всякого рода взаимное сдерживание, раздел крупными государствами сфер влияния в различных регионах, выступают за разрешение важных и крупных международных проблем путем равноправного диалога в духе партнерства и сотрудничества. Обе страны выступают за разрешение косовского вопроса политическим путем на основе уважения суверенитета и территориальной целостности Югославии, соблюдения Устава ООН и общепризнанных норм международного права и уважения законных прав и интересов народов, населяющих Косово. Основываясь на существующем широком общем понимании, обе страны имеют возможность по международным вопросам согласовывать свои позиции и вести сотрудничество для того, чтобы защищать свои интересы и способствовать развитию и стабильности в мире.

В-третьих, благодаря постоянной заботе руководства наших стран и совместным усилиям правительств и народов КНР и России в китайско-российских отношениях наблюдается заметный прогресс. За восемь с лишним лет Председатель Цзян Цзэминь и Президент Б.Ельцин встречались уже шесть раз, в последнее время премьеры двух стран встречались четырежды, и все встречи поднимают отношения между странами на новый уровень. Главы двух стран придают большое значение китайско-российским отношениям и лично заботятся об их развитии. Они уделяют пристальное внимание разрешению всех важных вопросов между Китаем и Россией. Между Китаем и Россией уже сложился механизм диалога на многих уровнях, что необходимо для продвижения вперед отношений между двумя странами. Вместе с тем и правительственные деятели, и общественность наших стран тоже играют важную роль для стимулирования развития китайско-российских отношений. Особо нужно отметить, что проведение добрососедской и дружественной по-

литики в отношении Китая является уникальным вопросом, по которому не существует никаких разногласий между различными политическими силами России. Это убедительно свидетельствует о том, что китайско-российская дружба проникла глубоко в сердца народов и что для развития долгосрочных и дружественных отношений партнерства и стратегического взаимодействия между двумя странами существует прочная основа.

III. Перспективы развития китайско-российских отношений

После нескольких бурных десятилетий китайско-российские отношения постепенно идут к вызреванию, перед ними открываются широкие перспективы развития. Это обусловлено, во-первых, тем, что обе страны уже определили направление будущего развития отношений, которое нацелено на построение равноправных и доверительных отношений партнерства, направленных на стратегическое взаимодействие в XXI веке. Во-вторых, обе страны имеют прочную политическую основу для развития взаимных отношений – совместные заявления и соответствующие документы, выработанные на встречах глав Китая и России. В-третьих, развитие отношений между нашими странами обеспечено механизмом периодических встреч глав государств, премьеров-министров, министров иностранных дел и других руководителей разных уровней. В-четвертых, развитие отношений между обеими странами получило широкую народную поддержку. Уже созданный Китайско-российский комитет дружбы, мира и развития будет активно работать для углубления дружбы между народами двух стран, закладывая прочный общественный фундамент для развития китайско-российских отношений.

В дальнейшем Китай и Россия будут продолжать усиливать всестороннее сотрудничество, постоянно обогащать и совершенствовать партнерские отношения стратегического взаимодействия между обеими странами и поднимать их на более высокий уровень. В нынешней обстановке следует уделять особое внимание и развивать сотрудничество в трех областях.

Во-первых, нужно активизировать консультации, согласования и сотрудничество в международных делах. После косовского кризиса это стало особенно важным. Находящаяся под контролем США НАТО открыла военные действия против Югославии, что является серьезным международным событием. Это причинило ущерб отношениям между крупными государствами, способствовало возрождению “неоинтервенционизма” в США и усилило тенденцию к национальной разобщенности во многих странах мира. Нас ждет неспокойный мир. В новой обстановке перед Китаем и Россией стоит задача отстаивания государственного суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности, а также защиты мира и стабильности в мире и в регионах. Обе страны должны усиливать взаимодействие и отстаивать собственные интересы.

Во-вторых, необходимо укреплять сотрудничество в торгово-экономической сфере и преодолевать такое положение, когда эта сфера отстает в своем развитии от развития политических отношений между нашими странами. В последние годы правительства Китая и России проделали значительную конкретную работу для продвижения вперед торгово-экономического сотрудничества и уже получены первые позитивные результаты. Впредь следует продолжать напрягать усилия для того, чтобы товарооборот между обеими странами в начале XXI века достиг 20 млрд. ам. долл. Для этого двум странам нужно особое внимание уделять расширению и развитию сотрудничества в области энергоресурсов и высоких и новых технологий, усиливать

развивать сотрудничество между регионами. Вместе с тем наши страны должны создавать благоприятные условия для развертывания торгово-экономического сотрудничества. В настоящее время особого внимания заслуживает решение проблем расчетов, платежей, арбитража в торгово-экономической деятельности, сокращение до минимума торгово-экономического и инвестиционного риска. Только уменьшение торгово-экономического и инвестиционного риска способно привести равноправные и взаимовыгодные торгово-экономические связи между двумя странами к стабильному и быстрому развитию.

В-третьих, нужно активно развертывать взаимодействие между ответственностью двух стран, в том числе обмена и сотрудничество в областях культуры, информации, просвещения, науки и техники и т.д., чтобы вовлечь широкие слои общественности двух стран в созидание величественного здания дружбы, поскольку укрепление и развитие дружественных отношений между Китаем и Россией требуют не только усилий политиков, но и участия и поддержки широких слоев общественности. Установление и успешное развитие в 50-х гг. дружественных отношений между Китаем и Советским Союзом, в очень большой степени обязано тогдашним обменов просветительскими и научно-техническими работниками двух стран. В 50-е гг. десятки тысяч китайских студентов и практикантов ездили учиться в СССР, тысячи советских специалистов направлялись в Китай для оказания помощи в социальном строительстве. Множество советских фильмов, романов, музыкальных и других художественных произведений были представлены народам Китая, в свою очередь СССР также знакомился с китайской литературой и искусством. Все это в сердцах народов Китая и России возвело такой мост дружбы, который, выдержав испытания бурей и непогодой, до сих пор возвышается непоколебимо. Поэтому сегодня необходимо энергично развертывать обмены в упомянутых областях. Например, вероятно, можно довести обмен студентами до тысячи человек, ведь Китай и Россия имеют множество высококачественных вузов, которые вполне могут принять такое количество студентов. Для развертывания сотрудничества между двумя странами в различных областях необходимо большое количество специалистов, знающих и русский и китайский языки, и сейчас их надо активно готовить. Это важнейшее дело, результаты которого будут служить в веках. Обмены и сотрудничество в других областях между народами Китая и России тоже должны постепенно расширяться, чтобы вечнозеленое дерево китайско-российской дружбы пускало глубокие корни и покрывалось густой листвой.

Развитие китайско-российских отношений до сегодняшней высоты, глубины и размаха было не простым делом. Как Китай, так и Россия очень дорожат такими отношениями, поскольку они чрезвычайно важны для обоих государств, особенно в нынешней обстановке. В конце 1999г. Президент Б.Ельцин посетит Китай и состоится седьмая встреча в верхах. Эта встреча, как и все предыдущие, обязательно поднимет отношения между двумя странами на новую высоту.

Завершение очередной реформы японо-американского союза безопасности

© 1999

В.Бунин

19 января 1960 г. в Вашингтоне между США и Японией был подписан новый «договор безопасности», получивший название Японо-американский Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности. В определенной мере это был пересмотр «договора безопасности», навязанного Японии Соединенными Штатами Америки и подписанного одновременно с Мирным договором с Японией в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г. Подписание договора 1951 г. объяснялось необходимостью обеспечения безопасности Японии в связи с отсутствием у нее своих вооруженных сил для обеспечения обороны собственной территории. Договор закреплял пребывание в Японии американских войск и баз. Сан-францисская версия договора, по мнению японцев, была неравноправной, она закрепляла главные элементы зависимости Японии, оставшиеся от периода оккупации, ущемляя, таким образом, суверенитет страны. Поэтому по настоянию японцев «договор безопасности» 1951 г. был пересмотрен и в 1960 г. принят новый его вариант, представлявший собой двустороннее военное соглашение, предусматривающее помощь США в нейтрализации угрозы безопасности Японии. Это соглашение действует 40 лет и является примером блоковой политики Вашингтона в Азии.

На волне эйфории Сан-Францисского мирного договора с Японией подписание и ратификация первого «договора безопасности» прошли гладко. Японский народ, получивший, наконец, полную независимость и так называемое окончание американской оккупации, лишь спустя некоторое время осознал все «прелести» военно-политического союза с Вашингтоном.

Пересмотр и необходимость подписания обновленного договора безопасности с Соединенными Штатами Америки, к чему так стремились правящие круги, так же не сулили особых благ для японского народа, который с каждым днем укреплялся в пацифистских настроениях, принесенных окончанием второй мировой войны, принятием миролюбивой демократической конституции и, наконец, окончанием в апреле 1952 г. официальной оккупации, поскольку войска и базы США в большом количестве продолжали располагаться и действовать на Японских островах. Достаточно мощные силы оппози-

ции, выступавшие за ликвидацию любых пактов с США, всячески противились пересмотру и подготовке к подписанию нового договора безопасности, какие бы соблазны он не сулил.

Переговоры о заключении нового договора безопасности были одними из наиболее длительных и сложных в истории японо-американских отношений. Обе стороны вынуждены были пойти на определенные уступки, которые сделали возможным его подписание. Вашингтон с удовлетворением встретил решение Верховного суда Японии о конституционности размещения американских войск на Японских островах. Не будь такого решения, все надежды на ратификацию конгрессом США «неконституционного договора» были бы тщетны.

19 января 1960 г. в Вашингтоне американская делегация во главе с государственным секретарем К. Гертером и японская, возглавлявшаяся премьер-министром Н. Киси, подписали между США и Японией Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности.

Состоявшаяся 23 июля 1960 г. ратификация договора проходила на фоне драматических событий: из-за накала бушевавших по всей Японии антиамериканских митингов был отменен визит в Токио президента США Д. Эйзенхауэра, который должен был принять участие в торжественной церемонии по случаю вступления в силу нового договора, а 23 июля 1960 г. последовала отставка премьер-министра Н. Киси, взявшего на себя ответственность за случившееся.

Если старый «договор безопасности» носил, скорее, характер соглашения о предоставлении Японией Соединенным Штатам военных баз на своей территории, то новый договор принял характер военного союза. Он предусматривал обязательства Японии участвовать, хотя и в ограниченной степени, в военно-политической стратегии США на Дальнем Востоке.

Статья V Договора давала основание многочисленным японским и иностранным обозревателям, общественным деятелям, политикам и ученым утверждать, что ее реализация может вовлечь Японию в опасные военные операции на всем пространстве Дальнего Востока. Да, теоретически такая возможность существовала. Фактически же оппоненты договора не принимали во внимание положения статьи о том, что совместные действия сторон должны осуществляться «в соответствии с конституционными положениями и процедурами». Конституция Японии категорически запрещает ее вооруженным силам участвовать в операциях «коллективной обороны» (то есть в операциях по ведению совместных боевых действий). 40-летняя история существования договора подтвердила строгую приверженность Токио конституционным запретам, поэтому «силы самообороны» ни одного раза не участвовали ни в каких «коллективных операциях» ни на Японских островах, ни за их пределами.

После подписания договора много говорилось, что его VI статья предусматривает использование американскими вооруженными силами баз на японской территории для агрессивных действий за пределами Японского архипелага. Соответствовало ли это утверждение реальной действительности?

Справедливости ради следует отметить, что базы на японской территории ни разу не использовались непосредственно для ведения военных операций в регионе (во время войны на Корейском полуострове в начале 50-х годов и в период боевых действий во Вьетнаме в 60 - 70-х годах: они использовались только в интересах тылового обеспечения). Кроме того, к моменту подписания договора количество баз сократилось до 142, а войск - до 51 987 человек¹ и в дальнейшем неизменно снижалось. Даже в самый пик «холодной войны» количество баз и численность войск (сил) оставались неизменными (баз - было более 100, а войск (сил) - до 45 000 человек)². Кроме того, по своей инициативе Япония приняла в начале 70-х годов парламентскую резолюцию о

«трех неядерных принципах»: не иметь, не производить и не ввозить на территорию Японии атомное оружие (последнее касалось кораблей 7-го флота США, которые заходили в военно-морские базы в Японии, как стало известно позже, некоторые из них имели, якобы, на борту атомное оружие), а также постановления кабинета министров о трех принципах вето на экспорт японского вооружения (оружие запрещалось вывозить в коммунистические страны, находящиеся в состоянии внутренних конфликтов (мятежей) и воюющие государства, а также в те страны, которые причислялись к разряду конфликтоопасных).

Продолжая перечень нововведений в договор 1960 г., следует отметить, что согласно статье III японская сторона брала на себя обязательство наращивать свой военный потенциал, что являлось одним из основных требований США к своим партнерам по военным союзам.

Как в преамбуле, так и в ряде статей договора констатируется соответствие его положений Уставу ООН, конституции Японии, а также подтверждается намерение сторон содействовать развитию мирных и дружественных отношений, ликвидации противоречий в своей международной экономической политике и поощрению экономического сотрудничества между ними, на что сделан особый акцент в статье II. Данная статья Договора играла важную роль в развитии отношений сотрудничества двух стран в торгово-экономической сфере. На всем протяжении послевоенного периода США являлись для Японии главным торгово-экономическим партнером, обеспечивая наиболее емкий рынок сбыта производимой в стране промышленной продукции и оставаясь основным крупнейшим поставщиком сельскохозяйственной продукции, ряда сырьевых товаров, некоторых видов машин и оборудования, в том числе самолетов, передовых технологий, особенно военных.

Положения этого договора по сравнению с договором 1951 г. отражают заметное усиление роли Японии в японо-американских отношениях безопасности, хотя по существу договор 1960 г. был неравноправным для Токио, поскольку сохранялось положение, разрешающее вооруженным силам США создавать на территории Японии свои базы, в пределах которых США обладали неограниченными правами. Японское правительство и Управление национальной обороны были лишены права осуществлять контроль за перемещениями американских воинских формирований, дислокацией вооружения и военной техники, их характером, количеством и т.д.

Срок действия вступившего в силу 23 июня 1960 г. договора устанавливался в 10 лет, по истечении которых любая сторона имела право заявить за год о желании его денонсировать. Поскольку такого заявления сделано не было, с июня 1970 г. договор автоматически продлевался из года в год³.

Это положение создавало, по крайней мере внешне, впечатление определенной нестабильности. Однако оно было ликвидировано в результате достигнутой в 1975-1976 гг. на высшем уровне договоренности о том, что США и Япония обязуются в течение длительного времени сохранять систему автоматического продления договора безопасности, не ставя вопрос о его денонсации. Отвечая 28 января 1980 г. на запросы в парламенте относительно судьбы договора безопасности в 80-е годы, премьер-министр М. Охира подтвердил, что «правительство намерено и впредь опираться на этот договор «в своей политике»⁴.

В развитие VI статьи договора был произведен обмен нотами, в которых выразилось согласие Соединенных Штатов при некоторых обстоятельствах проводить предварительные консультации с Японией⁵.

В связи с обменом нотами 19 января 1960 г. президент США Д. Эйзенхауэр в специальном письме заверил премьер-министра Японии Н. Киси, что правительство США не имеет намерения действовать каким-либо образом,

противоречащим желаниям японского правительства, в связи с вопросами, требующими предварительной консультации⁶. Была так же достигнута договоренность о создании Консультативного комитета безопасности, который, как сказано в нотах, "в случае необходимости мог бы быть использован для подобных консультаций между правительствами"⁷.

Старое административное Соглашение 1952 г., заключенное на основании статьи III Договора о гарантии безопасности между Японией и США 1951 г., было несколько изменено и получило наименование "Соглашение относительно средств обслуживания и территорий, а также о дислокации в Японии войск (сил) Соединенных Штатов, заключенное на основании статьи VI Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности между США и Японией"⁸.

Американская печать положительно расценивала подписание нового договора безопасности. Особенно подчеркивало то, что договор был подписан на добровольной основе. Так, газета "Вашингтон пост энд таймс геральд" отмечала, что "знаменательным является момент добровольности" и что в отличие от Договора 1951 г. обе страны выступали, как свободные и равные партнеры⁹. Следует подчеркнуть, что инициатива в пересмотре договора принадлежала Японии.

Возражая газете, можно еще раз подчеркнуть, что характер возложенных по договору на стороны обязанностей вряд ли является партнерским. Заявления о "равноправном характере" должны были, по мнению Вашингтона, помочь уменьшить критику премьера Н. Киси со стороны японских оппозиционных сил во время обсуждения договора в парламенте весной 1960 г. По сути дела подписанный в 1960 г. договор до конца 70-х годов официально не назывался военным союзом. Только принятие 27 ноября 1978 г. на 17 сессии японо-американского Консультативного комитета по вопросу безопасности Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области обороны, представляющих собой своего рода программу сотрудничества в самой деликатной области - разработке боевых операций на случай "чрезвычайных обстоятельств", явилось крупнейшим событием в японо-американских отношениях со времени заключения в 1960 г. договора безопасности и означало серьезный крен позиции правящих кругов Японии от общих вопросов в сторону конкретного военного сотрудничества с Соединенными Штатами¹⁰. Руководящие принципы определяли характер двусторонних взаимоотношений в военной области, вплоть до разработки совместных оперативных документов¹¹.

На 18 сессии комитета, состоявшейся 8 января 1982 г., впервые обсуждался вопрос о подготовке в соответствии с Руководящими принципами планов совместных японо-американских боевых операций на случай возникновения "чрезвычайных обстоятельств", то есть возникновения ситуации, когда потенциальные угрозы безопасности принимали характер непосредственных. Был оговорен пункт о передаче Японией в распоряжение американских вооруженных сил, если того потребуют обстоятельства, дополнительных объектов и территорий (помимо 114 имеющихся военных баз и объектов, постоянно используемых войсками США) для размещения перебрасываемых сюда с целью "оказания помощи" американских воинских контингентов из других районов.

22 января 1982 г. стороны согласились начать практическую разработку оперативных планов, предусматривающих различные варианты (сценарии) боевых действий, включая блокаду международных проливов (Цусимского, Сангарского, Лаперуза), и их тыловое обеспечение, что вызвало довольно резкий протест со стороны правительств азиатских стран.

В рамках подготовки планов совместных операций была подготовлен совместный проект охраны морских коммуникаций Японии и боевого эскорти-

рования «военно-морскими силами самообороны» боевых кораблей США в зоне, простирающейся в радиусе 1000 морских миль от берегов Японии. Важным является также определение рамок и масштабов предоставления Японией соответствующей помощи американским войскам, находящимся на ее территории, в случае «если военно-политическое положение на Дальнем Востоке за пределами территории Японских островов может оказать отрицательное влияние на безопасность страны»¹².

26 декабря 1990 г. в связи с 30-летием вступления в силу договора безопасности по просьбе японской стороны статус Консультативного комитета был повышен. В него вошли: со стороны Японии - министр иностранных дел и начальник Управления национальной обороны, со стороны США - государственный секретарь и министр обороны¹³. Министр иностранных дел Японии Т. Накаяма, не скрывая своего удовлетворения по поводу повышения статуса Консультативного комитета, выделил два момента: доведение контактов Японии с США до уровня связей Вашингтона с партнерами по НАТО и повышение влияния на ход советско-американских переговоров по сокращению стратегических вооружений¹⁴. Япония была особенно заинтересована в скорейшей ликвидации ракет средней дальности на азиатской части СССР.

Окончание «холодной войны», повлекшее за собой коренную реорганизацию международных отношений и существенные изменения в расстановке военно-политических сил в АТР, вынудило правительство Японии серьезно пересмотреть свою оборонную политику, а также подходы к японо-американскому союзу безопасности, который во многом утратил направленность как чисто антикоммунистическое и военно-политическое объединение в связи с исчезновением угрозы с «севера» в лице прекратившего свое существование Советского Союза. В этих условиях администрация Б. Клинтона предприняла меры для того, чтобы перехватить инициативу у Японии по модернизации японо-американской системы безопасности, предложив ей свои варианты ее реформирования.

С этой целью американская администрация направила в Японию представительную делегацию, включающую ответственных сотрудников военного ведомства для оказания помощи Японии в разработке перспективного оборонного плана. В результате совместной работы японских и американских представителей были разработаны и 25 ноября 1995 г. приняты правительством Японии Основные направления программы национальной обороны на период с 1996 г.¹⁵ Указанный документ предусматривал реформу сил самообороны, рассчитанную примерно на 15 лет, которая включала:

- сокращение численности личного состава на 20 % с 300 тыс. до 245 тыс. человек;

- создание боеготового резерва в 15 тыс. человек;

- сокращение числа пехотных дивизий с 12 до 8;

- сокращение количества вооружений и военной техники на 10-15 %;

- создание Центрального разведывательного управления численностью в 1700 человек;

- участие сил самообороны в миротворческих операциях ООН, международных спасательных операциях по ликвидации последствий стихийных бедствий в любом районе земного шара; на обеспечение мира, стабильности, безопасности и процветания в АТР, что, как отмечают обозреватели и политические деятели из соседних азиатских стран, расширяет экспансию Японии на весь огромный регион западной части Тихого океана¹⁶;

- принятие на вооружение новых истребителей непосредственной авиационной поддержки F-2;

- создание в силах самообороны мобильных формирований, оснащенных самым совершенным вооружением и военной техникой;
- изучение вопроса о создании совместно с США противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД).

Проблема противоракетной обороны театра военных действий привлекает сейчас особое внимание. Обозреватели и политические деятели из соседних азиатских стран отмечают, что цели реформы предусматривают расширение экспансии Японии на всю зону западной части Тихого океана. Вначале Япония отказывалась от проекта создания ПРО ТВД из-за его малой эффективности и дороговизны. Однако запуск Северной Кореей 31 августа 1998 г. баллистической ракеты над японской территорией без предварительного уведомления со стороны Пхеньяна подтолкнул Токио на совместное с США проведение оценочных исследований по проекту создания ПРО ТВД. Решение может быть принято при позитивном заключении по данным совместного исследования¹⁷.

Вслед за этим между США и Японией 16 апреля 1996 г. была подписана Совместная декларация по безопасности на 21-е столетие, в которой подтверждалось укрепление и фактически бессрочное продление японо-американского военного союза, основанного на Договоре безопасности 1960 г., сохранение американского военного присутствия в АТР на уровне 100 тыс. чел., в том числе в Японии - 47,6 тыс. чел. В декларации указывается на необходимость пересмотра Руководящих принципов 1978 г.¹⁸.

Новые Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны были приняты 23 сентября 1997 г.¹⁹. Они предусматривают сотрудничество между силами самообороны Японии и войсками США на Японских островах в трех аспектах: в мирное время, во время вооруженного впадения на Японию и в чрезвычайных ситуациях, возникающих в окружающих ее районах. Последний аспект вызывает противоречивые толкования. В частности, руководство Китая весьма остро отреагировало на замечание бывшего генерального секретаря кабинета министров О. Кадзияма, который утверждал, что к таким районам может быть отнесен и Тайваньский пролив. В Руководящих принципах отмечается, что «ситуации в окружающих Японию районах» оказывают важное влияние на мир и безопасность Японии. При этом трактовка понятия «окружающие Японию районы» опирается не на положение географии, а является чисто концептуальной. Далее в документах подчеркивается, что оба правительства предпримут все возможные усилия, включая дипломатические, для предотвращения развития опасных ситуаций, и если стороны будут едины в оценке конкретной ситуации они будут способны к координации своей деятельности. Предпринимаемые меры для разрешения таких ситуаций могут различаться в зависимости от обстоятельств.

В Руководящих принципах обращают на себя внимание также следующие моменты:

- предоставление Японией войскам США разрешения на использование гражданских аэродромов и морских портов на случай чрезвычайных обстоятельств, а также проведение инспекций иностранных торговых судов, следующих с грузом в период экономических санкций, которым подвергается та или иная страна, вызвавшая напряженность обстановки. При этом оговаривается, что инспекция судов осуществляется только по резолюции Совета Безопасности ООН;

- выделение сфер сотрудничества на случай возникновения напряженности вокруг Японии, в том числе любые мероприятия, проводимые по инициативе правительств обеих стран. Организация работы с беженцами, по-

иск и спасение, эвакуация некомбатантов, деятельность по обеспечению эффективности экономических санкций для поддержания международного мира и стабильности, оказание Японией поддержки войскам США, дислоцированным на территории Японии, и т.д. Предусмотрено, что Япония примет участие в тыловом обеспечении войск (сил) США, начиная с поставок ГСМ до предоставления транспортировки персонала и материалов и кончая проведением минно-тральных операций в японских и международных водах. При этом подчеркивается важность того, что Япония будет оказывать поддержку войскам США в рамках конституции и международных законов;

- деление оборонительных операций в случае вооруженного нападения на Японию на три категории: отражение воздушного нападения, защита окружающих морей и морских коммуникаций и отражение вооруженного нападения в пределы Японии. Возможность общевойсковых (комбинированных) операций вооруженных сил во всех трех фазах в отличие от принципов 1978 г, деливших операции на наземные, военно-воздушные и военно-морские;

- сотрудничество Японии и США в проведении совместных операций по борьбе с партизанами, а также в организации противовоздушной и противоракетной обороны.

Новые Руководящие принципы не вызвали особого энтузиазма японских правящих кругах, в связи с необходимостью разработки множества инструкций для правильного понимания и трактовки отдельных положений, создания четкого механизма их выполнения, как непосредственно силами обороны, так и центральной и местными администрациями. В правящей коалиции возникли разногласия, в частности, при оценке безразличия парламента к дебатам по проблемам безопасности. Последнее, как считают многие, затрудняет достижение национального согласия.

За рубежом на принятие новых Руководящих принципов остро отреагировал Китай. Представитель министерства иностранных дел КНР потребовал заверений относительно того, что японо-американский документ не направлен против какой-либо третьей страны²⁰.

В отличие от Китая премьер-министр Тайваня приветствовал принятие совместного документа, заявив, что, если Япония и США проявляют заинтересованность в сохранении мира и стабильности в АТР, то Тайвань расценивает это как позитивную позицию.

В США новые Руководящие принципы рассматривают в качестве мощного стимула для укрепления отношений безопасности между двумя странами, что вполне естественно. В то же время американские обозреватели указывают на то, что Япония должна сделать даже больше того, что записано в Принципах. В частности, М. Мотидзуки отмечает, что Япония, если она стремится стать подлинным союзником США, обязана отменить свой односторонний запрет на право участия в коллективной обороне.

Американские исследователи полагают, что могут возникнуть разногласия, когда наступит время интерпретировать и реализовывать основные положения этого документа. В то же время официальные представители США считают, что Япония в первую очередь должна определить свои региональные обязанности и урегулировать их с Соединенными Штатами.

В Японии отмечают, что, несмотря на наличие многих неясностей в новом документе, он представляет собой шаг вперед в развитии японо-американских отношений, поскольку открывает максимальные возможности для сотрудничества. Отмечается поддержка новых японо-американских мероприятий по безопасности всеми политическими партиями, за исключением КПЯ и СДП. Отправной точкой дискуссий по безопасности, отмечает японская

печать, является четкое понимание того, что важно для защиты государства. Однако правительство, говорится в редакционной статье «Йомиури», «своей интерпретацией понятия о коллективной обороне затрудняет реализацию положений, зафиксированных в Руководящих принципах. Государство имеет право участвовать в коллективных оборонительных операциях, но Япония не может этого делать в связи с конституционными ограничениями, - так заявляет правительство. Такое толкование, очевидно, являющееся следствием компромисса с оппозицией, некорректно с точки зрения международного права. Поэтому принятие новых Руководящих принципов сотрудничества в области обороны дает реальный повод для тщательного изучения правильности этой интерпретации и требует его законодательного оформления. В мае 1999 г. парламент Японии в острой политической борьбе принял три законодательных акта, регулирующих правовую деятельность сил самообороны в соответствии с Руководящими принципами 1997 г. и Конституцией²¹.

В целом новые Руководящие принципы представляют собой комплексный документ, предусматривающий варианты двустороннего сотрудничества в области обороны между Японией и США практически во всех возможных ситуациях. Это наряду с более высокой степенью транспарентности и универсальности отличает его от версии 1978 г.

Тем не менее несмотря на заверченный и всеобъемлющий характер указанного документа, чтобы превратить его в эффективный механизм оборонного сотрудничества, еще предстоит большая и кропотливая работа. Новые Руководящие принципы сотрудничества в области обороны явились еще одним крупным шагом на пути реформирования системы безопасности, направленной на укрепление японо-американского военного союза, вступающего в 21-е столетие, продление американского военного присутствия в АТР, в том числе и на Японских островах.

- 1 Бозэй хандобукку 1996 (Справочник по вопросам обороны). Токио, 1996. С. 287-291.
- 2 Там же.
- 3 Современный монополистический капитализм. Япония. М., 1981. С. 351.
- 4 Асахи симбун. 1980, 28 января.
- 5 Вербицкий С.И. Японо-американский военно-политический союз (1951-1970 гг.). М., 1972. С. 103.
- 6 Там же.
- 7 Там же С. 276-277.
- 8 Там же С. 103.
- 9 Washington Post and Times Herald. 1960. January 18.
- 10 См. подробнее: Лешке В.Г. Японо-американский союз. Итоги трех десятилетий. М., 1983. С. 124-131.
- 11 Кокусай мондай сирё (Материалы по международным проблемам). 1979..№ 1. С. 32-35.
- 12 Бозэй хандобукку 1987 (Справочник по вопросам обороны 1987). Токио, 1987. С. 282.
- 13 Бозэй хакусё (Белая книга по вопросам обороны). Токио. 1997. С. 350.
- 14 Асахи. 1990. 25 июня.
- 15 Бозэй хандобукку (Справочник по обороне). Токио.1998. С. 46.
- 16 Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XIV. М., 1998: ИДВ РАН. С.10.
- 17 East Asia Strategic Review 1998-1999. Tokyo, 1999. P. 75-76.
- 18 East Asia strategic review 1997-1998. Tokyo, 1998. P. 87.
- 19 The Daily Yomiuri, September 1997.
- 20 The Daily Yomiuri. 1997 September 24.
- 21 Йомиури симбун, 1999 September 24.

Экономика

Перестройка финансовой системы в азиатском регионе

© 1999

М.Потапов

Финансово-экономический кризис, разразившийся в странах Восточной и Юго-Восточной Азии в 1997 г., оказался более глубоким и затяжным, чем это ожидалось специалистами. Он привел к длительному спаду и сокращению темпов роста в большинстве стран региона в 1997-1998 гг.

По оценкам экспертов Экономической и социальной комиссии ООН для стран Азии и бассейна Тихого океана (ЭСКАТО), в результате комплекса энергичных внутренних и международных мер удалось преодолеть нижнюю точку кризиса и вплотную выйти на путь поступательного экономического развития. Благодаря политике стабилизации валютного курса, снижения процентных ставок, сокращения государственных расходов, улучшения положения с платежными балансами, увеличения объема валютных резервов и проведения реформ в финансовом секторе в 1999 г. ожидается прекращение падения и даже возможность некоторого роста (до 1% ВВП) в экономике стран региона, в которых наметилась положительная тенденция в динамике развития: Республике Корея, на Тайване, в Малайзии, Сингапуре, Таиланде. Ряд государств Азии (Япония, Индонезия, Гонконг) будут продолжать находиться под негативным воздействием азиатского финансового кризиса, ожидается падение их ВВП на 0,5-2,0%.

В целом, специалисты ЭСКАТО прогнозируют в 1999 г. рост ВВП стран Юго-Восточной Азии на 0,4% (в 1998 г. в этом регионе был зафиксирован спад в 6,2%), а в экономике стран Восточной и Северо-Восточной Азии (КНР, Республика Корея, а также, Сянган, Гонконг, Тайвань), соответственно – рост на 4,4% (в предшествующем году, благодаря в первую очередь высоким положительным темпам роста в Китае, этот показатель был равен 1,5%). Общий же показатель экономического роста развивающихся экономик региона ЭСКАТО, куда входят, за исключением среднеазиатских республик, 24 страны и территории, в 1999 г. ожидается в размере 3,6% после 0,2% в 1998 г. и 5,8% в 1997 г¹.

Столь благоприятная ожидаемая динамика развития экономики стран региона вполне способна восстановить их инвестиционную привлекательность и свидетельствует о правильно избранных "лекарствах" и "методах лечения".

Потапов Максим Александрович, кандидат экономических наук, первый секретарь Департамента международных организаций МИД России.

Здесь, однако, наблюдается и заметный разброс в оценках: от подчеркнуто послушного следования болезненным предписаниям МВФ (Республика Корея) до резкого неприятия самой философии финансовой и торгово-экономической либерализации национальных экономик (Индонезия), делающей их уязвимыми для "международных финансовых спекулянтов".

Конечно, приведенные позитивные оценки Комиссии нынешней экономической ситуации в регионе в известной степени продиктованы желанием пострадавших стран "подать товар лицом" перед иностранными инвесторами. Никто всерьез не оспаривает, что последствия кризиса при сохранении набора внутренних и внешних рисков еще долго будут осложнять социально-экономическое положение региона Восточной и Юго-Восточной Азии. Намечившийся подъем не следует, на наш взгляд, считать необратимым, поскольку базируется он во многом на финансовой поддержке из-за рубежа и некотором расширении экспорта в нерегиональные страны (США, Западную Европу). Ускорению темпов и обеспечению устойчивости восстановления экономики по-прежнему мешают сохраняющееся бремя недействующих кредитов в банковском секторе, медленное оживление экспорта, отсутствие прогресса в реструктуризации задолженности и т.д.

Предполагаемый же дальнейший рост экспорта стран Восточной и Юго-Восточной Азии, вследствие повышения его конкурентоспособности в результате девальвации национальных валют, представляется не столь уж очевидным. Внимательный анализ динамики развития торговли стран региона показывает, что улучшение состояния их платежного баланса по текущим операциям связано преимущественно с сокращением импорта вследствие сжатия внутреннего спроса и роста цен, выраженных в национальной валюте, на ввозимые из-за рубежа, прежде всего сырьевые товары. Показатели же экспорта в рассматриваемых нами странах в 1998 году практически не изменились: рост его физического объема был скомпенсирован снижением товарных цен, прежде всего на традиционные сырьевые товары. Технически передовые экспортные сектора, использующие импортные узлы и комплектующие, в результате их удорожания вообще пострадали. Свой вклад в нейтрализацию преимуществ девальвации национальных валют внесли также инфляция и увеличение стоимости кредита.

На этом фоне весьма привлекательно выглядит *китайская экономика*, продолжающая удерживать наиболее стабильные позиции в регионе. Экономические успехи КНР можно рассматривать сегодня как ключевой фактор "вытягивания" региона Восточной и Юго-Восточной Азии из кризиса. Так, несмотря на некоторое замедление темпов роста ВВП в 1998 году на 1 проц. пункт (с 8,8% в 1997 г. до 7,8% в 1998 г.), главным образом вследствие ослабления экспортных потоков², экономический рост Китая продолжает оставаться высоким. Сильные внешнеэкономические позиции КНР, стабильность юаня, внушительный объем валютных резервов (более 140 млрд.долл.) и достаточно продуманная экономическая политика, представляется, позволят поддержать экономический рост в КНР в 1999 г. на уровне 6-8%. Правда, во внешнеэкономической сфере у Китая существуют и факторы, сдерживающие дальнейшее динамичное развитие экономики: замедление темпов роста экспорта и притока иностранных инвестиций за последние два года (впрочем, это больше относится не к фактически освоенным, а к заявленным инвестициям по соглашениям).

Азиатский финансовый кризис, затронувший экономику стран и территорий, на которые приходится до четверти международного товарооборота, привел к видоизменению картины мировой торговли. Резкое (до 40%) падение импорта стран Восточной и Юго-Восточной Азии, являющихся крупнейшими мировыми

покупателями металлов, энергоресурсов и продовольственного сырья, способствовало значительному снижению мировых цен на сырьевые товары (к примеру, цены на нефть упали в 1998 г. на 30% по сравнению с предыдущим годом). Это не могло не отразиться на показателях эффективности экспорта рассматриваемых нами стран, практикующих экспортно-ориентированную модель экономического роста. Естественным в этой связи выглядит и прогнозируемое отечественными специалистами вполне вероятное смещение акцентов в экономической политике новых индустриальных стран с количественных на качественные показатели роста с определенной коррекцией неоиндустриальной модели развития³.

Азиатский кризис в условиях потери доверия инвесторов к "формирующимся рынкам", думается, способен усилить конкуренцию среди стран региона за внешние рынки и иностранные инвестиции, что может отразиться и на интеграционных процессах. На фоне экономических последствий можно ожидать усиления протекционистских настроений азиатских развивающихся стран в противовес активно поддерживаемому США, вообще транснациональным бизнесом курсу на либерализацию международных торговых и инвестиционных потоков.

В принципе, дальнейшее развитие азиатского регионального и межрегионального сотрудничества, а также возможности преодоления последствий финансового кризиса будут в значительной мере зависеть от того, насколько страны Восточной и Юго-Восточной Азии смогут самостоятельно формировать экономическую политику, исходя из своих национальных интересов, использовать внутренние ресурсы и потенциал региональной кооперации, экспортные возможности своих экономик, общеэкономическую и геополитическую ситуацию в мире.

* * *

В рамках продолжающейся критики деятельности международных финансовых институтов, оказавшихся неспособными предсказать и предотвратить азиатский финансовый кризис и его распространение на другие регионы мира, в мировом экономическом сообществе продолжают дискуссии о реформировании Бреттон-вудских институтов (МВФ, группа Всемирного банка) и формировании новой глобальной финансовой архитектуры.

Ряд ученых высказывает мнение о том, что нынешний финансовый кризис выходит за рамки чисто финансовой сферы и является свидетельством системного кризиса, который испытывает в настоящее время мировое хозяйство. Говорится об отрыве кредитно-финансового рынка от реального сектора, слабости контроля за трансграничным движением краткосрочных капиталов.

Бреттон-вудские институты, изначально созданные для поддержания стабильности мировой валютно-финансовой системы, на современном этапе столкнулись с резко усложнившимися и значительно более масштабными задачами, вызванными новой ступенью глобализации мирохозяйственных процессов. Это, прежде всего, задачи предоставления крупных объемов чрезвычайного "буферного" финансирования, а также разработки рекомендаций по глубокому реформированию всей существующей мировой валютно-финансовой архитектоники.

Пока нынешний финансовый кризис ограничивался рамками развивающихся стран, Бреттон-вудские институты реагировали на него в рамках своих традиционных подходов. Однако их жесткие рекомендации и требования, построенные по типовым схемам без учета национальной специфики, не только не принесли финансового и экономического оздоровления, но в ряде случаев значительно усугубили ситуацию в социально-экономической сфере пострада-

давших стран, а главное - не смогли остановить дальнейшее нарастание кризисных явлений. Необходимость глубоких реформ в мировой валютно-финансовой системе впервые заявила о себе в ходе мексиканского кризиса середины 90-х годов и в полной мере была осознана только тогда, когда последствия азиатских потрясений заделали США, затронув их интересы в ряде других стран, прежде всего в Латинской Америке, а также вовлек в свою орбиту Россию.

Важным шагом в этом направлении стал пакет мер, разработанный министрами финансов и управляющими центральными банками "семерки" стран-доноров на встрече в Лондоне в октябре 1998 г. Они предусматривают увеличение капитала МВФ на 90 млрд.долл., обновление действующих механизмов по оказанию помощи странам, выполняющим одобренные Фондом стабилизационные программы, а также снижение учетных ставок в ведущих развитых государствах для стимулирования экономического роста. Сюда же следует отнести запуск Международным банком реконструкции и развития (МБРР) чрезвычайного механизма содействия пострадавшим от кризиса государствам в области реструктуризации долговых обязательств и стимулирования притока иностранных инвестиций в частный сектор.

Основные рекомендации, звучащие на международных экономических и финансовых форумах по реформированию Бреттон-вудских институтов сводятся к следующим мерам.

В рамках МВФ предлагается создать *региональные аналоги Фонда* по типу связанных с МБРР многосторонних региональных банков развития, чтобы в большей степени учитывать национальную специфику стран-получателей помощи и более эффективно осуществлять функции контроля за ее использованием. Высказываются пожелания относительно учреждения специальных фондов для дополнительного финансирования кризисных стран в контексте возможных изменений в распределении страновых квот в МВФ, регулярной публикации рейтингов кредитного риска в развивающихся государствах, разграничения расчетных и инвестиционных операций и т.д. Допускается даже возможность введения жесткого режима валютного регулирования, в частности путем внешнего валютного управления (Currency Board) и других ограничений на валютные операции либо за счет полного отказа от использования национальной валюты и ее замены на твердую валюту при тщательном мониторинге за движением краткосрочных капиталов. Однако создание "валютного совета", как нам представляется, будет весьма обременительным для экономики и скорее всего станет тормозом на пути ее роста. Наиболее приемлемым решением, на наш взгляд, является создание системы гибких валютных курсов. Большинство охваченных кризисом стран, кстати, уже внедрили такую систему.

В рамках таких предложений *Международный валютный фонд*, очевидно, останется центром мировой валютно-финансовой системы, но его статус и функции претерпят существенные изменения. С этой целью предполагается преобразовать ныне существующий Временный комитет (внеуставный орган МВФ, в рамках которого обсуждаются вопросы макроэкономики, реформы мировой валютно-финансовой системы, пересмотра квот, внесения изменений в устав, а также обеспечивается разработка политических решений для последующего их принятия на Совете управляющих), увеличив число его членов и предоставив ему право принимать политические решения. Что касается дополнительных механизмов и инструментов Фонда, то они будут обновлены за счет совершенствования деятельности по прогнозированию и раннему предупреждению кризисных явлений, улучшению координации с Всемирным банком, национальными банковскими системами.

Серьезно обсуждаются планы создания крупной международной компании по страхованию кредитов, а также Агентства по глобальному финансовому регулированию с участием МВФ, Всемирного банка, Банка международных расчетов и Базельского комитета по банковскому регулированию, других международных финансовых организаций. Ясно, что следствием всех указанных мероприятий должно стать неизбежное удорожание кредитов Фонда, а также отказ от их предоставления для реструктуризации долговых обязательств страны-заемщика.

Главные направления текущего реформирования *Всемирного банка* включают совершенствование его организационной структуры и оперативной деятельности; большее внимание социальным проектам, борьбе с бедностью и коррупцией, распространению передовых знаний и технологий; обеспечение более полного доступа стран-членов к информационной базе Банка; подготовку кадров и т.п. В основе механизма кредитования Всемирным банком кризисных стран будет лежать система предоставления экстренных займов на срок до пяти лет под высокую процентную ставку.

Позиция развивающихся, в том числе азиатских, стран в отношении формирования новой глобальной финансовой архитектуры предусматривает необходимость пересмотра существующего мирового финансового правопорядка. Разразившийся кризис убедительно продемонстрировал существующие противоречия между динамично развивающимся международным финансовым рынком и неспособностью нынешней финансовой системы предотвращать возникновения таких кризисов.

По замыслу специалистов из стран "третьего мира", новая финансовая архитектура должна обеспечить контроль государств за перемещениями капиталов, особенно краткосрочного характера, большую транспарентность при проведении обменных операций, создание механизмов раннего предупреждения кризисных проявлений и учет социальных последствий. Предлагается также создание сети социальной защиты и страхования, которые могли бы финансироваться за счет средств Азиатского фонда развития.

Дополнительные меры могли бы также предусматривать обеспечение достаточной ликвидности в период кризиса и предоставление дополнительных финансовых ресурсов со стороны МВФ для чрезвычайной поддержки подвергшихся кризису стран. Такого рода превентивные меры должны проводиться совместно с ООН, более активное участие в антикризисных мероприятиях должны принимать региональные финансовые учреждения, включая региональные аналоги МВФ (Азиатский валютный фонд), созданию которых благоприятствуют внушительные объемы накопленных странами региона валютных резервов — 800 млрд.долл. Такой региональный фонд мог бы стать источником дополнительных ликвидных средств, помимо тех, которые в настоящее время предоставляются МВФ. В рамках Фонда следовало бы предусмотреть механизм быстрого выделения требуемых средств, чтобы пополнить резервы стран, затронутых кризисом, и воспрепятствовать его распространению⁴.

Данные предложения представителей развивающегося мира свидетельствуют о том, что они по существу отказались от провозглашенных ранее радикальных подходов к кардинальной реформе международной финансовой системы и склоняются к совершенствованию существующих финансовых механизмов в сторону большей транспарентности и укрепления их потенциала в деле предотвращения кризисов.

Позиция руководства МВФ и западных стран сводится к тому, что реформа существующей финансовой архитектуры не может быть осуществлена силами лишь многосторонних финансовых институтов, необходимо уча-

стие как правительств, так и частного сектора. Основные направления осуществляемой реформы таковы:

- более эффективное и полное вовлечение частного сектора в дело предупреждения и разрешения финансовых кризисов;

- расширение мероприятий по надзору путем проведения оценок стабильности финансового сектора и подготовки докладов о соблюдении странами-членами международных стандартов;

- реализация новых механизмов международного сотрудничества, в частности через Финансовый стабилизационный форум;

- внесение корректив с целью изменения неустойчивого положения стран-должников, через Расширенный фонд структурной перестройки и Инициативу по облегчению долгового бремени бедных стран с высокой внешней задолженностью;

- совершенствование управленческой структуры МВФ с целью обеспечения более всестороннего подхода к возникающим проблемам и более активного участия национальных правительств и др.

В целях укрепления финансовых систем как весьма важного элемента новой архитектуры МВФ совместно с Всемирным банком, Базельским комитетом по надзору за банковской деятельностью и другими ключевыми институтами, включая региональные, уже предпринял ряд мер в этой области. Среди них:

- пересмотр процедур многими национальными финансово-регулирующими органами для усиления надзора за финансовым сектором;

- выявление "узких мест" в работе Базельского комитета, прежде всего сбора информации в отношении проблемных банков, лицензирования, управления, юридической базы, стандартов для межбанковского взаимодействия и т.п.;

- создание финансового стабилизационного форума для укрепления сотрудничества международных организаций, ассоциаций и экспертных групп, осуществляющих регулирование и надзор за финансовым сектором:

- разработка мер для более эффективного сотрудничества МВФ и Всемирного банка в финансовом секторе;

- разработка Международным комитетом по бухгалтерским стандартам комплекса стандартов для международной инвентаризации; завершение в ОЭСР и Всемирном банке работы над принципами корпоративного управления и т.д.

Россия в отношении этого комплекса проблем занимает, по нашему мнению, достаточно взвешенную позицию, выступая за совместные шаги ООН и Бреттон-вудских институтов через разработку общей антикризисной программы действий, преобразование существующих финансовых институтов в более эффективный инструмент для консолидации глобальной финансовой системы, регулирование финансовых потоков, реализацию превентивных антикризисных мер, скажем, по примеру ВТО, путем введения международных правил и стандартов поведения "игроков" на финансовых рынках и пр. Для нас актуален принцип универсальности и своевременности в предоставлении международной финансовой поддержки пострадавшим от кризиса странам. Безусловно, важно уделять особое внимание усилению социальной составляющей в политике МВФ, его более активному участию в оказании странам постконфликтной помощи.

* * *

Масштабы и глубина азиатского финансового кризиса заставила весьма серьезно задуматься над политическими мерами, которые позволили бы избежать подобных явлений в будущем. На национальном уровне пришло по-

нимание того, что странам необходимо быть более осмотрительными при определении темпов и последовательности открытия своих счетов, обслуживающих движение капиталов. В этой связи, на наш взгляд, необходимо проявлять больше гибкости при установлении режимов, регулирующих кредитно-денежную и налогово-бюджетную политику и обменные курсы. Важно также решить проблемы действенного контроля за деятельностью финансового сектора, законодательного обеспечения норм поведения частных компаний в финансовом и реальном секторах экономики, усиления транспарентности в управлении деятельностью корпораций.

На международном уровне, как представляется, необходимо проработать вопрос о реформе международной финансовой системы. Во-первых, речь идет о возможности своевременного выделения необходимых ликвидных средств для предупреждения любых крупных кризисов, с тем чтобы свести к минимуму их распространение и ослабить отрицательные последствия. Международному сообществу предстоит достичь соглашения по вопросу о том, следует ли отвести роль "гаранта последней инстанции" МВФ или же нужно создать для этого какое-то другое учреждение. Далее, необходимо серьезно рассмотреть вопрос об укреплении международного контроля и мер регулирования за массовыми потоками трансграничного капитала, особенно краткосрочными⁵. И, наконец, важно согласовать ряд принципов для решения проблем выхода из долгового кризиса, достижения соглашения в этой области между странами-должниками и внешними кредиторами.

По нашему глубокому убеждению, разразившийся в странах Азии финансовый кризис никоим образом не перечеркнул реальные достижения восточноазиатской модели экономического развития, направленной на развитие экспорта трудоемкой промышленной продукции, обеспечение высоких норм сбережений, либерализацию иностранных капиталовложений и достижение их высоких темпов прироста и т.д. Речь скорее идет о том, что в условиях поступательного экономического развития она не смогла учесть требования, предъявляемые происходящим процессом глобализации и либерализации торговли, инвестиций и потоков капитала. Текущий кризис обнажил ее основные структурные недостатки и потребовал скорейшего их устранения.

1. ESCAP Economic and Social Survey of Asia and the Pacific-1999. N.Y., 1999, p.23-24.
2. Фактором, противодействующим росту китайского экспорта в 1998 г., стало снижение его конкурентоспособности по сравнению со странами ЮВА, пережившими в результате финансового кризиса сильную девальвацию своих национальных валют. С другой стороны, резко упал спрос на китайский экспорт со стороны самих стран региона – крупных торговых партнеров КНР (Японии, Индонезии, Малайзии, Республики Корея, Сингапура и др.). В результате экспорт КНР в 1998 г. вырос всего лишь на 0,5%, главным образом за счет неазиатских стран: США, Западной Европы // (БИКИ, № 61, 1999, 29 мая).
3. См. подробнее: Михеев В.В. Финансовый кризис в Азии и его экономические и политические последствия. // – Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 2. С.66-69.
4. ESCAP Economic and Social Survey of Asia and the Pacific-1999. N.Y., 1999. P.21.
5. Речь может идти, например, о выдвинутом Комитетом ЭКОСОС по планированию развития в первой половине 1998 г. предложении создать Всемирную финансовую организацию и разработать соответствующую нормативную систему для контроля и регулирования международных потоков капитала (подробнее см.: Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 5. С.73-74).

Проблемы развития животноводства и водных промыслов в Китае

© 1999

Е.Кранина

Создание рациональной отраслевой структуры сельскохозяйственного производства является важным направлением хозяйственной реформы КНР. Рациональная структура производства прежде всего должна быть способной удовлетворить потребности населения в различной продукции сельского хозяйства, поддерживать развитие и взаимное стимулирование между всеми отраслями сельского хозяйства и внутрипроизводственных отраслей. Она должна обеспечивать рациональное и полное использование всех сельскохозяйственных ресурсов и экономических условий, поддерживать экологическое равновесие, развитие всего сельскохозяйственного производства на непрерывно расширяющейся основе воспроизводства естественных условий и экономики.

В большинстве европейских и американских стран сельское хозяйство представляет собой сочетание земледелия с преобладающим развитием животноводства. В Китае животноводство лишь в последние десять лет стало играть заметную роль в сельском хозяйстве. Это касается как производства мяса, так и молочных продуктов.

Хозяйственная реформа в деревне, начавшаяся после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), оказала решающее воздействие на формирование и развитие отраслевой структуры сельскохозяйственного производства. В апреле 1981 г. был провозглашен курс "на развитие многоотраслевого хозяйства". В понятие "многоотраслевое хозяйство" включался весьма широкий круг отраслей: животноводство, подсобные промыслы, водное и лесное хозяйство, а также предприятия бывших производственных бригад и коммун. Стимулирование комплексного многоотраслевого развития сельского хозяйства привело к ускоренному росту неземледельческих отраслей в сельской экономике. Существовавшая долгие годы односторонняя растениеводческая ориентация сельскохозяйственного производства, затруднявшая создание более разветвленной производственной структуры сельского хозяйства, стала постепенно заменяться на политику многоотраслевого развития сельского хозяйства. Одновременно наметился процесс развития региональной специализации товарной ориентации. Особенно благоприятная обстановка складывалась в эти годы в таких отраслях, как животноводство и водные промыслы. Правительство, используя экономическое законодательство и экономические рычаги, такие, как льготы или ограничения в налогообложении, кредитовании, ценообразовании, импортно-экспортных операциях, вмешивается в процесс распределения ресурсов между отдельными производствами (отраслями), осуществляемый рыночным механизмом, тем самым исправляет

недостатки и ошибки такого распределения, добивается его рациональности и формирует требуемую отраслевую структуру.

Кроме того, помимо общего макрорегулирования в условиях рынка правительство берет на себя задачу оказания приоритетной поддержки наиболее нуждающимся в ней отраслям и производствам. Разработанная производственная политика вошла составной частью в документ "Девятый пятилетний план и перспективная программа экономического и социального развития КНР до 2010 г."

Спрос населения на сельскохозяйственные продукты возрастает. Между тем в конце 80-х и первой половине 90-х годов все острее стала проявляться тенденция отставания сельскохозяйственного производства от быстрых темпов роста народного хозяйства и непрерывного подъема жизненного уровня населения. Изменение удельного веса продуктов питания животного происхождения требует дальнейшего ускоренного роста животноводства и птицеводства в сельском хозяйстве. Это в свою очередь увеличивает потребность в кормовом зерне и росте его удельного веса в общем балансе расходуемого зерна. К 2010 г. его доля может составить 50% (в 1990 г. — 35,6%).

Масштабы и глубина структурных изменений в сельском хозяйстве оказались различными в разных районах страны. Наиболее существенные изменения произошли в развитых районах. На территориях, имеющих благоприятные почвенно-климатические и экономические условия, активно стала осуществляться специализация сельскохозяйственного производства, выразившаяся в создании специализированных товарных баз.

Таблица 1

Динамика отраслевой структуры валовой продукции сельского хозяйства КНР в 1991—1997 гг., % (по ценам данного года)

Отрасли	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
Растениеводство	63,2	60,5	60,1	58,2	58,4	57,8	56,0
Лесоводство	4,5	4,7	4,5	3,9	3,6	3,3	3,4
Животноводство	26,4	27,1	27,4	29,7	29,7	30,2	31,5
Водные промыслы	5,9	6,8	8,0	8,2	8,4	8,6	9,1

Источник: Чжунго тунцзи чжайяо. Пекин, 1998, с. 101.

Доля растениеводства в 90-е годы значительно понизилась, особенно с 1995—1997 гг., животноводства и рыбоводства соответственно повысилась. Удельный вес лесоводства изменился незначительно. На перспективу, как показывают расчеты китайских экономистов, предполагается сохранение положительных сдвигов в структуре сельской экономики. Доля растениеводства будет сокращаться до 47,6% в 2000 г., доля животноводства — увеличена до 34,7%.

Быстрый рост животноводства по некоторым видам производства продукции вывел Китай на 1-е место в мире: по производству мяса, яиц, меда, продуктов пчеловодства, коконов шелкопряда, общему поголовью домашнего скота, птицы, продукции водных промыслов. Животноводство и водные промыслы стали сферой экономического роста в деревне и важными источниками доходов крестьян.

Быстрый рост в последние годы животноводства, лесоводства и рыбоводства объясняется также особенностями потребительского спроса и политики закупочных цен. Особенно быстро животноводство и рыбоводство развиваются в восточных и центральных районах, здесь их удельный вес выше, чем в западных. Удельный вес рыбоводства в восточных районах самый высокий — 14,9%.

Таблица 2.

**Индексы роста валовой продукции отраслей сельского хозяйства
в 1979—1997 гг.**

Годы	Валовая продукция сельского хозяйства	Растениеводство	Лесоводство	Животноводство	Водные промыслы
1978	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1980	109,1	106,4	113,7	122,7	103,9
1985	161,7	152,2	176,2	203,4	185,1
1986	167,2	156,4	169,9	214,8	223,2
1987	176,9	166,4	169,5	221,7	263,5
1988	183,8	168,5	173,4	249,7	294,1
1989	189,5	172,7	174,1	263,5	315,1
1990	203,9	186,5	179,5	282,0	346,7
1991	211,4	188,2	193,7	306,8	372,2
1992	224,5	196,2	208,6	333,9	430,3
1993	242,5	206,4	225,3	369,8	509,0
1994	263,3	213,0	245,4	431,6	610,8
1995	292,0	229,8	257,7	495,5	729,3
1996	319,5	249,7	272,3	552,1	831,2
1997	336,4	257,5	286,8	592,2	922,0

Источник: Чжунго тунцизи чжайяо. Пекин, 1998, с. 23.

Внутри животноводства также произошли структурные изменения. В последние годы более быстрыми темпами росло поголовье крупного скота и овец, например с 1996 по 1997 г. — на 13,8 и 13,3%, соответственно. Зато существенно снизился рост поголовья свиней — 7,3%. Постепенно происходит формирование новой структуры животноводства. Производство свинины, которое требует большого количества зерна, в общем объеме производства мяса в настоящее время снизилось с 90% в 1978 г. до 70% в 1998 г. Возросло производство говядины, баранины и домашней птицы. Ожидается, что к 2000 г. общий объем производства мяса достигнет 58,5 млн.т, т.е. 45 кг на душу населения, а яиц — 17,5 млн.т¹. В 1998 г. производство свинины, говядины и баранины увеличилось до 43,55 млн.т².

В 2000 г. впервые доля земледелия в валовой продукции сельского хозяйства будет меньше совокупной доли других отраслей — животноводства, лесного и рыбного хозяйства. В самой же земледелии ожидается более быстрое повышение доли производства кормов по сравнению с производством пищевого зерна и технических культур, что, с одной стороны, выступает следствием положительных сдвигов в структуре потребления, а с другой, — обеспечивает возможность их осуществления. По данным Института экономики сельского хозяйства Академии сельскохозяйственных наук Китая, в 2000 г. доля производства зерновых в общем объеме производства продукции земледелия составит 59%, технических культур — 20, кормовых — 21%. В более отдаленной перспективе — к 2020 г. удельный вес зерновых сократится до 46%, доля технических культур и производство кормов возрастут до 25 и 29%, соответственно³.

Тенденция увеличения объемов производства кормового зерна и его доли в валовом сборе зерновых, набирающая силу с начала осуществления реформ, сохранится в течение 9-й пятилетки и в более отдаленной перспек-

тиве. Это соответствует курсу руководства на рационализацию структуры питания населения страны.

На 2000 г. потребность в кормовом зерне определена в объеме 160—170 млн.т, что составит примерно 35% планируемого валового сбора зерновых и 66—68% общего количества требуемых кормов⁴. На пятилетие 1996—2000 гг. запланирована организация животноводческих баз, специализирующихся на производстве мяса, молока и яиц, особое внимание уделяется производству постной свинины — 200 баз с продуктивным поголовьем 50 млн. голов и говядины — 900 тыс. голов. На Северо-Востоке, в АРВМ и в Юго-Восточном Китае создаются базы молочного животноводства на 200 тыс. коров, эти базы смогут поставлять 600 тыс.т молока в год.

Таблица 3.

Валовая продукция сельского хозяйства в 9-й пятилетке

Годы	Валовая продукция сельского хозяйства		Земледелие		Лесное хозяйство		Животноводство		Рыбное хозяйство	
	млрд.ю.	млрд.ю.	%	млрд.ю.	%	млрд.ю.	%	млрд.ю.	%	
1996	1868,55	1018,38	54,5	72,30	3,9	588,84	31,5	189,03	10,1	
1997	2189,35	1156,60	52,8	82,05	3,7	708,79	32,4	241,91	11,1	
1998	2569,45	1313,56	51,1	93,12	3,6	853,18	33,2	309,58	12,1	
1999	3020,70	1491,84	49,4	105,68	3,5	1026,99	34,0	396,19	13,1	
2000	3557,46	1694,30	47,6	119,94	3,4	1236,21	34,7	507,01	14,3	

Примечание: В стоимостных показателях учитывается фактор роста цен.

Источник: Нунье цзинцизи взньти, 1996, № 3, с. 47.

С 90-х годов Китай является крупнейшим производителем животноводческой продукции в мире. На его долю приходится более половины мирового прироста мяса и мясных продуктов, четверть глобальной добычи продукции водных промыслов. Китай стал одним из крупнейших в мире производителей кормов, занимая второе место в мире после США. В стране насчитывается около тысячи кормозаводов, несколько сотен научно-исследовательских институтов кормопроизводства. Их разработки позволили создать специальные продукты и добавки для интенсификации животноводства и птицеводства. Китай лидирует в исследовании жидких добавок к кормам, освоено производство питательной жидкости нового типа, которая позволяет повысить яйценоскость кур на 20%, среднесуточный привес свиней на 750 гр, ученые добились успехов в производстве кормовых дрожжей из шелухи риса.

Рост кормового производства имеет для Китая большее значение, чем для любой другой страны: в других странах производство кормового зерна, как правило, опережает производство продовольственного зерна. Площади, отведенные под развитие животноводства, включая поля под посевами трав, пастбища, площади под кормовыми культурами, превышают площади, занимаемые отраслями растениеводства. В странах с развитым животноводством, его рост обычно достигается за счет собственного фонда фуражного зерна, производство зерна на душу населения превышает 500 кг, количество пахотной площади 1/3 га, размеры пастбищных угодий 1 га. В КНР же на душу населения приходится менее 390 кг зерна, 0,09 га пашни и 0,27 га пастбищных угодий. Поэтому в настоящее время в Китае не может быть выделено большое количество зерна под фураж и пахотной земли под фуражные культуры. Кормовая база включает в себя полевое кормопроизводство, естественные кормовые угодья, отходы овощеводства и других растениеводческих от-

раслей, а также корма промышленного изготовления (комбикорма, витамины, биопрепараты и др.), пищевые отходы и т.д.

По площади естественных пастбищ Китай стоит на 4-м месте в мире после Австралии, России и США. В 80-е годы впервые была проведена работа по обследованию пастбищных угодий в 12 провинциях и автономных районах, главным образом в Северном, Северо-Восточном и Северо-Западном Китае. Собраны данные о типах пастбищ, их разрядах, размещении и природных условиях. Подсчитано, что имеется около 316 млн.га степей на севере страны и 67 млн.га покрытых травами горных склонов на юге. Из общей площади под пастбищами могут использоваться 220 млн.га, из них 18% — первоклассные пастбища, 46% — среднего качества и 36% — бедные.

Вследствие того, что в течение многих лет пастбища использовались хищнически и практически не улучшались, продуктивность их низка. Большая часть пастбищного фонда КНР расположена в засушливых и полужасушливых районах Северо-Западного Китая, где широко распространены сыпучие пески, пастбища нуждаются в крупных мелиоративных работах. Из-за хищнической эксплуатации пастбищ — ненормированного выпаса скота, неумеренного сбора лекарственных трав, заготовки топлива — уничтожается травяной покров, разрушается верхний дерновый слой почвы, пастбища подвергаются ветровой эрозии. К настоящему времени площадь степей КНР, подвергшаяся песчаным заносам, засолению и деградации, превысила 49 млн.га, или 21,2% всей площади, которую можно использовать под пастбища. Более 30% всех пастбищ страдают от грызунов и насекомых. За последние годы продуктивность степных угодий не увеличивается. По мнению китайских ученых, для этих районов очень важно сохранять природную растительность, особенно на песчаных почвах, остановить ненормированное использование пастбищ, необходимо также создавать защитные лесонасаждения.

В последние годы в ряде скотоводческих районов страны было начато пастбищное строительство — огораживание участков с целью создания кормовых угодий и комплексного использования водных, травяных, лесных и кормовых ресурсов. Строятся колодцы, создается оросительная сеть, высаживаются полезащитные лесополосы, сеются кормовые злаки, травы, бобовые, высеиваются многолетние травы. Производственный уровень пастбищного скотоводства в КНР в настоящее время низок, выход животноводческой продукции с 1 га искусственных пастбищ в десятки раз ниже, чем в экономически развитых странах мира. Естественные пастбища отличаются также крайне низкой продуктивностью. Особенно тяжелое положение для животноводства складывается в зимний период.

В Китае насчитывается 399 видов домашних животных и птицы, в том числе 153 вида свиней, 61 — крупного скота и 58 — овец и коз; пастбища занимают 12,7% их общемировой площади, поголовье свиней составляет 2/5 мирового, овец и коз — 1/6 и рабочего скота — 1/5 часть.

Исторически в Китае сложилось два типа животноводства. Один — тесным образом связан с земледелием и носит подсобный характер: в земледельческих равнинных районах разводят преимущественно свиней, тягловый скот, птицу. Западным районам свойственно экстенсивное, кочевое или полукочевое скотоводство. Высокий коэффициент распаханности районов, отсутствие пастбищ, выпасов и слабое развитие травосеяния оказывает отрицательное влияние на формирование рациональной структуры животноводства. В этих условиях главными продуктивными отраслями стали свиноводство и птицеводство. В общем поголовье домашних животных свиньи составляют 50%, овцы и козы — 30%, крупный скот — 20%. Свиноводство — одна из наи-

более продуктивных отраслей животноводства. Живая масса свиней за 1 год может увеличиваться в 125—150 раз, тогда как овец в 15—20 раз, крупного скота — в 8,5 раза. Свиноводство и птицеводство являются наиболее эффективным средством преобразования растительных кормов в мясо. Свиноводство практически полностью базируется на отходах зернового производства и бытовых отходах. В личных хозяйствах, где сосредоточено около 75% свиней, в качестве кормов используются пищевые отходы, что делает откорм свиней сравнительно дешевым, а продажу свиного мяса и побочных продуктов свиноводства — высокодоходной отраслью хозяйства. Кроме того, свиной навоз является ценным удобрением — он составляет больше половины всех удобрений, используемых в сельском хозяйстве Китая. Основная часть поголовья свиней сосредоточена в земледельческих районах Китая (Восточный Китай — около 30% всего поголовья в земледельческих районах; Юго-Западный Китай — 27% и Центральный Китай — около 20%). Здесь наблюдается самая высокая плотность свиней на единицу пашни. В связи с освоением Северо-Западного и Северо-Восточного районов страны география размещения свиноводства несколько расширилась. Создаются центры племенного разведения свиней, в том числе с иностранными капиталовложениями. Например, крупнейший в Китае Ляонинский центр племенного свиноводства, специализируется на лучших отечественных и иностранных породах, в том числе и из России. С началом проведения реформы положение в свиноводстве несколько улучшилось. Увеличился вес заготавливаемых свиней, многие крестьянские дворы стали выращивать поросят. Но в связи с урегулированием структуры животноводства, акцент делается на выращивании травоядных — крупного скота, овец, кроликов — при сохранении стабильного роста свиноводства. К концу девятой пятилетки удельный вес свинины в общем объеме производства мяса планируется снизить до 75%, говядины и баранины повысить до 10—15%, мяса кроликов и птицы до 15—20%.

Поголовье свиней растет, особенно в пригородных районах под Пекином, в Тяньцзине, Шанхае, провинциях Хэбэй, Хэнань, Хубэй, Цзянсу, Чжэцзян и Шаньдун. В настоящее время предпринимается ряд мер по стимулированию свиноводства. Крестьянам, занимающимся разведением свиней, на льготных условиях предоставляются кредиты и техническая помощь. Количество постной свинины к концу 9-й пятилетки планируется увеличить до 40%.

В структуре поголовья крупного скота в КНР числится крупный рогатый скот, а также лошади, ослы, верблюды, сарлыки, яки. Поголовье крупного скота растет довольно стабильно. Большое внимание уделяется разведению рабочего и молочного скота. В целях обеспечения животных кормами, особенно в пригородных районах, внедряется травопольная система земледелия. За последние годы был построен и реконструирован ряд предприятий по переработке молока, повышены закупочные цены на свежее молоко. В течение нескольких лет животноводческим и коллективным фермам предоставляются беспроцентные ссуды и концентрированный корм в качестве субсидий. В ряде районов страны молочное животноводство развивается за счет иностранных кредитов, созданы базы по производству молока в пригородах Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, Уханя, Нанкина, Сианя. Построено несколько сот баз по разведению товарных коров, увеличивается количество станций по переработке молока. Пограничная с Россией провинция Хэйлуцзян превратилась в главную базу молочной промышленности страны. Сейчас на ее территории сосредоточено 1/4 часть поголовья крупного рогатого скота в Китае.

Низкий уровень механизации сельскохозяйственных работ в КНР обуславливает необходимость разведения рабочего скота, основу которого состав-

ляет крупный рогатый скот. С помощью живой тягловой силы в Китае обрабатывается более 80% пахотной площади. С ростом личных хозяйств потребность в рабочем скоте увеличивается. Объем механизированных работ в сельском хозяйстве сократился на 30—40%. Крестьяне вынуждены продавать трактора и переходить на использование тяглового скота. На протяжении последних нескольких лет неоднократно предпринимались попытки увеличения его поголовья. Государство предоставляет скотоводам некоторые льготы — освобождение от налога в слаборазвитых районах или сравнительно низкий налог на продукцию животноводства, освобождение от налога на откормку молодняка, рабочего, племенного скота. В последние годы наметился рост поголовья рабочего скота в приусадебных хозяйствах крестьян. Растет число породного скота. Помимо этого, большое количество породистого скота импортируется из-за границы.

Крупный скот в Китае широко используется не только в качестве тягловой силы на сельскохозяйственных работах, но и на различного рода перевозках, особенно в обширных Северо-Западных, Северных и Юго-Западных районах, где слабо представлены механизированные средства транспорта.

Большая часть поголовья крупного скота приходится на крупный рогатый скот. Он разводится повсеместно и используется в основном на сельскохозяйственных посевных работах. В скотоводческих районах разведение крупного рогатого скота имеет главным образом мясное и молочное направление. Буйволы, преимущественно на юге, используют как тягловую силу для работы на рисовых полях. Следует отметить, что в структуре поголовья крупного рогатого скота числится и продуктивный скот (в пригородных районах, госхозах и производственных кооперативах). Удельный вес продуктивного скота в общем поголовье крупного рогатого скота незначителен, но постоянно растет. На долю молочных коров приходится около 5% общего поголовья коров в стране. Молочное животноводство как товарная отрасль развито только на Северо-Востоке, во Внутренней Монголии, в Центральном и Северном Китае (вокруг городов и в животноводческих госхозах).

В Китае преобладает голландская и шортгорнская породы коров и их гибриды с местными породами. Средняя удойность коров почти в 4 раза ниже среднемировой.

Улучшение породности коров, повышение их удойности является насущной проблемой молочного животноводства. Немаловажное значение в условиях Китая крупный рогатый скот имеет как источник удобрений. От каждого животного за год можно получать навоз для удобрения 8—12 му посевной площади.

Наряду с крупным рогатым скотом значительное место занимают лошади. Лошади как тягловая сила используются не только в сельском хозяйстве, но и на транспорте и в армии. В Китае распространены четыре породы лошадей: монгольская, илинская, ордосская, юго-западная.

Естественные пастбища основных скотоводческих районов Китая служат базой для развития отгонного животноводства. Однако малая населенность, низкий уровень производительных сил, сильная зависимость скотоводства от природных условий отрицательно влияют на решение кормовой проблемы в этих районах. Важной является задача повышения продуктивности мелкого рогатого скота, улучшения качественных показателей. На овец и коз приходится 1/3 численности продуктивного скота страны. В АРВМ, СУАР, северо-западных провинциях (Ганьсу, Шэньси и Цинхай) сосредоточено более половины поголовья овец и почти пятая часть коз. Овцеводство также развито в предгорьях южных районов Китая, в провинциях Юньнань, Сычуань, в

земледельческих районах с гористым рельефом провинций Шаньдун, Хэбэй, Хэнань, Цзянсу и др. Основной состав овечьего стада составляют грубошерстные малопродуктивные породы. Среди тонкорунных наибольшее распространение получили монгольская, тибетская и синьцзянская. Провинция Цинхай является одним из четырех крупных животноводческих районов, где пастбища составляют 40 млн.га. Кроме того, в провинции Цинхай разводятся яки, шерсть которых идет на экспорт. Эта же провинция дает козью, верблюжью и кроличью шерсть. В настоящее время шерсть и шерстяные изделия, выпускаемые в провинции Цинхай, не только пользуются большим спросом на внутреннем рынке страны, но и значительная ее часть поступает на международный рынок.

Крупнейшей базой молочного производства является Гуаньчжуанская равнина в провинции Шэньси (Северо-Западный Китай), где на площади в 40 тыс.кв.м пасутся около 30% общего поголовья коз. В провинции 13 уездов определены в качестве баз по разведению молочных коз и переработке молока.

Разведение птицы на приусадебных участках является одной из важных отраслей животноводства. Наибольшее значение имеет разведение кур, а также индюков и гусей. Основная часть поголовья сосредоточена в провинциях Шаньдун, Сычуань, Цзянсу, Хубэй, Цзянси, Гуандун, Хэнань и в пригородных хозяйствах. Кормят птиц пищевыми отходами, улучшению породы уделяется мало внимания, продуктивность низка.

Кролиководство представляет собой одно из весьма прибыльных занятий китайских крестьян. В настоящее время оно всячески поощряется. Распространено в северных районах, кормом служат пищевые отходы с приусадебных участков крестьян. Кроличье мясо идет главным образом на питание самих крестьянских семей и лишь незначительная часть поступает на городские рынки. Кроличьи шкурки и пух используются в качестве сырья в текстильной, швейной и других отраслях промышленности, а некоторая часть экспортируется.

В Китае с давних времен занимаются разведением пчел. Пчеловодство дает, помимо меда, пчелиный яд, маточное молочко и прополис. Пчел разводят во всех провинциях и районах страны, однако наибольшее количество их сосредоточено в Северо-Восточном Китае. 80% общего числа пчелиных семей содержат крестьянские дворы. В Китае учреждена Всекитайская компания пчеловодства и местные компании во многих провинциях, которые оказывают помощь крестьянским дворам. Годовой экспорт меда достигает 1/3 мирового. Китай занимает второе место (после России) по экспорту меда.

Шелководство — традиционная отрасль сельского хозяйства КНР, история его развития насчитывает около 4 тыс. лет. 80% производства составляют коконы тутового шелкопряда. Тутовый шелкопряд разводят в теплых районах Китая. Крупнейшей по его производству является провинция Сычуань, вторая по значению — провинция Чжэцзян. Четыре главные шелковичные провинции Китая — Сычуань, Чжэцзян, Цзянсу и Гуандун — дают 86% производства шелковичных коконов в стране. Дубовый шелкопряд разводят в более северных, прохладных, районах, 80% его производства падает на провинцию Ляонин. В настоящее время Китай занимает второе место в мире по производству шелка тутового шелкопряда и первое место шелка дубового шелкопряда. Доля Китая в мировом экспорте шелка — больше половины и более 70% в экспорте стран Азии. Производство шелка растет довольно стабильными темпами, чему способствует курс китайского руководства на всестороннее многоотраслевое развитие сельского хозяйства, а также растущий спрос мирового рынка на продукцию шелководства. Китай — крупнейший в

мире производитель и экспортер шелковых изделий. Объем китайского экспорта шелка-сырца и шелковых тканей составляет соответственно 90 и 40% мирового экспорта.

Китай — традиционный поставщик скота и продуктов животноводства на мировой рынок, экспорт продукции животноводства составляет 1/10 часть всего экспорта КНР. Экспортируется крупный рогатый скот, свиньи, овцы и козы; мясо свежее, соленое, консервированное, яйца, мед, шелк-сырец, шерсть, пух, перо, кишки, щетина и т.д. По экспорту свиней, щетины, пера, овчин, козьего пуха, меда, шелка-сырца фабричной обработки Китай занимает первое место в мире. Одновременно в страну ввозятся некоторые виды племенного скота. Создана Китайская экспортно-импортная компания племенного скота, птицы и семян кормовых трав. Работа компании направлена на улучшение и повышение породистости скота и домашней птицы. Китай осуществляет сотрудничество и обмен с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (FAO), Всемирной продовольственной программой и ее правлением, Международным фондом развития сельского хозяйства, программой развития ООН. В программу исследования входят вопросы производства зерна и других сельскохозяйственных культур, животноводства и ветеринарии, производства продуктов водного промысла. В настоящее время Китай проводит сельскохозяйственное техническое сотрудничество и обмен с 90 с лишним стран, включая США, Японию, Австралию и Италию. А также использует кредиты, предоставленные Всемирным банком, другими международными организациями и государствами.

Анализ данных о состоянии животноводства в КНР показывает, что оно пока еще является второстепенной отраслью сельского хозяйства, объем производства животноводческой продукции отстает от потребностей населения. Успехи этой отрасли зависят от аграрной политики китайского руководства, использования современных достижений науки и техники, модернизации отрасли, улучшения естественных кормовых угодий, расширения посевов кормовых культур, накопления фондов концентрированных кормов, улучшения пород скота, повышения его продуктивности, расширения сети ветеринарной службы.

Решение задач сталкивается с трудностями, связанными с природными, экономическими и социальными условиями Китая. При большом населении и недостатке пашни животноводство и земледелие являются конкурирующими отраслями в вопросах использования земли, воды, химических удобрений.

Для Китая характерным является чрезмерно низкий удельный вес в стаде маточного поголовья, что приводит к удлинению цикла воспроизводства, к замедлению его оборота, к низкой товарности. Сохранение в стаде старых и дряхлых животных обусловлено принятым сейчас основным показателем развития животноводства — поголовью скота на конец года, т.е. его чистый годовой прирост. Этот показатель не дает полного представления о действительном положении дел в отрасли. Не учитываются такие показатели, как изменение живой массы, качества, товарности скота, коэффициента его выпаса и оборота. Основным критерием развития животноводства должны быть объем сдачи товарной продукции государству, качество и ассортимент.

Китайская статистика страдает многими погрешностями, перерасчетами и приписками. Особенно это заметно с 1980 г., когда отрасль стала развиваться более быстрыми темпами.

Таблица 4.

Производство продукции животноводства в КНР

Виды продукции	Едизм.	1996 г.	1997 г.
Крупный скот (конец года)	млн.голов	133,6	140,5
Крупный рогатый скот, буйволы	-"	110,3	116,8
Лошади	-"	8,7	8,9
Ослы	-"	9,4	9,7
Мулы	-"	4,8	4,8
Верблюды	-"	0,3	0,4
Убойное стадо свиней	-"	412,3	450,8
Поголовье свиней (конец года)	-"	362,8	388,9
Поголовье овец и коз (конец года)	-"	237,3	255,6
Козы	-"	123,2	137,4
Овцы	-"	114,1	118,2
Производство мяса	млн.т	45,9	51,5
Свинина, говядина, баранина	-"	36,9	40,9
Свинина	-"	31,6	34,6
Говядина	-"	3,6	4,2
Баранина	-"	1,8	2,1
Молоко	-"	7,4	7,7
Молоко коровье	-"	6,3	6,7
Шерсть овечья	тыс.т	298	292
Шерсть козья	-"	35	34
Яйца	млн.т	19,7	21,3

Источник: Чжунго нунъе тунцзи няньцзянь, 1998, с. 386.

Важным фактором, стимулирующим развитие животноводства, является расширение научных исследований в этой области. В НХАР и АРВМ совместно с западными специалистами ведутся работы по улучшению пород скота и совершенствованию методов его разведения. Планируется увеличить производство продукции животноводства в этих районах до 50% стоимости валовой продукции сельского хозяйства. Ведутся исследования по разработке технологии ускоренного выращивания свиней для получения товарной продукции. Создаются "животноводческие базы" в располагающих для этого благоприятными условиями провинциях, таких, как Цинхай, Ганьсу, Хэйлуцзян, а также НХАР и АРВМ. Большое внимание уделяется проблемам экологической защиты ресурсов страны, развитию искусственных форм производства, внедрению передовых и научных методов управления, улучшению качества и увеличению поставок продукции на рынок.

На долю Китая приходится четверть мировой добычи продукции водных промыслов, а по их потреблению на душу населения страна достигла среднемирового уровня. Повышение рыночных и закупочных цен на продукцию отрасли, активное привлечение иностранного капитала и развертывание технического сотрудничества с разными странами стимулирует развитие водных промыслов. Китай установил отношения с более 60 странами и районами мира и международными организациями в области водных промыслов. Более 50 океанских рыболовных судов Китайской объединенной компании водного хозяйства занимаются ловом и обработкой водных продуктов в морских зонах Западной Африки. По общему объему продукции водных промыслов Китай занимает третье место в мире после Японии и России, а по объему продукции пресных вод — первое место.

Китай располагает 16,7 млн.га пресных вод, приходящихся на реки, озера, водохранилища и пруды, где водятся свыше 800 видов рыб. По запасам пресной воды Китай уступает многим странам мира, располагая всего 7% общемировых ее запасов, а в расчете на 1 му (0,0667 га) пашни — 1700 куб.м — имеет лишь половину среднемирового количества. По среднему показателю обеспеченности пресной водой занимает 88-е место, находясь в ряду 12 бедных водными ресурсами стран⁵.

Распределение этих ресурсов по территории страны весьма неравномерно, что при общем недостатке воды еще более усугубляет проблему обеспечения ею. Пресноводные виды рыб разводятся во всех провинциях и автономных районах за исключением Тибета. Река Янцзы с многочисленными озерами, расположенными в долине, дает свыше 60% улова пресноводной рыбы в стране. В озерах среднего и южного течения Янцзы и Хуанхэ — по общему улову на кв.км бассейна относятся к числу наиболее продуктивных рек мира. Из 800 видов промысловых рыб значение имеют 20—30. Более 2/3 улова во внутренних водах дает искусственное рыбозаведение, в том числе на рисовых полях. В годы 9-й пятилетки построено 20 баз по производству товарной аквапродукции, большая часть из них — базы по производству пресноводной товарной рыбы. В других базах разводят главным образом раков, крабов и др.

Морские площади Китая, используемые для ведения рыболовного промысла, составляют около 1,6 млн.кв.км вод прибрежного шельфа с глубинами до 200 м. Насчитывается свыше 1,5 тыс. видов морских рыб, из которых лишь 50 имеют промысловое значение. Большой и малый горбыль, сабля-рыба и каракатица известны как четыре основных вида морского промысла в Китае. Более чем 7,73 млн.га шельфовых вод вдоль пляжей пригодны для выращивания морского черенка, двустворчатых моллюсков, устриц, а также бурых и красных водорослей и других видов водной растительности. Китайская статистика подсчета производства аквапродукции, как и продукции животноводства, также страдает многими погрешностями.

Таблица 5.

Производство аквапродукции в КНР

Виды продукции	Едизм.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
Аквапродукция в целом	млн.т	18,230	21,431	25,172	32,881	36,018	38,54
Морская продукция	млн.т	10,760	12,415	14,391	20,129	21,764	23,12
Пресноводная продукция	млн.т	7,470	9,016	10,781	12,752	14,254	15,42

Источники: Чжунго нунье тунци няньцзянь, 1998, с. 386; Жэньминь жибао, 1999, 27 февраля.

1. Бэйцзин ревью. 1998. № 46. С. 15—20.
2. Жэньминь жибао. 1999. 27 февраля.
3. Нунье цзинци вэньти. 1998. № 5. С. 26.
4. Там же.
5. Нунье цзинци вэньти. 1996. № 10. С. 8.

Либерализация финансового рынка Японии

© 1999

Н. Ноздрев

В первые послевоенные годы для защиты национальных финансовых интересов в Японии был разработан и реализован целый комплекс протекционистских мер нормативного и административного характера, ограничивших сферу проникновения иностранного капитала. Однако глубокие процессы интернационализации японской экономики привели к тому, что регулирование финансового рынка, ограничение административными мерами конкуренции на нем стали тормозом для дальнейшего экономического развития страны. В середине 80-х годов был принят курс на дерегуляцию финансовой системы, поскольку стало ясно, что структура и механизм государственного регулирования финансового рынка Японии пришли в несоответствие с уровнем экономического развития и моделью участия страны в системе международных экономических отношений. Например, японские банки и компании по операциям с ценными бумагами, инвестируя свой капитал в различные проекты за рубежом, могли более эффективно использовать преимущества либерального порядка регулирования деятельности иностранных кредитно-финансовых учреждений, установленного в целом ряде государств, чего были лишены иностранные банки в Японии.

После Плазского соглашения 1985 г.,¹ открывшего возможности для начала мощного потока инвестиций японских компаний и банков в США, кардинальная либерализация рынка финансовых услуг Японии стала одним из наиболее важных требований США в рамках американо-японских торгово-экономических связей.

Во многом поэтому и по ряду внутренних причин правительство Японии с середины 80-х гг. приступило к реализации поэтапной программы регулирования финансового сектора национальной экономики, которая состояла из нескольких ключевых направлений: реформирование нормативной базы регулирования деятельности в стране иностранных кредитно-финансовых учреждений, перестройка отдельных структурных элементов рынка финансовых услуг, в том числе введение в практику операций с новыми финансовыми инструментами, а главное пересмотр основополагающих принципов построения кредитно-денежной системы в целях постепенного стирания границ между банковской деятельностью и фондовыми операциями.

Первым шагом правительства Японии в направлении либерализации финансового сектора национальной экономики стало создание в 1986 г. токийского оффшорного рынка. Его участники, основу которых составили японские банки, а также филиалы иностранных кредитно-финансовых учреждений в Японии, получили право на осуществление операций с компаниями и банками-нерезидентами, причем данные операции рассматриваются японскими

Ноздрев Николай Станиславович, кандидат экономических наук, 3-й секретарь Посольства РФ в Японии.

нормативными актами как совершенные вне пределов страны. На них, соответственно, не распространяются требования нормативных актов, инструкций министерств и ведомств, регулирующих такие важные области банковской деятельности, как процентные ставки по депозитам, размеры резервных депозитов, порядок страхования депозитов и т.д.²

Механизм функционирования токийского оффшорного рынка предполагает открытие банками специальных оффшорных счетов, денежные средства с которых не могут быть свободно переведены на обычные счета кредитно-финансовых учреждений, что отличает токийский оффшорный рынок от лондонского.³

Во второй половине 80-х - начале 90-х гг. наблюдается быстрый рост объема операций на токийском оффшорном рынке, и к началу 1995 г. уже более 200 банков (включая филиалы 90 иностранных) обладали лицензией на открытие оффшорных счетов.

Приоритетной областью реструктуризации национального рынка ценных бумаг стало снятие ограничений на участие иностранных кредитно-финансовых учреждений в торгах на Токийской фондовой бирже. До середины 80-х гг. членами Токийской фондовой биржи могли быть только японские юридические лица, специализированные компании по купле-продаже ценных бумаг. После пересмотра данного положения, в 1986 г. впервые 6 иностранных кредитно-финансовых учреждений получили членство на Токийской фондовой бирже.⁴ Это положительно сказалось на динамике иностранных портфельных инвестиций в акции и облигации японских компаний, так как ранее коммерческие и инвестиционные банки США, стран Западной Европы были вынуждены осуществлять свою инвестиционную деятельность через посредников, что негативно отражалось на операционных издержках. Особую активность на японском фондовом рынке проявили американские инвестиционные банки. К началу 1994 г. из 24 иностранных финансовых компаний, зарегистрированных на Токийской фондовой бирже более половины были американскими. Снятие ограничений на участие иностранных кредитно-финансовых учреждений в торгах на Токийской фондовой бирже в немалой степени способствовало усилению интереса к инвестициям на японском фондовом рынке у широкого круга промышленных и торговых компаний США, которые в процессе выработки и принятия решений по размещению временно свободных денежных средств традиционно использовали консалтинговые услуги американских коммерческих и инвестиционных банков.

Углубление в середине 80-х гг. процессов интеграции японской экономики в систему международных экономических отношений, а также интернационализация национального финансового рынка со всей остротой поставили перед министерством финансов Японии проблему создания в стране отлаженной системы биржевой торговли производными финансовыми продуктами, которая позволила бы как национальным, так и иностранным компаниям максимально эффективно реализовывать стратегию гибкого страхования финансовых рисков в условиях усиливающейся в общемировом масштабе тенденции к росту нестабильности валютных курсов, процентных ставок и ряда других показателей состояния финансовых рынков промышленно развитых стран. Потенциальными источниками спроса на производные финансовые продукты выступали японские компании, располагавшие крупными финансовыми ресурсами в американских долларах, а также иностранные кредитно-финансовые учреждения, осуществлявшие инвестиционные операции на фондовом рынке Японии.

В 1985 г. на Токийской фондовой бирже впервые начали проводиться торги фьючерсами на основе 10-летних государственных облигаций. Данный вид ценных бумаг занимает значительную долю в инвестиционных портфелях

иностранных банков и пенсионных фондов, которые были заинтересованы в существовании механизма, обеспечивающего страхование финансовых рисков, связанных с изменениями среднесрочных ставок процента в Японии. В 1988 г. в практику торгов на Токийской фондовой бирже были введены операции с фьючерсом, котировка которого рассчитывается на основе индекса акций крупнейших японских компаний, котирующихся на первой секции Токийской фондовой биржи. Это позволило иностранным компаниям более гибко корректировать инвестиционную стратегию на рынке акций японских компаний и при необходимости страховать свою позицию от неблагоприятных рыночных тенденций. Кроме того, в настоящее время на Токийской фондовой бирже осуществляются операции с фьючерсами на 20-летние японские государственные облигации, облигации казначейства США.

Наименование финансового продукта	Основные характеристики		
	базис контракта	месяц истечения контракта	лот
Фьючерсы на 10-летние японские государственные облигации	10-летние японские государственные облигации с купоном в 6%	март, июнь, сентябрь, декабрь	японские государственные облигации номиналом в 100 млн.иен
Фьючерсы на 20-летние японские государственные облигации	20-летние японские государственные облигации с купоном в 6%	март, июнь, сентябрь, декабрь	японские государственные облигации номиналом в 100 млн.иен
Фьючерсы на 20-летние облигации казначейства США	20-летние облигации казначейства США с купоном 8%	март, июнь, сентябрь, декабрь	облигации казначейства США номиналом в 100000долл.

Важным шагом на пути развития биржевого рынка производных финансовых продуктов в Японии стало создание в 1989 г. Токийской международной биржи финансовых фьючерсов. Изначально круг финансовых инструментов-объектов биржевой торговли был ограничен валютными долларовыми фьючерсами, фьючерсами на краткосрочные процентные ставки по долларам и иенам, однако рост объема осуществляемых операций побудил руководство биржи принять решение о введении в практику торгов биржевых контрактов на краткосрочные процентные ставки по иенам, а также фьючерсов на основе ставок по иеновым кредитам на срок в 1 год.⁵

Активное развитие в Японии биржевого и внебиржевого рынков производных финансовых продуктов было обусловлено как мерами японского правительства, направленными на либерализацию национального финансового рынка, так и возросшим спросом со стороны национальных и иностранных корпораций, действующих на японском рынке и заинтересованных в проведении страховых операций с целью реализации эффективной стратегии управления финансовыми рисками.

Особенностью японской кредитно-денежной системы долгое время был закрепленный в национальном законодательстве (Закон о банковской деятельности, Закон об операциях с ценными бумагами) принцип разграничения сфер банковской деятельности и операций с ценными бумагами. Национальный финансовый рынок был разделен на два самостоятельных сегмента сразу после окончания второй мировой войны, при этом за основу была взята аме-

риканская модель. Вследствие этого японские банки вплоть до середины 90-х гг. были ограничены в своих возможностях осуществлять операции с ценными бумагами. Основным аргументом, на который ссылаются защитники старой системы, является крайне высокая степень рисков, сопряженных с деятельностью на фондовом рынке, что может негативно отразиться на защите интересов рядовых вкладчиков коммерческих банков. Разработанная в начале 90-х гг. государственная политика либерализации финансового сектора экономики была направлена не только на дерегулирование каждого из двух указанных самостоятельных сегментов, но и на некоторое "размывание" границы между ними.

В начале 90-х гг. правительство Японии поставило перед собой задачу реформирования основных нормативных актов, регулирующих деятельность кредитно-финансовых учреждений. Приоритетные направления были сформулированы в "Законе о подготовке законодательства в целях реформы кредитно-денежной системы и практики осуществления операций с ценными бумагами", а также Постановлении правительства и компетентных министерств "О реформе кредитно-денежной системы" Эти направления включают:

1. Предоставление кредитно-финансовым учреждениям, включая компании по операциям с ценными бумагами, права через свои дочерние фирмы осуществлять операции на финансовом рынке, иные чем те, которые определены для них в соответствии со старым законодательством и подзаконными актами различных министерств и ведомств.

2. Расширение определения понятия "ценные бумаги", проведение четкого разграничения между закрытой и открытой подпиской на ценные бумаги компаний, а также выработка комплекса мер по защите индивидуальных инвесторов.

3. Расширение круга операций, осуществляемых мелкими кредитно-финансовыми учреждениями, и, прежде всего, кредитными ассоциациями.

4. Разработка новой методики контроля за финансовым положением банковских учреждений, а также создание условий, необходимых для трансформации банков долгосрочного кредитования в городские посредством слияний и поглощений.⁶

После завершения реформы национальной кредитно-денежной системы банки и компании по операциям с ценными бумагами получили возможность путем создания дочерних компаний проникать на ранее закрытые для них сегменты рынка финансовых услуг. Так, дочерние компании городских коммерческих банков могут осуществлять широкий круг операций с ценными бумагами.⁷

		Государственные облигации и облигации местных органов самоуправления	облигации компаний	инвестиционный траст	облигации, связанные с акциями	акции, производные финансовые продукты, связанные с акциями
первичный рынок	размещение (открытая, закрытая подписка)	○	○	○	○	Х
вторичный рынок	диллинг	○	○	○	Х	Х
	брокерские операции	○	○	○	Х	Х

○ - операции, разрешенные законодательством;

Х - операции, запрещенные законодательством.

В рамках реализации комплексной программы повышения эффективности функционирования банковского сектора национальной экономики в начале 90-х гг. в Японии были дерегулированы процентные ставки практически по всем категориям депозитов, а также снижены минимальные номиналы крупных финансовых инструментов (крупные срочные депозиты, депозитные сертификаты и т.д.). Однако и подобные меры, призванные способствовать усилению конкуренции на рынке и повышению уровня предоставляемых услуг, оказались малоэффективными. К примеру, после отмены системы административного регулирования ликвидных депозитов японские банки предлагали своим клиентам процентные ставки на уровне от 0.22 до 0.25% годовых, что⁸ не нашло понимания среди представителей высшего управленческого звена иностранных кредитно-финансовых учреждений, которые помнили, как во время дерегулирования в США в 1983г. процентных ставок разгорелась настоящая "процентная" война между коммерческими банками. За рубежом справедливо критиковали министерство финансов Японии, которое фактически закрывало глаза на явные признаки наличия картельного соглашения между крупнейшими национальными банками.

Одним из направлений совершенствования механизма функционирования банковского сектора стало расширение видов необеспеченных ссуд до востребования, а также группы финансовых активов, используемых в качестве залога при осуществлении операций с банковскими векселями. Все это в значительной степени облегчило как японским так и иностранным банкам регулирование краткосрочных статей актива и пассива баланса.

При реализации государственной политики по дерегулированию рынка ценных бумаг Японии основные усилия были сосредоточены в таких областях, как введение операций с новыми ценными бумагами, расширение состава участников рынка, а также последовательное снижение номиналов основных ценных бумаг. В 1982 г. в Японии были сняты ограничения на проведение операций с иностранными депозитными сертификатами, а в 1987 г. - с коммерческими бумагами (последние получили юридически закрепленный статус ценной бумаги лишь в 1993 г.).⁹

В значительной степени были упрощены операции с облигациями, выраженными в иенах и выпускаемыми иностранными компаниями на японском фондовом рынке. К примеру, если до 1991 г. эмиссия указанных облигаций разрешалась лишь компаниям с высоким кредитным рейтингом, то теперь подобная форма привлечения не новых ресурсов стала доступна и для корпораций с более низким кредитным рейтингом для финансирования инвестиционных проектов.¹⁰ Вместе с тем, по мнению иностранных экспертов в целях обеспечения максимально эффективного функционирования данного сегмента финансового рынка Японии необходимы значительные шаги в направлении совершенствования системы формирования процентных ставок, а также более пропорционального размещения облигаций среди различных категорий инвесторов.

С 1985 г. на японском фондовом рынке начались операции с выраженными в иностранных валютах облигациями компаний-нерезидентов.¹¹ Впоследствии требования к фирмам-эмитентам были существенно упрощены и в настоящее время не отличаются от положений, регламентирующих выпуск иенных облигаций иностранными компаниями.

Необходимо отметить, что интерес иностранных компаний к использованию двух вышеуказанных механизмов привлечения финансовых ресурсов на японском фондовом рынке в значительной степени снизился в результате

активного развития рынка еврооблигаций, выраженных в иенах. Мелкие и средние компании, однако, по-прежнему в качестве основного источника получения долгосрочных кредитных ресурсов в Японии используют эмиссию иенowych облигаций.

Таким образом, в конце 80-х - начале 90-х гг. правительство Японии приступило к реализации комплекса мер в направлении либерализации финансового сектора национальной экономики. При этом основной акцент был сделан на модернизации финансовой системы Японии с учетом уровня индустриального развития страны, а также характера ее участия в системе международных экономических отношений. Это, с одной стороны, ознаменовало собой начало сложной работы по совершенствованию механизма функционирования финансового рынка Японии, ликвидации некоторых негативных явлений структурного и функционального характера, возникших вследствие специфики послевоенного развития японской экономики, а с другой - поставило кредитно-финансовые институты этой страны перед необходимостью качественной перестройки управленческой стратегии в целях адаптации к новой ситуации на рынке, характеризовавшейся прежде всего усилением начал свободной конкуренции.

Масштабные процессы реформирования, происходящие в японской финансовой системе, не могли не оказать значительного воздействия на практику осуществления американскими компаниями инвестиционной деятельности в этой стране. Курс правительства Японии на дерегуляцию финансовой системы и усиление роли свободной конкуренции, либерализация ряда положений национального банковского законодательства, регулирующих порядок осуществления деятельности в стране иностранных кредитно-финансовых учреждений, с целью повышения эффективности финансовой системы в условиях глобализации экономики Японии, обусловила активизацию деятельности в стране крупнейших инвестиционных и коммерческих банков США, рост конкурентоспособности предоставляемых ими финансовых услуг. Создание токийского оффшорного рынка сократило издержки американских банков по регулированию краткосрочных статей баланса и способствовало увеличению прибыльности операций. Реформа национального фондового рынка в Японии в немалой степени укрепила позиции американских коммерческих банков, которые получили возможность непосредственно осуществлять биржевые операции с ценными бумагами японских компаний.

Среди основных причин усиления конкурентоспособности американских коммерческих и инвестиционных банков на рынке финансовых услуг в Японии особо следует отметить снятие ограничений на проведение операций с новыми финансовыми продуктами. Японские кредитно-финансовые учреждения, в течение десятилетий находившиеся под покровительством министерства финансов и привыкшие в конкурентной борьбе полагаться исключительно на свои огромные финансовые ресурсы, оказались в некоторой растерянности перед мощным наступлением американских банков, накопивших богатый опыт осуществления самых различных операций в международном масштабе и традиционно многие годы аккумулировавших студенческую элиту из наиболее престижных университетов США и стран Западной Европы. В отличие от японских банков, вынужденных перестраивать управленческую стратегию и систему подготовки кадров вследствие формирования в Японии рынка производных финансовых продуктов, американские кредитно-финансовые учреждения смогли сразу предложить клиентам готовые стратегии страхования финансовых рисков.

Активное структурное реформирование японской финансовой системы, усиление роли свободной конкуренции в функционировании финансового сектора экономики способствовало росту доверия у рядовых американских инвесторов к ценным бумагам японских компаний. До середины 80-х гг. американские инвесторы были склонны видеть в финансовом рынке Японии некое искусственное образование, имевшее чисто номинальную связь с процессами, происходившими в национальной экономике. Практика японских компаний по созданию финансово-промышленных групп на основе перекрестного владения акциями существенно ограничивала число акций, обращающихся на рынке, и ставила под вопрос эффективность финансовой системы в целом. Во второй половине 80-х - начале 90-х гг. наблюдается рост портфельных инвестиций американских инвесторов в Японии, которые традиционно предпочитали осуществлять свои операции через коммерческие и инвестиционные банки США. Одной из причин этого стало ужесточение требований к японским компаниям относительно публикации самого широкого спектра данных о финансовом положении в целях защиты индивидуальных инвесторов.

Снятие ряда ограничений нормативного и административного характера, регламентирующих порядок эмиссии ценных бумаг иностранными компаниями в Японии, упростило американским корпорациям доступ к финансовым ресурсам как краткосрочного, так и долгосрочного характера. Особенно это касается мелких и средних компаний, которые в силу традиционно высокого уровня цен на объекты недвижимости в Японии испытывают серьезные трудности с финансированием первоначальных инвестиционных затрат.

В настоящее время многие американские и японские эксперты в области финансовых рынков и внутрифирменного финансового менеджмента в качестве основополагающего фактора конкурентоспособности японских корпораций как внутри страны, так и за рубежом, склонны рассматривать наличие у последних свободного доступа к финансовым ресурсам с минимальными издержками.

Финансовый рынок Японии предоставляет дочерним компаниям и филиалам американских транснациональных корпораций схожие возможности привлечения заемных ресурсов. Посредством формирования тесных деловых контактов с японскими кредитно-финансовыми учреждениями, они могут получать кредиты по низким процентным ставкам. Если же американские фирмы удовлетворяют стандартам Комиссии по биржам и ценным бумагам Японии, их акции могут быть допущены к котировке на национальных фондовых биржах (требования, предъявляемые к иностранным компаниям, желающим осуществить эмиссию акций в Японии, в течение последних лет подверглись существенной либерализации). Как показывает информация в японских экономических изданиях, в 1995 г. многие иностранные компании уже воспользовались ситуацией на фондовом рынке Японии.

Эмиссия акций иностранными компаниями в Японии не только позволяет снизить издержки по привлечению заемных финансовых ресурсов, но и способствует росту доверия к компании со стороны банков-кредиторов, а также самого широкого круга контрагентов в Японии.

Серьезные потрясения в недрах японской кредитно-денежной системы, падение доверия к национальным банкам на мировых финансовых рынках, перевод крупнейшими иностранными коммерческими и инвестиционными банками основных операций, в том числе и с ценными бумагами японских компаний, в другие страны заставило в последние годы правительство Японии еще раз пересмотреть свою позицию в области дерегулирования национального финансового рынка. В ноябре 1996 г. премьер-министр Японии

Р.Хасимото провозгласил политику полной либерализации деятельности финансовых институтов до 2001 г., которая в качестве стержневых направлений включает отмену ограничений на допуск банков, компаний по купле-продаже ценных бумаг и страховых компаний в ранее закрытые для них сегменты финансового рынка, либерализацию ставок брокерской комиссии по фондовым операциям, отмену налога по операциям с ценными бумагами, а также пересмотр нормативных актов, определяющих механизм бухгалтерского учета сделок с производными финансовыми инструментами.¹²

1. Встреча министров финансов и председателей центральных банков пяти ведущих промышленно развитых стран.
2. М.Икава. *Дзусэцу Кожусай Кинъю (Международные финансы в диаграммах. На яп. Яз.)*. Дзайкэй Сёкося. 1994. С.112.
3. Там же.
4. *Tokyo Stock Exchange Fact Book 1993*. Tokyo Stock Exchange. 1993. P.85.
5. М.Икава. *Дзусэцу Кожусай Кинъю*. Дзайкай Сёкося. 1994. С.116-117.
6. Х.Кусумото. *Нихон-но Кинъю Гёсэй, Кантё, Кинъю Кикан*. Тоё Кэйдзай Симпося. 1994. С.2.
7. Там же, С.2-3.
8. *Tokyo Business Today*. №3. 1995. P. 13.
9. *The Japanese Bond Market. Yamaichi Securities*. 1990. P. 161.
10. *Overview of the Yen-denominated Foreign Bond Market in Japan*. Japan Center for International Finance. 1994. P. 2-3.
11. М.Икава. *Дзусэцу Кожусай Кинъю*. Дзайкэй Сёкося. 1994. С. 124.
12. Нихон Кэйдзай Симбун. 1996. 12 ноября.

Внешнеэкономические связи России с некоторыми странами-членами АСЕАН

© 1999

Э.Кикабидзе

В последние годы региональные приоритеты внешней политики России претерпели значительные изменения. Внимание России как и других крупных держав мира приковано к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР), который превратился в динамичный центр экономического и научно-технического прогресса, а также в емкий рынок для промышленных товаров, технологий, сырья и капиталов.

Как заявил Президент РФ Б.Н.Ельцин, Россия "не должна заклиниваться на Европе и Западе", ей следует развивать сотрудничество со странами Азиатского региона, поскольку он имеет для России важное значение не только потому, что две трети российской территории находятся на этом континенте, но и потому, что Россия стремится активно участвовать в тех процессах, которые происходят в Азии, в частности, в регионе Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Углубление разносторонних отношений с АСЕАН имеет для России большое значение, не уступающее по важности связям с такими странами, как Китай, Индия, Япония.

Российские ученые и многие политики в оценке значимости Азиатско-Тихоокеанского региона для нашей страны отдают предпочтение экономическим интересам, в частности, со странами АСЕАН. В частности, немалые экономические дивиденды Россия получает от торговли вооружениями и военными технологиями в зоне АСЕАН, что помогает "поддерживать на плаву российскую "оборонку".

Поэтому в России должны тщательно отслеживать происходящие изменения в АСЕАН и изыскивать новые сферы внешнеэкономического сотрудничества со странами региона. В данной статье рассматриваются внешнеэкономические связи России с Филиппинами, Вьетнамом, Малайзией и Индонезией.

Россия - Филиппины. Экономика Филиппин носит переходный характер, постепенно приближаясь к параметрам новых индустриальных стран. В последние годы средние темпы роста ВВП составляли около 6%, характерен быстрый рост валютных резервов, достаточно успешно реализуется общенациональная программа "Филиппины - 2000 г.", рассчитанная на полную индустриализацию страны. Имеет место строительный бум. Растет внешняя торговля Филиппин, в 1996 г. торговый оборот составил 52,4 млрд. долл. Меняется его структура. В экспорте Филиппин до 40% занимает электроника, тогда как ранее ведущие позиции занимало сырье. В импорте преобладают средст-

ва производства. Тем не менее Филиппины в силу ряда исторических причин заметно уступают в экономическом развитии другим партнерам по АСЕАН.

Российско-филиппинские отношения уходят корнями в период конца 70-х годов. Как известно, дипломатические отношения между СССР и Республикой Филиппины были установлены 2 июня 1976 г. В июле 1988 г. состоялся официальный визит в СССР министра иностранных дел Филиппин Рауля Манглапуса. Были подписаны документы об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. 26 сентября 1991 г. правительство Филиппин объявило о признании Российской Федерации. 22 сентября 1994 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Федеральным собранием РФ и Конгрессом Филиппин. В этом же году торговый оборот между двумя странами составил около 170 млн. долл., из них 160 млн. пришлось на экспорт российской стали, металлоконструкций, удобрений, промтоваров. Объем двусторонней торговли в 1996 г. составил около 400 млн. долл.

Торгово-экономические связи Филиппин с бывшим СССР (Россией) в прошедшие годы носили достаточно вялый характер, и эта тенденция, как ожидается, в целом сохранится и в будущем. Сегодня Россия занимает во внешнеторговом обороте страны 17-е место (менее 1%).

Некоторое увеличение российского экспорта в последние годы явилось результатом деятельности на филиппинском рынке российских ассоциаций, СП, акционерных обществ, других компаний, получивших право внешнеторговой деятельности. Ожидается, что такие новые формы экономического взаимодействия сторон, как совместные предприятия, будут развиваться, в частности, в сфере космической связи, морских и авиационных перевозок. Одним из перспективных направлений развития торгово-экономического сотрудничества между Россией и Филиппинами можно считать продвижение на филиппинский рынок российских машин и оборудования, в первую очередь авиационной и дорожно-строительной техники. Целесообразно, по мнению российских экспертов, работать с филиппинскими организациями по вопросам лизинга авиатехники, прямым продажам и созданию СП по эксплуатации вертолетной техники и спецмущества.

Учитывая тот факт, что планом развития энергетики Филиппин предусматривается строительство и реконструкция значительного числа тепловых, гидро- и гидротермальных электростанций различной мощности, имеются определенные возможности для участия российских организаций в осуществлении контрактов на строительство ряда микроГЭС. По мнению наших специалистов, для России может представлять интерес сотрудничество в строительстве различных промышленных объектов на Филиппинах, в том числе в цементной промышленности, объектов инфраструктуры и др.

Объем товарообмена в перспективе может расти за счет, в основном, экспорта из России металла, минеральных удобрений, химикатов и других экспортных товаров, однако это сдерживается рядом объективных причин. Так, например, Россия не рассматривается руководством страны в качестве важного торгового партнера Филиппин. Тем не менее пробуждающийся политический интерес Филиппин к сотрудничеству с Россией обнадеживает. Свидетельством этого явился визит в сентябре 1997 г. в Россию президента Филиппин Ф.Рамоса, который был принят высшим руководством России и встречался с представителями правительственных и деловых кругов страны. Это был первый лидер АСЕАН, посетивший Россию. Во время визита был обсужден широкий круг вопросов, включая политические, экономические, культурные и военно-технические¹. По словам президента России, "при такой многоплановой беседе" выяснилось, что между двумя лидерами практически

нет разногласий по всем обсуждавшимся вопросам в международной политике и в сфере двусторонних отношений. В свою очередь, президент Филиппин подчеркнул, что в отношениях между двумя странами есть возможности для развития практически во всех сферах. По его словам, для Филиппин это важно не только из-за территориального присутствия России в Азии, но и из-за ее растущей экономической мощи. Последнее обстоятельство, по мнению Ф.Рамоса, подтвердило вступление Российской Федерации в бывшую группу семи ведущих индустриальных стран мира, которая с присоединением России превратилась в "восьмерку".

По словам Фиделя Рамоса, Филиппины были бы "эффективным партнером" России в блоке АСЕАН не только как географически самое северное и потому самое близкое к России государство АСЕАН, но и потому, что две страны проводят схожую политику, преследуя цель повышения благосостояния двух народов. Филиппинский руководитель подчеркивал важность роли Российской Федерации "в новом многополярном мире", где не должно быть ни одной доминирующей державы. "Новый мир должен быть основан на равных возможностях для всех стран - больших и малых", - заявил он.

По итогам переговоров президенты России и Филиппин подписали совместную российско-филиппинскую декларацию. Были подписаны также межправительственное соглашение о культуре и сотрудничестве, протокол об обмене грамотами о подписании конвенции об избежании двойного налогообложения и соглашение о создании двусторонней межправительственной комиссии, которая, как подчеркнул Ф.Рамос, "необходима для длительного и регулярного изучения вопросов и проблем в двусторонних отношениях с целью их развития и улучшения, а также выработки совместных предложений для правительств двух стран." В процессе визита было также подписано несколько соглашений и меморандумов о взаимопонимании на уровне коммерческих кругов для расширения двустороннего торгового, промышленного и других видов экономического сотрудничества. Фидель Рамос заявил, что отношения между Филиппинами и Россией должны развиваться в политической и экономической областях, не исключая военно-технического сотрудничества. Он подчеркнул необходимость продвигать политическое взаимодействие, прежде всего в делах Азиатско-Тихоокеанского региона, где обе страны играют очень важную роль.

В числе благоприятных факторов развития российско-филиппинских отношений следует специально отметить хорошие перспективы военно-технического сотрудничества.

В июне 1997 г. российская сторона выступила с предложением о содействии в модернизации филиппинских вооруженных сил, включая поставки истребителей-бомбардировщиков МиГ-29. Существующий дисбаланс во взаимной торговле в пользу России вызывал недовольство на Филиппинах. Следует при этом учитывать, что по местному законодательству закупки зарубежной военной техники должны уязвляться в обязательном порядке со встречными поставками филиппинских товаров.

Фидель Рамос оптимистично расценил перспективы приобретения российской военной техники для модернизации национальных вооруженных сил. Однако, филиппинская политика в этой области, по его словам, предполагает при закупках военной техники также передачу соответствующих технологий и организацию совместного производства. "При высокой стоимости военной техники мы надеемся снизить наши расходы путем наращивания встречной торговли и инвестиций с тем, чтобы в итоге прибыли получали обе стороны", - заявлял Фидель Рамос. По поводу возможности приобретения Манилой рос-

сийских МиГ-29 было заявлено, что Филиппины "готовятся приобретать военные самолеты, однако в настоящий момент находятся в стадии проведения тендера и соответствующих расчетов, и если партнер готов следовать принципам встречной торговли, передачи технологий и совместного производства, то его шансы предпочтительнее".

В меморандуме, подписанном российским военно-промышленным комплексом "МАПО" и Международной торговой корпорацией Филиппин, хотя и не говорится о поставках военной техники, однако в России уверены, что смогут выиграть тендер и продать Маниле самолеты МиГ-29. В этом документе предусматривается начало широкого обмена технологиями народнохозяйственного назначения и их продвижения на рынки двух стран.

Согласно подписанному меморандуму, российская сторона обязуется предоставлять Филиппинам технологии в области сельского и лесного хозяйства, природных ресурсов, производства минеральных удобрений, переработки отходов, производства различных установок по мембранной фильтрации, утилизации полимеров, лазерные установки для обработки металлов, переработки базальтовых пород для получения на этой основе супертонкого волокна. ВПК "МАПО" обладает обширным банком данных по этим технологиям. Филиппинская сторона предоставит различные информационные технологии, в том числе специализированные компьютерные программы, биотехнологии.

Во время официального визита на Филиппины в июле 1998 г. Е.Примакова, бывшего в то время главой МИД России, были согласованы программа культурного сотрудничества, а также меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества внешнеполитических ведомств двух стран. Стороны подтвердили твердые намерения продолжать курс на упрочение и дальнейшую активизацию равноправных и взаимовыгодных отношений как на двусторонней основе, так и в рамках международных организаций.

Определенные перспективы просматриваются в развитии торгово-экономических связей между Филиппинами и районами российского Дальнего Востока и Восточной Сибири. Создание Ассоциаций делового сотрудничества между Россией и Филиппинами во Владивостоке и Москве может способствовать расширению существующих связей и позволит наметить новые конкретные области торгово-экономического взаимодействия.

К числу причин, которые тормозят развитие российско-филиппинского торгово-экономического сотрудничества российские эксперты относят дорогой фрахт при поставках на Филиппины российских товаров, а также неготовность российских организаций предоставлять долгосрочные кредиты филиппинским организациям на осуществление средних и крупных проектов, связанных с поставками российского комплектного оборудования, машин и механизмов.

Россия - Вьетнам. Вьетнам остается одним из крупных рынков для российских товаров и прежде всего таких, как авиа- и автотехника, дорожно-строительное, сельскохозяйственное оборудование и запасные части, нефтепродукты, прокат черных и цветных металлов, удобрения и др. Россия имеет все необходимые предпосылки, сложившиеся на протяжении десятилетий, для развития всего комплекса торгово-экономических отношений с Вьетнамом и апробации на рынке этой страны форм и направлений взаимодействия с другими странами АСЕАН. Не последнюю роль здесь играет фактор относительно более низкой конкуренции России со стороны других государств, представленных на вьетнамском рынке.

В свою очередь Вьетнам готов поставлять в нашу страну широкий перечень продукции сельского хозяйства, в том числе тропического земледелия, легкой промышленности, каучук, морепродукты.

Обе страны имеют богатый опыт сотрудничества в различных сферах и привержены Договору об основах дружественных отношений между СРВ и РФ. За последние годы заметно активизировался политический диалог между нашими странами. В 1997 г. стороны подписали межправительственную Декларацию о содействии развитию торгово-экономического и научно-технического сотрудничества, рассчитанную на долгосрочный период.

Важным шагом на пути укрепления и всестороннего расширения отношений между РФ и СРВ стал официальный визит в Москву президента СРВ Чан Дык Лыонга (24-29 августа 1998 г.)

Обстоятельно, в деловой обстановке вопросы сотрудничества между двумя странами были обсуждены в ходе встречи президента РФ с вьетнамским коллегой. Б.Н.Ельцин подчеркнул, что прежде всего необходимо как минимум восстановить отношения былых времен, сосредоточиться на нефтегазовом направлении. Президент РФ отметил, что база, которая была создана двумя странами, сохранилась и ее следует использовать как платформу для построения нового здания наших отношений.

Президент СРВ отметил, что главным на переговорах было придание российско-вьетнамским отношениям стратегического характера. Чан Дык Лыонг также подтвердил, что укрепление и всестороннее расширение взаимоотношений с Россией остается одним из стратегических приоритетов внешней политики Вьетнама. Он подчеркнул, что между двумя странами существуют хорошие перспективы сотрудничества, главным образом в нефтегазовой отрасли, энергетике, металлургии и военно-технической сфере. Президенты РФ и Вьетнама считают, что между двумя странами нет никаких препятствий для развития взаимовыгодных отношений.

В ходе переговоров президент Вьетнама положительно оценил вклад российско-вьетнамской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству в дело активизации торгово-экономических связей между РФ и СРВ. Комиссия, как известно, приняла ряд мер, способствующих усилению сотрудничества между Россией и Вьетнамом в сферах общей заинтересованности. Одним из конкретных результатов деятельности этой комиссии стало недавнее подписание рамочного соглашения между вьетнамской государственной компанией "Вьетпетро" и российским объединением "Зарубежнефть" о создании совместного предприятия по строительству во Вьетнаме нефтеперерабатывающего завода. Кроме того, прорабатываются другие совместные проекты в области металлургии, автомобилестроения и сельского хозяйства.

В соответствии с соглашением между правительствами РФ и Вьетнама о сотрудничестве в создании и эксплуатации нефтеперерабатывающего завода в окрестностях вьетнамского города Зунгкуат предполагается, что это предприятие будет перерабатывать ежегодно 6,5 млн. тонн нефти. Первую продукцию завод выдаст в 2001 г. Как известно, Вьетнам добывает около 12 млн. тонн нефти в год. Финансирование строительства этого завода, будет осуществляться государственной компанией "Вьетпетро" и российским внешнеэкономическим объединением "Зарубежнефть", а также Японией. По словам официального представителя "Вьетпетро", общая стоимость проекта составит около 1,3 млрд. долл., причем инвестиции в проект распределятся по 50% между "Зарубежнефтью" и "Вьетпетро". Согласно оценкам специалистов, после выхода на проектную мощность в 2004 г., комбинат в Зунгкуате будет обеспечивать не менее 65 проц. внутренней потребности СРВ в нефтепродуктах. Завод будет производить около десяти видов топлива, в том числе авиационное, бензин, керосин и сжиженный газ.

Во время визита правительственной делегации СРВ в Россию состоялись встречи глав крупных вьетнамских компаний и предприятий со своими российскими коллегами². В Торгово-промышленной палате прошла дискуссия о возможности расширения двусторонних торгово-экономических связей. По мнению вице-президента Торгово-промышленной палаты РФ А.Чеснокова, существует большой потенциал для развития экономического сотрудничества между двумя странами. Стороны признали, что для расширения объема торговли необходимо повышать качество товаров, уровень информированности о состоянии рынков, а также развивать партнерство на региональном уровне.

Состоялось также заседание российско-вьетнамской подкомиссии по научно-техническому сотрудничеству, в ходе которого отмечалось, что в последние годы взаимодействие между Россией и Вьетнамом в области науки и техники носит плановый характер, реализован ряд перспективных проектов. На основе российских технологий в г.Хошимин смонтирована установка по производству микробиологических средств защиты растений и начат выпуск экспериментальной партии продукции. Следует отметить, что во Вьетнаме биотехнология и микробиология имеют большое будущее. В Ханое налажено производство экологически чистых азотфиксирующих препаратов на опытно-промышленной установке российского производства. Эти препараты уже используются в сельском хозяйстве Вьетнама. Кроме того, пущена технологическая линия по производству эндопротезов из материалов на основе графита. Также на основе графита в СРВ будут выпускаться композитные материалы с целью производства новых промышленных изделий. Подписано соглашение о создании во Вьетнаме научно-производственного центра по углеродным материалам.

Стороны договорились о дальнейшем сотрудничестве в рамках межотраслевого совместного тропического центра, созданного в СРВ при содействии России. Этот центр является единственной межведомственной организацией России в тропическом поясе, которая имеет возможность проводить специфические исследования: на "тропикостойкость" различных материалов, изучение последствий применения химических боевых веществ, разработка медицинских методик для лечения опасных заболеваний (чума, холера).

Кроме того, стороны договорились о ежегодном проведении во Вьетнаме выставок-семинаров государственных научных центров России.

Одна из наименее проблемных областей в торгово-экономических отношениях между двумя странами - военно-техническое сотрудничество, которое ежегодно приносит России около 100 млн. долл. Эта сумма складывается из стоимости запчастей к боевой технике советского производства (согласно экспертным данным, вооруженные силы СРВ на 75% оснащены военной техникой, которая в разное время поставлялась из бывшего СССР, а затем из России), стоимости подготовки военных кадров для вьетнамской армии и поставки истребителей СУ-27 (Ханой намерен закупить 24 самолета этого класса).

Военно-техническое взаимодействие Москвы и Ханоя вновь "стало набирать обороты" после "определенного застоя" в 1991-1994 гг. По мнению экспертов, для Вьетнама ни в среднесрочной, ни в долгосрочной перспективе нет иной альтернативы, помимо России, в плане развития военно-технического сотрудничества. Так, например, в середине 90-х гг. начались поставки в СРВ истребителей СУ-27 (в 1995 г. Вьетнам приобрел у России первые шесть самолетов за 150 млн. долл., а российские ВМС расширили операции в бухте Камрань³).

В 1995 г. из общего объема двустороннего товарооборота на сумму около 0,5 млрд. долл. почти половина пришлась на "спецтехнику". В 1996 г. товарооборот между Россией и Вьетнамом сократился почти вдвое (280 млн.

долл.), уменьшились и военные поставки (70 млн. долл.). Однако уже в следующем году объем торговли составил 357 млн. долл. благодаря тому, что ГК "Росвооружение" заключила с Минобороны СРВ новый крупный контракт на поставку вьетнамским ВВС второй партии Су-27.

В 1998 г. два контракта на поставку спецсредств и оборудования заключили авиационное объединение "Прогресс" и разработчик техники КБ "Радуга" с Минобороны Вьетнама. Поставки предназначены для военно-морского флота СРВ. В отличие от предыдущего периода сейчас Вьетнам расплачивается за поставляемое вооружение твердой валютой.

О том, что в военно-техническом сотрудничестве заинтересованы обе стороны, заявил во время своего визита во Вьетнам (февраль 1998 г.) председатель Государственной Думы Геннадий Селезнев. Он отметил, что Россия не собирается сворачивать сотрудничество и уходить с этого рынка и будет продавать не запрещенные международными договорами виды оружия в те страны, которые могут себе позволить приобрести российскую военную технику.

Будучи заинтересованным в модернизации своих вооруженных сил, изрядно пообетщавших со времен гражданской войны и американской интервенции, Вьетнам также ведет переговоры с Россией о приобретении самолетов МиГ-23, вертолетов Ми-24, а также патрульных кораблей и корветов. До 2001 г. Вьетнам намерен приобрести до 24 истребителей на базе Су-27 на общую сумму около 800 млн. долл. Есть перспективы поставок самолетов МиГ-29, патрульных, торпедных и ракетных катеров типа "Молния".

Все эти программы, однако, не ставят своей целью возрождение российско-вьетнамского союза на былом уровне и не направлены против третьих стран. Немаловажно и то обстоятельство, что военно-техническое сотрудничество между Россией и Вьетнамом ныне осуществляется на взаимовыгодных условиях, а не на безвозмездной основе, как это было раньше. В ближайшие годы объем военного сотрудничества между Россией и Вьетнамом, как ожидается, еще более возрастет.

По словам президента СРВ, Ханой заинтересован в том, чтобы в России обучалось больше вьетнамских офицеров. Москва также готова обсуждать вопрос о восстановлении полномасштабной подготовки вьетнамских военных специалистов в России. Кроме того, вьетнамцы хотели бы закупить российские подводные лодки, которых сейчас нет на вооружении ВМС страны.

Как известно, в 1981 г. между Москвой и Ханоем было заключено соглашение об использовании базы Камрань военно-морскими силами СССР. В апреле 1993 г. стороны продлили это соглашение до 2004 г. Сейчас вьетнамская сторона считает необходимым разработать новые условия использования базы, поскольку в последнее время сокращаются поставки Ханоем российских вооружений, которыми Москва компенсирует расходы по содержанию в Камрани российских военных.

Министр обороны России Игорь Сергеев, находившийся 20-21 октября 1998 г. с официальным двухдневным визитом во Вьетнаме, высоко оценил перспективы военного и военно-технического сотрудничества между РФ и СРВ. Наиболее приоритетными областями двустороннего взаимодействия глава российского военного ведомства назвал поставку Вьетнаму современных образцов вооружений и спецтехники, а также ремонт и модернизацию боевой техники, находящейся на вооружении у Вьетнамской народной армии (ВНА). Игорь Сергеев отметил, что Вьетнам является "традиционным рынком российских вооружений и не использовать его было бы неоправданно". Министр также подчеркнул, что поставка сюда российской военной техники "не нару-

шит баланса сил в регионе". Главный итог вьетнамской миссии маршала Сергеева заключается в том, что Вьетнам остается одним из важнейших геополитических союзников РФ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ориентированным на закупки российских систем вооружений. Кроме того, Россия сохранит военно-морское присутствие в этой стране.

Следует отметить, что во многом за счет военных поставок в СРВ Россия в последние годы совершила значительный прорыв в Юго-Восточную Азию. Так, по данным экспертов исследовательской службы конгресса США, Россия обошла Соединенные Штаты по поставкам авиационной техники в Азиатский регион и в настоящее время занимает по этому показателю первое место, прочно контролируя порядка 37% рынка.

Вьетнам является партнером России по диалогу с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии. В этом качестве Вьетнам проводит регулярные консультации, обмен информацией и обсуждение путей дальнейшей активизации отношений между Россией и странами-членами блока. Вьетнам, как заявил президент Чан Дык Лыонг, сделает все возможное, чтобы способствовать развитию диалога АСЕАН-Россия, направленного на укрепление мира, сотрудничества и развития в регионе и во всем мире.

Россия - Малайзия. В апреле 1997 г. Малайзия и Россия отметили 30-ю годовщину установления дипломатических отношений. За прошедшие годы в отношениях двух стран произошел ряд позитивных перемен.

Малайзия - интенсивно развивающаяся аграрно-индустриальная страна, крупнейший в мире производитель натурального каучука, пальмового масла и олова. В основе быстрой индустриализации Малайзии лежит поворот от импортозамещающей политики к развитию отраслей экспортной ориентации.

В настоящее время Малайзия входит в двадцатку крупнейших торговых стран мира, по основному показателю социально-экономического развития она опережает большинство развивающихся стран, а в АСЕАН - делит первое - второе место с Сингапуром. Руководством страны в качестве общенациональной задачи выдвинута идея достижения Малайзией к 2020 году статуса промышленно развитой державы.

Растущий промышленный и финансовый потенциал Малайзии, ее роль в международных экономических отношениях и в АСЕАН, а также развивающееся в последние годы российско-малайзийское торгово-экономическое сотрудничество дают основание рассматривать эту страну в качестве одного из перспективных партнеров России.

В течение многих лет структура и объемы двусторонней торговли традиционно определялись прежде всего уровнем закупок советскими (российскими) импортёрами таких товаров, как пальмовое масло, стеарин, натуральный каучук, латекс, олово. За последнее время структура торговых связей между Россией и Малайзией во многом изменилась. Сырьевые товары более не являются основными компонентами российского импорта из Малайзии. Их заменили товары народного потребления, продукция резинотехнической и деревообрабатывающей промышленности, различные виды продовольственной продукции и нефть. Россия осуществляет большие поставки удобрений и стали в Малайзию. Однако сегодня на долю России пока приходится менее 0,5% внешнеторгового оборота Малайзии. Основными товарами российского экспорта в Малайзию в 1996 г. были листовой прокат (32%) и удобрения (12%). Наибольший удельный вес в российском импорте из Малайзии занимала бытовая электроника (65%), поставляемая главным образом дочерними предприятиями крупных японских фирм, и компьютерная техника (16%).

Торгово-экономическое сотрудничество с Малайзией, по мнению российских экспертов, наиболее перспективно по следующим направлениям: 1. промышленное и научно-техническое сотрудничество; 2. инвестиционное сотрудничество; 3. региональное сотрудничество; 4. многостороннее сотрудничество.

С учетом малайзийских приоритетов российские экономисты выделяют в качестве перспективных такие отрасли и направления двустороннего промышленного и научно-технического сотрудничества, как коммерческое освоение космоса; материаловедение (композиционные и керамические материалы, сверхпроводники, металлы и сплавы с высокими техническими параметрами); энергетика (в том числе возобновляемые и нетрадиционные источники энергии); аэрокосмические технологии; оптоэлектроника; биотехнологические материалы и технологии; информатика (участие в реализации проекта создания "мультимедийного суперкоридора"); экология.

Малайзийские компании, имея определенный опыт в освоении зарубежных разработок и технологий, в настоящее время начинают испытывать затруднения в получении наиболее современных технологий от западных стран и Японии, что в принципе может сделать их более восприимчивыми к подобным предложениям, исходящим от России.

В рамках реализации под руководством премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамеда крупномасштабной программы превращения страны к 2020 году в высокоразвитую державу была выдвинута идея расширения научно-технического сотрудничества с Россией и, в частности, в области высоких технологий. Укреплению научно-технических связей с Россией послужило открытие в 1997 г. в одном из наиболее современных выставочных центров "Майнз" в Куала-Лумпуре выставки "Техэксчейндж-97", которую предполагается проводить там ежегодно. Российские предприятия представили на этой выставке образцы продукции в области космических исследований, производства композитов и конструкционных материалов, телекоммуникаций, мультимедийной и информационной техники, оптоэлектроники. Медицинская техника, биотехнологии, экология и нефтехимия также составили значительную часть экспозиции. При подготовке к выставке в Москве с 21 по 26 июня 1997 г. побывала делегация правительственных и деловых кругов Малайзии, занимающихся внедрением высоких технологий. В дальнейшем для отбора проектов сотрудничества, консультаций, защиты интеллектуальной собственности в Москве и Куала-Лумпуре предполагается открыть два постоянно действующих "Техноэксчейндж-центра".

Малайзийское правительство надеется также на участие российских предприятий в проекте "Мультимедиа суперкоридор" - создании близ Куала-Лумпура свободной зоны для иностранных инвестиций.

В настоящее время ведутся переговоры о запуске ракетой-носителем "Зенит" малайзийского научного микроспутника, изучается возможность сотрудничества в строительстве космопорта. Как стало известно из официальных источников, Малайзия решила запустить на орбиту свой третий спутник при участии Российского космического агентства (РКА). Малайзийское министерство науки, техники и по делам окружающей среды обратилось к российской стороне через торгпредство России в Куала-Лумпуре с соответствующей просьбой. Решение малайзийского правительства на этот счет было принято в середине февраля 1998 г. Соглашение о разработке и изготовлении научно-исследовательского спутника массой 50 кг было ранее подписано малайзийским министерством с английской фирмой "Сюррей сателлит технолоджи". Запуск с космодрома в Байконуре малайзийцы запланировали на конец

1999 г. Это будет первый спутник, в создании которого участвовали малайзийские специалисты.

Проявляется интерес к сотрудничеству с Россией в области глобальных навигационных систем и создания ракетной техники, а также контроля за экологической ситуацией на территории Малайзии. Хорошей основой для расширения сотрудничества с Малайзией в области высоких технологий являются компенсационное соглашение и другие документы, подписанные в рамках сделки на поставку самолетов МиГ-29.

Наибольший интерес может представлять инвестиционное сотрудничество в сфере электроэнергетики и инфраструктурных областей. В ближайшей и среднесрочной перспективе российские организации и фирмы могли бы в той или иной степени подключиться к реализации следующих инвестиционных проектов в Малайзии: строительство ГЭС "Бакун" (2400 Мвт), строительство ТЭС в Пантай-Лекире (2000 Мвт), строительство III фазы магистрального газопровода в Западной Малайзии на участке Меру (штат Селангор) - северные штаты Кедах и Перлис, строительство аэропортов в Бинтулу и Тавау (шт. Сабах).

Экономические реформы в России вызывают большой интерес малайзийских бизнесменов, которые хотели бы инвестировать свои капиталы в Россию. Изобилие природных ресурсов и наличие высококвалифицированной рабочей силы в России являются дополнительными стимулами для инвестиций малайзийского частного сектора в экономику России.

Реальным прорывом России на новые рынки ЮВА стал заключенный в 1994 г. контракт на поставку в Малайзию 18 истребителей МиГ-29 на сумму 600 млн. долларов. В октябре 1997 г. между обеими странами был подписан новый контракт на сумму 34 млн. долларов на модернизацию ранее поставленных МиГов.

Однако с целью улучшения финансовой ситуации, связанной с разразившимся в этом же году валютно-финансовым кризисом во всем регионе ЮВА, правительство Малайзии отказалось от ряда запланированных ранее закупок иностранного вооружения и дорогих автомобилей. Эти мероприятия, тем не менее, не затронули программу военно-технической кооперации Малайзии с Россией.

В мае 1998 г. российские специалисты завершили модернизацию в Малайзии первых двух истребителей МиГ-29Н, входящих в состав поставленных в эту страну в 1995-1996 гг. 18 самолетов (16 боевых и 2 учебно-боевых). Как известно из интервью главного конструктора истребителя МиГ-29 Валерия Новикова, модернизация была проведена в течение двух месяцев. Контракт, стоимостью 34 млн. долл., предусматривал модернизацию всех 16 боевых истребителей МиГ-29 и был подписан между ВПК "МАПО" и компанией "Росвооружение" с одной стороны, и российско-малайзийским СП Aerospace Technology Systems Corp, с другой. Ежедневник "Дифенс ньюс" в марте 1998 г. сообщил, что Россия приступила к выполнению обещания вложить 150 млн. долл. в экономику Малайзии в обмен на оформленный в 1994 г. заказ на истребители МиГ-29Н⁴. Данная сделка является компенсационной и предусматривает организацию обучения и подготовки летного персонала.

Поскольку все 18 фронтовых истребителей к настоящему моменту возвращены в частях малайзийских ВВС, компания "Росвооружение", которая заключила сделку на 600 млн. долл., направляет специалистов в Аэрокосмическую инженерную школу и научно-исследовательский центр (НИЦ) при Малайзийском университете. По мнению официальных представителей "Росвооружения", эта школа и НИЦ могут стать основой для реализации бу-

дущих научно-исследовательских проектов в целях удовлетворения требований Малайзии по закупке из Москвы другой военной техники.

Россия-Индонезия. Экономические отношения бывшего СССР и России с Республикой Индонезия прошли разные этапы. Учитывая преодоление имевших место в прошлом определенных политических разногласий, наличие благоприятных условий и факторов, определяющих интерес Индонезии к расширению сотрудничества с Россией (близость позиций по основным международным проблемам, взаимодополняемость экономик, заинтересованность Индонезии в российских передовых технологиях, в том числе военных, емкость российского рынка для сбыта индонезийской экспортной продукции), существуют достаточно благоприятные перспективы дальнейшего развития и углубления торгово-экономических отношений между странами и военно-технического сотрудничества.

Отличительной особенностью структуры товарооборота между двумя странами остается его слабая диверсифицированность, приводящая к нестабильности и значительной зависимости торговли от объемов сырьевых поставок. Однако, положение дел начинает постепенно меняться. Обращает на себя внимание тенденция к росту в структуре российского экспорта изделий машино-технической группы, в первую очередь, благодаря активизации военно-технического сотрудничества, а также увеличению продаж энергетического оборудования, дорожно-строительной техники, текстильного оборудования.

Импорт из Индонезии, скорее всего пока будет сохранять сырьевую направленность. Наибольший удельный вес в российском экспорте в Индонезию (без учета военных поставок) будут по-прежнему занимать сырьевые товары (черные металлы, удобрения). Российский экспорт товаров этой группы, по мнению российских экономистов, может получить дальнейшее развитие за счет ослабления их потока в третьи страны (Таиланд, Сингапур) при условии прямого выхода российских производителей и экспортеров на Индонезию.

Имеются определенные возможности выхода на индонезийский рынок российской судостроительной продукции. В рамках программы модернизации рыболовного флота Индонезии возможны такие формы двустороннего сотрудничества, как предоставление российских кораблей в аренду индонезийским фирмам, а также совместное строительство судов на индонезийских верфях, включая поставки судового оборудования и дизельных двигателей.

В последние годы активизируются российско-индонезийские научно-технические связи. Так, например, в январе 1998 г. по приглашению Союза инженеров Индонезии российская делегация во главе с профессором В.Губановым посетила эту страну. Выступая перед российскими учеными, министр по научным исследованиям и технологии профессор Бурхануддин Хабиби заявил, что он оптимистично смотрит на сотрудничество с Россией, которая остается центром науки и технологий. Российские ученые ощутили прежде всего интерес индонезийских коллег к представленным им конверсионным проектам в различных областях высоких технологий.

Особый интерес к российским технологиям проявили следующие учреждения: Университет Индонезии, Институт биологии в Джакарте, Атомный исследовательский центр в Серпонге близ Джакарты, Технологический институт, Институт электроники и крупнейшая самолетостроительная компания в Бандунге.

Заместитель министра по делам развития науки и технологий Харьоно Джойдихардо, в одном из своих интервью, заявил, что Индонезия намерена серьезно сотрудничать с Россией в области высоких технологий. С этой целью в Джакарте планируется создание рабочей группы из представителей прави-

тельства и деловых кругов для детального изучения предложенных проектов. Х.Джойдихардо выразил мнение, что объединение российских технологий и индонезийских возможностей позволит создать стратегический экономический альянс, способный выходить как на свои, так и на международные рынки с конкурентоспособной продукцией, что поможет решить и финансовые проблемы обеих стран.

По мнению российских экспертов, сотрудничество целесообразно развивать по ряду наиболее перспективных направлений, по которым может развиваться инвестиционное сотрудничество фирм и организаций РФ и Индонезии: добыча и переработка российского минерального сырья, лесных ресурсов, нефтепродуктов; налаживание в России производства товаров широкого потребления, включая товары длительного пользования; создание совместных предприятий на территории Индонезии (сборка дорожно-строительной техники, переработка сельскохозяйственной продукции); строительство в России административных зданий, жилых комплексов.

Создание благоприятного инвестиционного климата в России (решение проблем гарантий инвестиций, создание рынков земли, недвижимости, совершенствование инвестиционного правового режима и банковского законодательства, таможенного режима), дало бы возможность продвижения на индонезийский технологический рынок российских передовых технологий, в частности вибросейсмической технологии добычи нефти, по которой работа начата в 1996 г. В случае принятия правительством Индонезии окончательного решения о строительстве на о. Ява атомной электростанции, могут открыться известные перспективы расширения российского экспорта соответствующего оборудования. Важным направлением российские эксперты считают активизацию сотрудничества индонезийских деловых кругов с регионами России, особенно Сибири и Дальнего Востока, как в сфере технологий, так и в реализации конкретных крупных проектов (например, деревообработка), создании свободных экономических зон.

Важным направлением военно-технического сотрудничества может стать продвижение на индонезийский рынок российской авиационной, бронетанковой и другой техники, а также участие РФ в модернизации старой военной техники, ранее закупленной Индонезией в СССР. Что касается перспектив выхода российской авиатехники на рынок Индонезии с учетом жестких ограничений в отношении импорта самолетов и господства на индонезийском рынке западных авиастроительных компаний, наиболее реальным следует считать организацию лизинга российских самолетов и вертолетов прежде всего для осуществления грузовых перевозок и выполнения строительно-монтажных работ. Продвижение российской военной техники открывает широкие возможности и перспективы для Индонезии в использовании научно-технического потенциала России для создания высокотехнологичной продукции.

Как известно, в августе 1997 г. в Москве было подписано предварительное соглашение о продаже Джакарте на принципах встречных закупок 12 многоцелевых истребителей-бомбардировщиков Су-30 и 8 вертолетов Ми-17-1В.

Однако в январе 1998 г. руководство вооруженных сил Индонезии в связи с валютно-финансовым кризисом в стране, предложило отсрочить запланированные закупки вооружений и военной техники за рубежом в 1998/99 финансовом году. Под эту меру подпадала и намеченная сделка на поставки российских истребителей Су-30. Если верить сообщениям печати, на данном этапе, планы приобретения Джакартой российских истребителей вообще отменены.

Дальнейшее развитие сотрудничества фирм и компаний России и стран АСЕАН будет способствовать технической и организационной перестройке многих производств в России, особенно в ее восточных районах, и иметь большое значение для импортозамещения, увеличения российского экспортного потенциала. Ориентация на ускоренное развитие сотрудничества со странами АСЕАН позволит обеспечить выход России к основным торговым путям региона Южной и Юго-Восточной Азии и будет способствовать привлечению капиталов этих стран к развитию деловой инфраструктуры и портового хозяйства Дальнего Востока и Сибири, участию в экономических проектах на российской территории. Следует отметить, что и рассматриваемые в данном материале страны заинтересованы в региональном сотрудничестве с Россией, в особенности с регионами Дальнего Востока и Сибири.

-
1. Дипкурьер. 1997. № 17. С. 10-19.
 2. Дипкурьер. 1998. №4. С. 3-9.
 3. Asia-Pacific defence reporter. December 1998-january 1999. P. 6.
 4. Defense news. 10 March 1997 - 16 March 1997. V. 12. N 10. P. 16.

Япония и Латинская Америка: торгово-экономические связи в 80-90 гг.

© 1999

А.Сизоненко

Четко выраженная активизация Японией своих торгово-экономических связей с Латинской Америкой наметилась в конце 70-х - начале 80-х гг. Интерес Японии к этому региону объяснялся его ценными и богатыми сырьевыми ресурсами, возможностями выгодных крупных инвестиций, сравнительно дешевой рабочей силой. Особое внимание Япония обратила на благоприятные перспективы импорта из Латинской Америки продовольственных товаров и поставок туда японской промышленной продукции, в особенности автомобилей, радио и телеаппаратуры и т.п. Японские корпорации рассматривали латиноамериканский континент и как своего рода мост для дальнейшего проникновения в зону американского влияния, расширения выхода на рынок США.

Следует особо отметить, что экономическому продвижению Японии в латиноамериканском регионе содействует и такой фактор, как наличие в нем довольно значительной японской диаспоры, насчитывающей более миллиона человек. За 3-4 поколения выходцы из Японии прочно обосновались во многих странах региона, часть из них добилась высокого положения в местном бизнесе, банковской сфере, промышленности. Наиболее значительные позиции японская диаспора имеет в Бразилии.

Торговля Японии со странами Латинской Америки развивалась в основном на базе двусторонних соглашений. Главными ее партнерами стали крупнейшие и наиболее развитые страны региона - Бразилия, Аргентина, Чили, Мексика, Перу. Товарооборот в 80-е гг. оставался примерно на одном уровне: (в млн. долл.) в 1980 - 14192, в 1987 - 14886 (без Кубы). Баланс в торговле Японии со странами Латинской Америки неизменно, за исключением 1983 г., сводился с положительным сальдо для Японии. Номенклатура поставок с латиноамериканской стороны отражала специфику каждой из ее представителей. Основу экспорта Бразилии составляли - железная и марганцевая руда, и, конечно же, кофе, Перу - руды цветных металлов, Чили - медная руда, Венесуэлы и Мексики - нефть, Аргентины - пшеница, кожсырье.

Интересно, что доля Латинской Америки в общем экспорте Японии к концу 80-х гг. сократилась до 3,8% (6,7% в 1980 г.), а в импорте возросла до 4,2% (в 1980 г. - 3,8%). Тем не менее в 80-е гг. по объему экспорта в Латинскую Америку Япония вышла на второе место после США и в рассматриваемый период сохраняли эти позиции. Уже к концу 80-х гг. на тихоокеанские страны южноамериканского континента приходилась основная часть торговли Японии с этим регионом. В том числе на Панаму в 1987 г. (где находится крупнейшая в Латинской Америке СЭЗ) приходилось 28%, Мексику - 16%, Перу - 5%, Колумбию и Чили по 4%.

Страны Латинской Америки выступали и выступают на японском рынке, главным образом, как поставщики сырья, энергоресурсов, главным образом, нефти и продовольствия. В середине 80-х гг. доля этих товаров в общей товарной структуре импорта Японии из Латинской Америки составляла 26%, 26,6% и 20,3% соответственно.

Особый интерес Японии проявляла к латиноамериканской нефти. Это связано со стремлением диверсифицировать импорт этого вида сырья, сократить свою зависимость от поставок с Ближнего и Среднего Востока. Основным экспортером латиноамериканской нефти в Японию является Мексика. Уже в середине 80-х гг. Япония вышла на второе место по закупкам мексиканской нефти. На нефть и нефтепродукты в 1986 г. пришлось 75% общего объема импорта Японии из Мексики. Проблема поставок нефти всегда стояла и стоит в числе главных на всех ответственных переговорах между Японией и нефтедобывающими странами Латинской Америки. Япония не скупилась на кредиты, направляемые в развитие нефтедобычи в регионе. Так, в 80-е гг. Мексика получила японский кредит в 1 млрд. долл. на проект "Петролеро дель Пасифико", в том числе 500 млн. долл. на прокладку нефти- и газопроводов к портам тихоокеанского побережья. Эти трубопроводы уже построены и действуют. Крупные кредиты тогда же были предоставлены Перу и Колумбии.

Основными статьями японского экспорта в Латинскую Америку с 80-х гг. являются продукция тяжелой, химической и машиностроительной промышленности. В первую очередь это автотранспортная техника, суда, системы связи, электро и радиооборудование, бытовая электроника. В середине 80-х гг. на эту категорию приходилось 94% всего экспорта Японии. В торговле со странами Латинской Америки Япония испытывает жесткую конкуренцию со стороны Западной Европы и США. В настоящее время к числу конкурентов присоединились и наиболее развитые страны региона - Бразилия, Аргентина, Чили.

Развитие японо-латиноамериканских торговых связей протекает на без трудностей и противоречий. Основной проблемой является сохранение отрицательного в целом баланса Латинской Америки в торговле с Японией, хотя японская сторона время от времени предпринимает усилия, чтобы его выровнять. Иногда они дают определенные результаты. Так, Мексике в ряде случаев удавалось иметь даже положительное сальдо.

Латиноамериканский регион занимает весьма важное место как сфера инвестиционной активности Японии. В 1986 г. японские инвестиции составили 18,7% всех капиталовложений Японии за рубежом. По их уровню Япония вышла на 2-ое место после США. Основные инвестиции направлялись в экспортные отрасли, а так же в сферы производства, ориентированные на внутренний рынок и пользующиеся различными льготами предоставляемыми местными правительствами, а именно: сбор информации, использование дешевой рабочей силы, энергетических и сырьевых ресурсов. Значительная часть японских частных инвестиций в регионе направляется в обрабатывающую промышленность. Японские компании в 80-х гг. увеличили доступ на рынки США путем создания предприятий в зонах свободной торговли стран Латинской Америки, где предоставляются большие льготы иностранным компаниям. Особенное развитие эти предприятия получили в Мексике, в основном в приграничных с США районах, а также в СЭЗ в Бразилии, Панаме, Чили. В тот же период началось инвестирование японских капиталов и в добывающую промышленность, хотя и в меньших размерах, чем в обрабатывающую отрасль, в банковский сектор, в транспорт. В последний в основном в форме регистрации под панамским флагом японских судов.

Кроме того, Япония принимает активное материальное участие в исследованиях возможностей строительства второго Панамского канала.

Панама занимает 1-ое место по японским капиталовложениям, на 2-ом месте Бразилия, где японский капитал занимает наиболее сильные позиции в

металлургической промышленности, автомобилестроения, производстве мотоциклов, компьютеров и т.п. Японские средства вкладываются также в сельское хозяйство страны. Весьма активно с 80-х гг. Япония действует в крупнейшей СЭЗ Бразилии в г. Манаус. Как одно из свидетельств инвестиционной активности Японии следует отметить, что в бразильско-японской торговой палате представлено более 20 крупнейших банков Японии.

Что касается автомобилестроения, то в той же Бразилии уже в середине 80-х гг. на японскую корпорацию "Ниссан мотор" приходилось 11% всех выпускавшихся в стране автомобилей. При этом японцы в этой области нередко действуют в сотрудничестве с крупнейшими автомобильными компаниями третьих стран например, с "Фордом". Большое внимание японцами уделяется производству в Латинской Америке, особенно, в Бразилии и Мексике, мотоциклов, прежде всего, корпорацией "Хонда моторс".

Японский капитал активно задействован в химической и горнодобывающей промышленности Мексики.

Расширяя свои экономические связи со странами региона, Япония большое внимание уделяет и развитию технического сотрудничества, которое реализуется, в основном, в трех формах: прием стажеров, направление специалистов и предоставление оборудования и материалов центрам технического сотрудничества. Уже в середине 80-х гг. на техническое сотрудничество приходилось более 46% общей суммы помощи, оказываемой Японией Латинской Америке. Япония стала играть заметную роль в подготовке кадров для этого региона. В 80-х гг. более 12% всех стажеров, принятых Японией из развивающихся стран, приходилось на Латинскую Америку. В самом регионе Япония создала 8 центров технического сотрудничества, которые работают по самому широкому спектру направлений. В 1986 г. из 138 проектов, осуществлявшихся Японией в развивающихся странах, 33 приходилось на Латинскую Америку.

Подводя итоги японо-латиноамериканскому торгово-экономическому сотрудничеству в 80-е гг., следует подчеркнуть, что Япония окончательно стала вторым по значимости партнером стран этого региона после США. В этот период значительно увеличились японские капиталовложения в регионе. Изменение инвестиционного климата в ряде стран Латинской Америки, стремление привлечь японские капиталовложения создали условия для дальнейшего их увеличения. Все это закладывало основы для более тесного и разностороннего развития японо-латиноамериканских торгово-экономических связей в 90-х годах.

В 1994 г. 48% общего объема латиноамериканской торговли с Восточной Азией приходилось на Японию. Как и ранее основная часть японской торговли, а также других форм ее экономических связей со странами Латинской Америки концентрировалась на Бразилии и Мексике, в целом охватывая практически весь регион. Во втором ряду шли Аргентина, Чили, Венесуэла, Колумбия и Перу. Что касается японских инвестиций, то своего пика в Латинскую Америку они достигли в 1991 г., но затем несколько снизились из-за неблагоприятной экономической обстановки в Японии. Сосредоточивались они главным образом в транспортной и финансовой сферах. В 1994 г. доля стран Латинской Америки в японских зарубежных инвестициях составила 8,4%. Некоторое снижение их объема обусловлено целым рядом факторов, в том числе связанных с характером экономических реформ, наличием финансовых проблем в странах Латинской Америки.

Значительная часть прямых японских инвестиций продолжала приходиться на Панаму, Багамские острова, Бермуды, Кюрасао, где имеются льготные фискальные порядки и выгодно регистрировать торговые суда. Крупные японские инвестиции направлялись в Мексику и Бразилию. Уже в начале 90-х гг. Япония занимала третье место по иностранным инвестициям в Бразилии, четвертое - в Мексике и пятое - в Перу и Венесуэле.

В 1995 г. половина японских финансовых компаний, проводивших свои операции в Латинской Америке, действовала в Бразилии и Мексике. При этом в Бразилии их финансовая деятельность концентрировалась, главным образом, в производстве готовых товаров.

Следует отметить две интересные особенности японских инвестиций в Бразилию и Мексику. Во-первых, крупные японские предприятия, которые обеспечивают интересы Японии в этом регионе, организовали свои собственные крупные инвестиционные проекты, ориентированные на длительные сроки. Во-вторых, японские компании действуют группами, которыми, в свою очередь, руководят предпринимательские организации Японии, в частности, такие крупные, как Федерация экономических организаций Японии.

Что касается Мексики, то эта страна особенно значительно продвинулась в расширении форм своего сотрудничества с Японией, которое охватывает, как традиционные для этой страны сферы производства, так и новые высокотехнологические области, такие как, электроника, телекоммуникационное оборудование и его компоненты, системы связи, транспортные средства.

В 90-е гг. кроме Бразилии и Мексики инвестиции из Японии шли и в важные специфические отрасли экономики Аргентины и Чили. В последней, например, японские капиталовложения, направлялись в сырьевую сферу, в предприятия по производству бумаги. В Аргентину - в производство электронного оборудования.

Ощутимый стимул экономическим связям между Японией и странами Латинской Америки дают активно развивающиеся в 90-е гг. политические контакты на высшем уровне. Так, со второй половины 90-х гг. Япония регулярно (каждый год) посещает с официальным визитом президент Чили. На таком же высоком уровне идет обмен визитами и переговоры руководителей Японии с их коллегами из других латиноамериканских стран. В Перу, например, немаловажное значение имеет тот факт, что президентом страны является сын японских иммигрантов Фужимори. Существенным обстоятельством, также благоприятствующим расширению деловых связей Японии с Мексикой и Чили, является их членство в СТЭС и АТЭС соответствующие контакты в рабочих группах этих тихоокеанских экономических организаций. После сессии АТЭС в Ванкувере к указанным странам добавилась также Перу. Развитию торгово-экономических связей способствует активное участие японских и латиноамериканских ученых и практиков-специалистов во всевозможных симпозиумах, конференциях встречах, регулярно проводимых в их странах. Результаты этих встреч впоследствии плодотворно отражаются на сотрудничестве в разработке и реализации совместных проектов.

Важное значение для развития отношений Японии со странами Латинской Америки, для определения дальнейших путей сотрудничества сыграло участие внушительной японской делегации в работе XII сессии Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству в столице Чили Сантьяго (30X- 2XI.1997 г.). Большая группа японских бизнесменов, сопровождавшая официальную делегацию, провела целую серию встреч и переговоров, которые, несомненно, приведут к укреплению и расширению делового сотрудничества Японии не только с Чили, но и другими странами региона. Необходимо отметить, что на этой сессии Бразилия участвовала в качестве полноправного члена, хотя она не имеет прямого выхода к Тихому океану и использует территорию прибрежных государств через СЭЗ. Бразилия была признана там как страна, имеющая в АТР прочные и стабильные интересы. Это обстоятельство будет, несомненно, способствовать дальнейшему укреплению японо-бразильских отношений.

Япония на пороге XXI века: технологический, информационный вызов

© 1999

А. Н. Бубенников, А. А. Бубенников

Рубеж XX-XXI веков - ураганное время переоценки ценностей в науке и технологиях, структурной перестройки экономики мирового хозяйства, радикальных преобразований в экономическом взаимодействии стран и регионов, время глобальной информатизации мирового сообщества.

Цель данной работы - исследование процессов структурной перестройки в наукоёмкой технотронной сфере Японии середины-конца 90-х гг. на фоне информационной революции, новых технологий и глобализации мировой экономики; раскрытие эффективных организационных механизмов коммерциализации зарождающихся информационных технологий японских фирм в конкурентной среде мирового бизнеса; анализ и прогноз развития главных научно-технологических источников создания конкурентоспособных наукоёмких продуктов (КНП).

Информационная революция и глобализация мировой экономики.

В наши дни с полной определёностью можно говорить о феномене конца XX века - глобализации мировой экономики, когда национальные и региональные экономики всё в большей мере становятся взаимосвязанными и взаимозависимыми.

В этих условиях особую актуальность и значимость приобретает способность отдельной страны в целом обеспечить в конкурентной среде мирового рынка достойный уровень жизни, гарантировать возможность полной или практически полной занятости трудоспособного населения. И здесь важно отметить, что "экономический бум" 80-х гг. ряда стран Запада и Востока, обеспечивший значительный экономический успех национальных и региональных хозяйств, так или иначе связан с бурно развивающимся информационно-технологическим направлением научно-технической революции.

Именно это направление кардинально изменяет, динамику всей мировой экономической системы, международных экономических связей и отношений.

Конкурентоспособность национальных экономик в условиях свободного и доступного мирового рынка - это способность страны производить в первую очередь технологические и наукоёмкие товары, а также услуги, находящие по-

Бубенников Александр Николаевич, доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института микропроцессорных вычислительных систем РАН, зав. кафедрой МФТИ.

Бубенников Александр Александрович, аспирант экономического факультета МГУ им. Ломоносова.

выпущенный спрос на мировом и региональных рынках. Подчеркиём универсальный характер понятия мировой конкурентоспособности в рыночной конкурентной среде: это не просто самооценочность, а скорее необходимое условие, которое гарантирует достаточно высокий уровень благосостояния, включая оплату труда, наличие социально-экономических и технологических, производственных, культурных инфраструктур, политические свободы, доступ к образованию и др.

Глобализация мировой экономики проходит в условиях информационной революции с экспансией в сфере электронизации, компьютеризации, телекоммуникаций во все области народного рыночного хозяйства. Это означает беспрецедентную взаимосвязанность экономик разных стран и регионов, невиданное ранее ускорение в масштабах всей цивилизации обмена информацией, капиталами, материальными, интеллектуальными продуктами, услугами и т. п. Данный процесс укрепляет благосостояние передовых в технологическом развитии стран, дает им дополнительные преимущества в конкуренции с отставшими странами во всех сферах мирового рынка. Например, по потреблению добываемых мировых ресурсов доля США с конца 40-ых годов, которые принято определять как время начала технологической информационной революции, менее чем за полвека увеличилась почти в два раза, хотя население этой страны по-прежнему составляет 5-6% населения земного шара.

Технологическая и экономическая поляризация мира, разумеется, имеет свое объяснение в историческом и социально-политическом развитии отдельных стран и регионов. Однако главную роль в этой поляризации играет глобальная конкуренция в развитии технологических и информационных методов и средства.

Пример экономической экспансии мирового технологического лидера США, имеющего к тому же обширную территорию и огромный разведанный запас минерально-сырьевых ресурсов, интересен в сравнении Японией, обделённой ресурсами, стремительно прошедшей путь от послевоенного разорения до технологического лидерства в середине-конце 80-х гг. Конкурентная борьба США и Японии (в значительно меньшей степени Европы) за доминирование и первенство на мировом рынке КНП, достигла апогея к середине 90-х гг, когда Япония начала кардинальную структурную перестройку ранней индустриальной организации экономики в виде т. н. "Джапан инк.", в новую технологическую организацию "Джапан тек". Американские эксперты вкладывают в это понятие единство, характерное для развития японского научного и индустриального потенциала, бизнеса КНП и политики правительства на мировом рынке наукоемких продуктов, технологий, услуг, информации, патентов и лицензий. Еще большие потенциальные возможности заключены в стратегии интеллектуализации всего японского хозяйства, прорыва в новые сферы индустрии, технологии в рамках развития "Техносферы XXI в." высочайшего технологического информационного уровня.

Энергетический принцип развития на основе информационных технологий

История мировой индустрии показывает, что до недавнего времени каждый шаг в повышении производительности труда был сопряжен с расходом энергии. Согласно энергетическому принципу развития цивилизации только то из состояний сообщества имеет реальные и потенциальные преимущества для выживания, которое структурно организовано так, что извлекает для использования из внешней среды большее количество энергии из

разнообразных источников. Индустриально-технологическая система общества необходима для организации дополнительного потока энергии, полезной человеку. В наши дни энергетический принцип можно переформулировать применительно к эффективности региональной экономики следующим образом. В историческом соревновании стран и регионов выигрывают те, чья экономика оказалась более эффективной в развитии и использовании новейших информационных технологий, способных в общественно-индустриальной сфере привлекать, трансформировать и использовать стороннюю энергию.

Уровень ресурсного основания природоэксплуатирующих отраслей экономики если не потерял, то в значительной степени утратил приоритет в обеспечении экономического могущества стран и регионов на пороге XXI в. Именно в Японии с предельно ограниченным уровнем ресурсов в ходе информационной революции сложился новый тип научно-технологического прогресса по мере формирования и развития трудосберегающих и энергосберегающих технологий. В Японии еще до энергетического кризиса начала 70-х гг. была централизованно осуществлена первая структурная перестройка, направленная на свертывание, например, угледобывающей промышленности, тотальное энергосбережение во всех отраслях добывающей и обрабатывающей индустрии.

Научно-технологическое развитие Японии в течение нескольких десятилетий было направлено не только на поиск новых возможностей использования энергии в производстве, обоснованных преимуществом импорта относительно дешевой нефти, но и на использование, например, солнечной энергии в промышленных масштабах. Несмотря на то, что даже в конце XX в. солнечная энергия пока обходится развитым странам в семь раз дороже тепловой (нефти, газа, ТЭЖ), в Японии планируется за счет экологичных солнечных батарей обеспечить к 2000 году 2-2,5% энергетических потребностей страны, а к 2010 году уже 3-5%. Прорыв в сфере новых сторонних источников энергии уже сам по себе не может быть реализован без использования новейших информационных технологий.

Существует много ярких примеров "японского информационного чуда", того, как информационные технологии кардинально изменяют содержание рабочих процессов, структуру отраслей индустрии, организацию труда и т. д., причем особенностью применения этих технологий является их универсализация и высочайшая эффективность использования: от плавки стали до сельскохозяйственных работ, управления производственными процессами во всех отраслях индустрии, до банковских и конторских операций. Решение важнейших экономических хозяйственных задач, проблем культуры и образования уже не обходится без использования преобразующих информационных технологий.

Важнейшим проявлением научно-технологического прогресса в ходе информационной революции является рост эффективности использования ресурсов и энергии. Причем именно в этой сфере обделенная ресурсами Япония добилась реального паритета с США. Новый технологический информационный вызов Японии своему могущественному конкуренту в значительной степени отражает стремление к разработке собственных, принципиально новых технологий и в перспективе внедрению новейших трудосберегающих методов, требующих значительных инвестиций как в собственно производство, так и в развитие новейших информационных технологий.

От информатизации к интеллектуализации всего хозяйства

Японии Пределы экономического роста на прогрессирующем технологическом базисе особенно зримы для стран с ограниченными природными ресурсами, таких как Япония, Корея, Тайвань. Но и в могущих существовать пока на "природную ренту" странах (Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и др.) вполне осознается ограниченность только одного природного ресурсного фактора в долгосрочной перспективе.

Пирамидальная структура хозяйств индустриально развитых стран до технологической информационной революции второй половины XX века имела обширное основание в виде природоэксплуатирующих отраслей. По мере сужения пирамиды на верхних этажах производственной структуры хозяйства меньше роль природного фактора, меньше малоквалифицированного труда и основных фондов было занято в соответствующих производствах. На верхних этажах такой структуры, ближе к ее острию все большее значение приобретают высококвалифицированный труд, технологичность, наукоемкость.

В ходе информационной революции значимость и влияние технологоемкой и наукоемкой продукции, интеллектуальных продуктов, научного обслуживания резко возрастают, что приводит в рассматриваемой развивающейся структуре к сокращению нижнего ресурсного слоя при резком расширении верхних слоев и доминировании наукоемкости, технологоемкости, высококвалифицированного труда.

Принципиальное отличие первой пирамидальной структуры индустриального хозяйства и общества от второй, получившей название эллипсообразной структуры информационного хозяйства заключается в более ускоренном моральном старении технологий и технологического оборудования во второй структуре. Обновление оборудования в сфере информационных технологий происходит через 2-3 года, и Япония является лидером данного процесса. В то же время в большинстве традиционных отраслей, например, в обрабатывающей промышленности, тяжелом машиностроении Японии удается в течение последних лет поддерживать паритет с США прежде всего за счет рывка в технологической и информационной сфере.

В конце XX в. уже информация, а не энергия, становится основным инструментом воспроизводства хозяйственной структуры мирового технотронного сообщества. Следовательно сфера высоких технологий, сопряженных с электронизацией, производством информационных, интеллектуальных продуктов, сфера интенсивных научно-технологических инноваций становятся гарантией национального экономического процветания.

Информация и информационные технологии пронизывают эллипсообразную хозяйственную структуру Японии и играют такую же, если не большую роль в функционировании постиндустриального (технотронного) народнохозяйственного комплекса, чем в пирамидальной структуре индустриального хозяйства играла энергия. Парадокс активизации информационных технологий в структуре народного хозяйства заключается в том, что энергетические природные ресурсы, хотя и не потеряли своего стратегического значения, уже не являются главенствующими. Они управляются более гибкими и бурно развивающимися информационными технологиями, зависят от интеллектуализации всего хозяйства.

Реализация концепции "Техносферы 2010" идет вместе с процессом дальнейшего совершенствования эллипсообразной структуры народного хозяйства Японии, пронизанного снизу доверху от сырьевого до наукоемких и технологоемких слоев информационными потоками. Формирование "Техносферы

2010" и информационно-интеллектуальной структуры народного хозяйства в Японии уже сейчас идет под знаком всеобщей глобальной интеллектуализации страны. Науко- и технологоёмкими, наряду с отраслями электронной, компьютерной телекоммуникационной индустрии, уже стали тяжелое машиностроение, сфера услуг, транспорт, а также строительство и сельское хозяйство.

Прогнозируется, что создаваемое в Японии интеллектуальное технологическое общество уже в ближайшей перспективе позволит в максимальной степени использовать основной потенциал микрoeлектронных, информационных, компьютерных, телекоммуникационных технологий - их не только энергосберегающий, но и трудосберегающий, гуманистический характер с ориентацией на культурно-образовательные потребности человека и свободного общества. Причем в долговременной перспективе это не будет сопровождаться социальными конфликтами, безработицей, упадком культуры и нравственности, с одной стороны. С другой стороны, все производства японских фирм должны обеспечивать технологическую и экологическую безопасность людей и окружающей среды, а продукты фирм должны быть конкурентоспособны на основе не только наукоёмкости, но также и "искусствоёмкости", ставясь предметами новейшей культуры и искусства грядущего тысячелетия.

Японская стратегия: наука и технология-основа бизнеса, бизнес - опора науки и технологии

Проблеме эффективности инновационной деятельности уделяется значительное внимание в государственной экономической и научно-технической политике всех технологически развитых стран. В наши дни темпы экономического развития во многом зависят от расходов на научно-исследовательские и конструкторские работы (НИОКР) и эффективности их использования. В таблице 1 приведены затраты на НИОКР в технологически развитых странах.

Таблица 1

Общие расходы на НИОКР в ведущих странах мира

Страна	1979	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
США	56,6	136,4	143,6	192,2	154,3	161	154	173	180,7
Япония	18,2	52,1	59,4	67,0	71,8	67,0	71,8	74,9	79,2
Германия	12,5	28,0	30,4	31,9	35,6	36,1	35,6	37,3	39,7
Франция	8,0	19,4	21,5	23,8	25,0	25,2	25,0	26,0	27,1
Великобритания	6,0	17,8	19,1	20,0	20,2	20,2	18,7	21,6	23,2

Источники данных: Main Science & Technology Indicators, 1993-1995, Наука России в цифрах: 1994; 1995. Краткий стат. сб. /ЦИСН. -М., 1995.

Как видно из таблицы, за период 1979-1995 гг. среди рассматриваемых стран-лидеров расходы на НИОКР были наиболее высокими в США и Японии. В большинстве стран (кроме Японии) доля расходов на НИОКР, финансируемых правительством, довольно значительна и зачастую покрывает около половины всех расходов на НИОКР (в США в 1984 -47,7%, в 1992-47,0%, в 1995-47,4%).

В Японии за период с 1984 по 1995 г. удельный вес государства в расходах на НИОКР был относительно невысок (в 1984г. -22,5%, 1991-18,2%, 1995-19%). Однако для нее характерны значительные вложения в НИОКР частного сектора (65,1%, 70,7% и 72%, соответственно). Обращает на себя внима-

ние снижение расходов на НИОКР до 67 млрд. долл. в "обвальном", неудачном для японской экономики 1992 г., при нарушении общего ежегодного увеличения расходов на НИОКР.

В "Белой книге по науке и технике -1996" приведены последние данные по затратам на НИОКР и количеству занятых исследователей в Японии по шести категориям (табл. 2). Прослеживается зависимость между сокращением расходов на НИОКР, финансируемых правительством, и увеличением расходов (и количества занятых исследователей) в частном коммерческом секторе.

Таблица 2

Доли в затратах и занятых исследователей в 1995-96 гг.
по категориям организаций (Доли в процентах).

Сектор	Затраты	Занятые исследователи
Национальные НИИ	3,1	1,8
Региональные НИИ	2,3	2,4
НИИ корпораций	4,4	0,7
Частные некоммерческие НИИ	4,6	2,4
Университеты (национальные, частные)	13,6	27,2
Отрасли индустрии	72,0	65,4

Высокие расходы на оборону в США по сравнению с Японией и крупные затраты на военные НИОКР приводили к тому, что США в недалеком прошлом значительно обгоняли Японию и по объему общих расходов на НИОКР и по их доле в ВВП. Однако в начале 80-х гг. произошли заметные изменения. Если в 1970 г. по расходам на НИОКР США превосходили Японию на 35%, то в 1983-лишь на 5%. Начиная с 1983 г. по доле затрат на НИОКР в ВВП обе страны, как видно из табл. 3, сравнялись (в скобках приведены данные без учёта военных расходов).

Таблица 3

Доля расходов на НИОКР в ВВП для США и Японии

	1975	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1992	1994	1995
США	2,27 (1,68)	2,38 (1,86)	2,43 (1,87)	2,58 (1,94)	2,62 (1,91)	2,64 (1,88)	2,70 (1,79)	2,64 (1,8)	2,65 (1,81)	2,65 (1,82)
Япония	1,96 (1,95)	2,22 (2,21)	2,38 (2,37)	2,47 (2,46)	2,62 (2,61)	2,64 (2,63)	2,70 (2,69)	2,73 (2,71)	2,73 (2,72)	2,75 (2,74)

С середины 80-х гг. резко возросла конкурентоспособность наукоемкой промышленности Японии как следствие концентрации капитала и кадров, интенсификации НИОКР, научно-технической политики как государства, так и корпораций. Однако Япония всё же уступает США в эффективности и результативности научных исследований. Япония поставляет в США лишь около половины того объема научно-технологической продукции, которую она у них закупает.

Рассмотрим табл. 4, дающую представление о структуре и долях экспорта-импорта технологий в 1993-95 гг.

Таблица 4

Структура экспорта-импорта технологий в Японии

Отрасль	Экспорт технологий Японии, %	Импорт технологий Японии, %
Электроника	25,7	68,4
	Доли экспорта, %:	Доли импорта, %:
Сев. Америка	18	79,9
Европа	13	18,3
Азия	67,8	1,4
Прочие	1,2	0,4
Машиностроение	22,2	10,2
Химия	25,7	8,6
Металлы	11,0	2,1
Прочие	15,4	10,7

Таблица 4 составлена по информации о контрактах по экспорту и импорту технологий для 1568 японских компаний. Обращает на себя внимание, что для всех отраслей, кроме обобщенной строки "электроника", процентные показатели экспорта технологий значительно превышают показатели импорта. При этом из 68,4 % импортируемых для "электроника" технологий, в основном, из США и Канады (79,9 %), а также из Европы (18,3 %), практически все они представляют программно-алгоритмическое обеспечение (software) компьютеров и информационно-телекоммуникационных систем. Таким образом, японские фирмы, экспортируя конкурентные микроэлектронные технологии для начинки компьютерных и телекоммуникационных систем (hardware) сегодня больше всего нуждаются в software.

По данным Японского банка, ведущие компании страны выплатили в 1990 г. иностранным фирмам (в первую очередь американским) свыше 6 млрд. долларов в качестве платы за использование их наукоемких технологий. В том же году японскими компаниями было заключено 3211 контрактов об импорте иностранных лицензионных технологий и более 60% из них - соглашения с американскими владельцами интеллектуальной собственности. Японские владельцы патентов и ноу-хау технологии имеют от их продаж только 2,6 млрд. долларов. Для сравнения в том же 1990 г. США получили на выплатах от использования иностранными фирмами американских патентов неизмеримо больше - 15,3 млрд. долл., а сами заплатили за использование чужих патентованных технологий всего 2,5 млрд. долларов. Такие же соотношения сохранились и в середине-конце 90-х гг.

До недавнего времени американские компании были мировыми лидерами в развитии базисных технологий, на основе новых технологических знаний, практическое использование которых позволяло производить новые КНП. Что касается японских компании, то их сила признавалась только в области прикладных технологий. Однако уже в конце 80-х начале 90-х г. г. американские научные обозреватели забили тревогу, указывая на потерю Соединенными Штатами лидерства в конкуренции с японскими фирмами, овладевшими наукоемкими технологиями КНП на мировом рынке (кроме software).

Рост конкурентности японских наукоемких технологий обусловлен тем, что технологии, создаваемые и адаптируемые в ведущих микроэлектронных и компьютерных фирмах развиваются и совершенствуются. При этом прибыль, получаемая от продаж производимых с помощью этих технологий КНП, вкладываемая в развитие и совершенствование базисных технологий, оборачи-

вадается в дальнейшем новой многократно возрастающей прибылью. Но формула "наука и технология - основа бизнеса" является только первой немаловажной компонентой и требует добавления, что и "бизнес в Японии является опорой науки и технологии".

Многие американские аналитики задают закономерный вопрос: за счёт чего в течении длительного времени Японии удаётся больше продавать своих КНП за рубеж, в том числе и в США, чем покупать зарубежных товаров, включая и американские. Так как доминирующая доля японского экспорта приходится на КНП информационной сферы, то, как можно считать, японские фирмы обеспечивают конкурентоспособность своей продукции повышением ее научно- и технологичности, то есть концентрируя в своих

КНП огромное количество патентных решений, ноу-хау, творческих открытий, технологических изюминок высочайшей пробы. Напрашивается парадоксальный на первый взгляд вывод: Япония, уступая США в генерации "фундаментальных знаний", превосходит американцев в производстве на основе этих знаний новейших технологий и КНП.

Японии надо отдать пальму первенства в объеме реализуемой на мировом рынке технологичной и наукоёмкой продукции на основе целенаправленной и системной организации творческого технологического поиска, охватывающего всю цепочку - от зарождения идеи до развития и внедрения прорывной технологии и далее до разработки на её основе и продажи КНП.

Вследствие эффективности наукоёмкой и технологичной стратегии разработки КНП, прежде всего информационных, уже сам микроэлектронный, компьютерный, телекоммуникационный бизнес становится опорой фундаментальной науки, творческих технологических поисков и прорывов. А именно ставка на такой "живой" бизнес готовых КНП, а не на их отдельные фрагменты в виде патентов, технологических лицензий, является оптимальным решением интенсивного полноценного финансирования заделных исследований, перспективных НИОКР, фундаментальной науки.

Дело в том, что реальное проведение полновесных научных исследований особенно в микроэлектронике, информационно-компьютерной техник требует огромных средств, при этом, конечно, существует серьёзный риск окупаться или нет капиталовложения в перспективные, но рискованные технологии и разработки. Обычно такие значительные суммы на развитие фундаментальной науки во многих странах изыскивали в бюджетах государства (табл. 1). В Японии этот относительный показатель в течении многих лет вплоть до середины-конца 1990-х гг. не превышает 20%, а около 70% приходится на ведущие промышленные фирмы-лидеры.

Таким образом, сосредоточение научно-технологического потенциала в амбициозных японских фирмах максимально сокращает цепочку от генерируемой в стенах этой фирмы прорывной идеи до супертехнологии, и далее до КНП на выходе для мирового рынка. В данном случае без проволочек интеллект и изобретение вплетены в технологию и КНП. Неудивительно, что к началу - середине 90-х гг. 40-45 % всех фундаментальных, заделных НИР в Японии приходилось на долю бизнеса (прежде всего информационного), ставшего к этому времени предельно наукоёмким и технологичным.

Эффективнейший механизм оплаты НИОКР при стратегически выверенном наукоёмком информационном бизнесе позволяет японским фирмам постоянно увеличивая объём продаж, наращивать свой научно-технологический потенциал. Таким фирмам не нужен "партнёр", отставший в знаниях, технологическом интеллекте и мастерстве. Однако опыт проектирования КНП и интеллект конкурента в новых знаниях (в области software и

других прорывных технологиях) может составить основу потенциального партнёрства с японской фирмой, если она видит в новом альянсе возможность развить собственные технологии и увеличить объем продаж КНП.

Аналитики всего мира справедливо считают, что своими выдающимися достижениями в сфере высоких информационных технологий и соответствующей конкурентоспособной индустрии японская экономика обязана в значительной степени эффективной целенаправленной государственной политике, конкретным мерам и решениям правительства Японии.

Государственная поддержка национальных и частных фирм, исследовательских институтов, университетов, лабораторий и учёных заключается не столько в предоставлении им субсидий и льготных кредитов, сколько в создании условий и механизмов реализации интеграции совместных, полезных всем усилий, направленных на разработку новейших технологий и стимулирование производства КНП новейших поколений. Рассчитанная одновременно на ближайшую и отдалённую перспективу селективная научно-технологическая государственная стратегия позволяла на всех этапах развития высоких информационных технологий концентрировать средства для обеспечения прорыва в сфере конкурентных высоких технологий и динамичного развития экономики в целом. Несмотря на ограниченность средств в 50-60 гг. и даже относительные сложности в бюджете в 70-80-х гг., Японское правительство находило уникальные по своим внутренним механизмам возможности предоставлять щадящий налоговый режим государственным и частным фирмам, проводящим собственные оригинальные исследования и разработки с прицелом на кардинальное технологическое обновление и создание в будущем КНП. На различных этапах развития японской экономики и становления информационных отраслей индустрии большинству микроэлектронных, компьютерных и связанных фирм предоставлялось право на ускоренную амортизацию и значительные налоговые скидки, достигавшие 7-12% общей суммы подоходного налога в связи с увеличением их расходов на НИР, НИОКР, фундаментальные и заделные исследования.

В "Джапан тек." очень серьёзно относятся к организации современных исследований в области информационных высоких технологий, особенно фундаментальных, заделных, достаточно дорогостоящих и рискованных, которые всё чаще не по силам отдельным японским фирмам. Государственная поддержка помогает преодолеть эти затруднения целенаправленным объединением усилий нескольких фирм путем создания исследовательских ассоциаций, корпораций, технополисов. Государство масштабными правительственными решениями предоставляет таким структурам кредит под невысокие проценты, снижает налоги, зачастую берёт на себя часть расходов и связанных с этим рисков.

На ускорение внедрения и облегчение коммерциализации значимых фундаментальных, прикладных результатов в цепочке "идея-изобретение-технология-КНП", полученных лабораториями государственных исследовательских институтов, университетов, нацелена деятельность ряда японских министерств и Агентства по науке и технике. Япония середины 90-х годов резко увеличивает инвестирование в фундаментальные науки. Правительство Японии постановило в 1997 г. выделить на ближайшие 5 лет 160 млрд. долл. на фундаментальные научные исследования и технологические разработки в рамках программы поддержки научно-технологического сектора страны. По этой программе государственные отчисления на развитие фундаментальных наук в 1997 г. увеличены до уровня своего основного конкурента США, то есть составят свыше 1% от ВВП.

Структурная перестройка японской микроэлектроники

В наиболее неудачном для японских микроэлектронных и компьютерных фирм 1992 г. сразу 9 ведущих фирм имели снижение объема продаж своей продукции на мировом рынке электроники (NEC-1,2%; Toshiba-1,4%; Mitsubishi-2,1%; Fujitsu-3,6%; Matsushita-9,1%; Sony-4,1%; Rohm-6,1%;

Seiko-10,4%; Fuji-2,5%), а две фирмы имели практически нулевой прирост (Hitachi 1,6%, Sharp 0,8%). К середине 90-х гг. обстановка улучшилась, но конкуренты из США (Intel, Motorola, Texas Instruments и др.) и НИС АТР (Samsung, Goldstar, Daewoo, Hyundai, Acer и др.) имели значительно больший прирост прибыли от продаж и значительно более быстрые темпы развития отрасли.

Электронная глобализация середины-конца 1990-х гг. характеризуется охватом новых рынков и плацдармов, а также все более жесткой мировой конкуренцией на традиционных и новых рынках микроэлектроники с ежегодным объемом свыше 200 млрд. долл. и "электроники" (компьютеры, связь, радиоэлектроника)-около 0,8 триллиона долл. Причем по данным Dataquest (1995-1997) коэффициент пронизывания микроэлектроникой всей электронно-компьютерной индустрии увеличился с 10% в 1992 году до 20% в 1995-1996 гг. Прогноз Dataquest неутешителен для японской микроэлектроники конца 1990-х гг. НИС АТР, США будут иметь больший прирост и более ускоренные темпы развития отрасли (табл. 5), причем уже к 1999 г. НИС АТР обойдут Японию и будут отрываться от нее в течение последующих пяти лет.

Таблица 5

Прирост микроэлектронного бизнеса по регионам в %

	1994	1995	1996	1997	1998	1999	94-99
Мировая микроэлектроника	29,3	22,3	14,8	13	15	15,5	16,2
Северная Америка	28,7	26,1	18,2	15,3	16,8	15,3	18,3
Япония	25,8	15,8	10,3	5,9	7,5	10,7	10,0
НИС АТР	30,5	25	18,8	16,5	21,4	22,2	21
Европа	29,3	22,3	14,8	12,9	15,2	15,5	16,2

Табл. 6 показывает сравнение различных факторов инфраструктуры, менеджмента полупроводникового производства (условий и оплаты труда инженеров и операторов, нормы налогов) относительно уровня современной Японии (100).

Таблица 6

Сравнение главных факторов инфраструктуры и менеджмента современных мировых полупроводниковых производств

Страна	Фактор	Электричество	Вода	Воздух	Земля	Оплата труда		Налоги
						Инженер	Оператор	
Япония		100	100	100	100	100	100	
США(Калифорния)		60	30	40	10	120	80	88
Европа(Шотландия)		50	130	30	5	60	50	66
Азия(Китай)		30	3	70	25	10	10	66

Из анализа данных табл. 6 следует что практически по всем позициям (кроме оплаты труда инженеров: в Японии-100, в США-120) условия организации производства в Японии менее предпочтительны, чем в других миро-

вых регионах. По этой причине и возможности организации выгодных для Японии международных альянсов полупроводниковые производства микроэлектронных КНП с участием ведущих японских фирм запускаются в Азии (Китай, НИС АТР, Малайзия, Индонезия), Европе, США. В долговременной перспективе в Японии оставляются и развиваются только сверхконкурентные производства, способные генерировать свои собственные "опережающие" технологии и осуществлять выгодный трансферт технологий за рубеж.

В силу того, что в традиционных сферах микроэлектронного бизнеса из-за меньшей рентабельности японских производств и производимых КНП (оплата труда инженеров и техников в Японии в 5-7 раз выше, чем на фирмах НИС АТР и в 10-15, чем в Китае и Индонезии) правительство Японии в настоящее время вынуждено воздействовать на фирмы, вышедшие на плато своего развития, без наращивания своего научно-технологического потенциала. Оно использует принудительные меры, вынуждая их к существенной структурной перестройке. Микроэлектронная индустрия Японии является той лакмусовой бумажкой, по которой можно судить о состоянии дел во всей сфере высоких информационных технологий и экономики Японии в целом. "Застой" начала 90-х гг., низкие темпы роста в середине 90-х гг., реальный прогноз отставания от НИС АТР в конце 90-х гг. - что же дальше? Планы инвестиций в микроэлектронное производство Японии отражают главные надежды на хорошие перспективы развития и сохранение мирового лидерства. Крупнейший производитель СБИС и компьютеров NEC (деливший первое-второе место с американской фирмой Intel в 1994-96 гг., с объемом продаж около 10 млрд. долл.) планирует достичь к 2000-2002 гг. ежегодного объема продаж 15-20 млрд. долл. У NEC имеется план развития своих заводов по выпуску массовых гигабитных схем памяти и микроэлектронных систем на их основе за рубежами XX в.

Другой японский микроэлектронный лидер Toshiba Corp. на двух своих главных отечественных предприятиях с 1997г. разворачивает производство массовых схем памяти емкостью 64 -256 Мб технологиям. Необходимо заметить, что совместное предприятие с фирмой Motorola (США) Tohoku Semiconductor Ltd в 1994-1995 гг. освоило массовое производство памяти 16Мб и имеет план развития по изготовлению схем 256 Мб. Полупроводниковый альянс Toshiba-Siemens (Германия) в начале 90-х гг. освоил выпуск массовых схем емкостью 1 Мб для европейского рынка. Еще более впечатляющих результатов достиг международный альянс Toshiba-Siemens-IBM (США), одним из первых в 1996 г. освоивший на заводах США и Японии выпуск схем памяти емкостью 64-256 Мб. Расширенный международный альянс Toshiba-Siemens-IBM-Motorola в 1997-1998г. г. освоит массовый выпуск схем памяти емкостью 1 Гб и микроэлектронных систем на их основе. Кроме того в штате Вирджиния (США) Toshiba и IBM строят новый мегафаб по изготовлению схем памяти и процессоров новых поколений.

Крупнейшая фирма Японии Hitachi в середине 90-х гг. также осуществляет перестройку своих базовых полупроводниковых заводов, на технологиях "глубокого субмикрона" новых поколений. Наибольшие перспективы планируются у совместного производства Hitachi-Texas Instruments, нового предприятия TwinStar Semiconductor, запущенного на полную мощность в конце 1997 г. Кардинальная структурная перестройка затронет три крупнейших завода фирмы Fujitsu, ориентированных на технологии "глубокого субмикрона" изготовления СБИС. В очень перспективном плане развития СБИС новых поколений "флэш-памяти" видная роль принадлежит совместному предприятию Fujitsu-AMD (США), массовый выпуск которых начат в 1997 г.

Отметим интенсивную работу альянса Fujitsu-Hyundai (Южная Корея) по разработке 64-256 Мб-СБИС в 1997-98 гг.

Полупроводниковые заводы фирмы Mitsubishi Electric Corp. также модернизируются для массового производства схем памяти 64-256 Мб и дальнейшем переходе к схемам более высокой интеграции. Отметим совместное производство Mitsubishi Electric Corp. с Тайваньским консорциумом Umax, Power Chip Semiconductor Corp. и совместное производство в Германии, Mitsubishi Semiconductor Europe GmbH, которые введены в строй в 1998 г. Японские эксперты также высоко оценивают перспективы нового производства схем памяти емкостью 64 Мб-256 Мб в штате Орегон (США) корпорацией Mitsubishi Materials стоимостью около 900 млн. долл.

Стратегия развития большинства ведущих японских фирм такова, что многие звенья их технологических цепочек находятся за рубежом, причём с учётом квалификации и опыта их партнёров реализуется многоэтапное производство наукоёмкой продукции. Около 20-25% товаров, импортируемых японскими компаниями, представляют собой "обратный импорт", то есть изделия изготовленные филиалами этих компаний за рубежом. По оценкам ДЖЕТРО (Организации содействия внешней торговли Японии) доля зарубежного участия в общих объемах производства японских компаний должна вырасти к 2000 г. с 18,4% до 26,8%. Из опрошенных компаний 47,1% уже сократили или намереваются сократить производство в Японии, 35,5% не собираются этого делать, а остальные еще не определились с планами, которые будут зависеть от колебаний валютного курса.

Японская информационная индустрия после финансового кризиса на фондовых рынках Азии

Финансовый кризис, разразившийся на фондовых рынках Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии в октябре-декабре 1997 года, практически парализовал финансовые системы Сингапура, Южной Кореи, Тайваня, Малайзии, Таиланда, Филиппин, Вьетнама, Индонезии и докатился до Японии. Например, правительство Малайзии призналось, что кризис за несколько дней октября перечеркнул все главные достижения экономики страны, включая значительные успехи в информационной отрасли за последние 5-7 лет. Курс южнокорейской воны упал на 40%, стране срочно была предоставлена экстренная зарубежная финансовая помощь в размере 60 млрд. долл. Ведущие южнокорейские компании в сфере высоких технологий были вынуждены пойти на небезболезненную для них структурную перестройку и частичное сокращение рабочих мест (в первую очередь иностранных инженерных кадров).

Япония в ходе кризиса также не избежала потрясений национальной валюты и банковской сферы. Казалось бы у ведущих японских фирм из-за финансовых потрясений на фондовых рынках Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии должен был быть значительный застой в деловой активности и, соответственно, потеря рынков сбыта своей наукоёмкой продукции. Однако столь пессимистические прогнозы ряда аналитиков не оправдались. Японские корпорации в сфере высоких информационных технологий по-прежнему доминируют на рынках Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, практически сохранили свой экспорт в Западную, Северную и Восточную Европу. Японские корпорации продолжают удерживать свои позиции и на американском рынке, хотя экспорт японских корпорации в США за первые три квартала 1998 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года сократился примерно на 5-9%. Зато на рынках Латинской Америке японские корпорации

в 1998 году добились значительного прогресса в плане захватов внешних рынков и вытеснения оттуда конкурентов из НИС АТР, Малайзии, Филиппин, Германии и Великобритании. Экспорт японских корпораций в этот регион увеличился на 12% за первое полугодие 1998 года по сравнению со вторым полугодием 1997 года.

В целом же кризис на фондовых биржах негативно сказался в конце 1997 г. - начале 1998 г. лишь на трех японских корпорациях Sanyo, NEC, Toshiba, так как рыночные котировки этих фирм уменьшились соответственно на 24,2% и 17,5%. Большинство других же японских фирм неплохо справились с кризисом на фондовых биржах, и рыночные котировки после октябрьского обвала к началу 1998 г. начали неуклонно расти и в итоге почти достигли докризисного уровня.

Очень важными факторами, позволившими японским корпорациям смягчить финансовый кризис, являются большие финансовые запасы на счетах ведущих высокотехнологических фирм, устойчивое положение, неуклонный рост производительности труда (около 3-3,5% в год), ориентация на интенсивный путь инвестиционно-воспроизводственной политики. Важно подчеркнуть заметную тенденцию конца 1990-х годов: японские информационные, микроэлектронные корпорации заметно уходят с рынка Европы и все активнее "вторгаются" на рынки стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки и, отчасти, Северной Америки. Так позиции NEC, Fujitsu, Toshiba по производству микроэлектронных компонентов достаточно прочно укрепились на рынке Северной Америки, несколько потеснив ведущие американские фирмы Texas Instruments, AMD, Cadence, Hewlett-Packard и др.

Динамика объема продаж 50 ведущих фирм Японии за 9 месяцев 1998 года на внутреннем и внешнем рынках на 4,5% превосходит аналогичные показатели 1997 года. Ведущие микроэлектронные фирмы Японии продолжают занимать лидирующие позиции на мировых рынках микроэлектронной и компьютерной индустрии. Так по экспертным данным, рыночная капитализация ведущих 10 японских фирм, занятых в информационной сфере, увеличилась по сравнению с аналогичным периодом 1997 года на 12%. Несмотря на отголоски близкого по времени финансового кризиса 1998 год оказался достаточно успешным для деятельности ведущих японских микроэлектронных и компьютерных фирм, о чем свидетельствует достаточно высокие темпы роста рыночной капитализации ведущей десятки японских фирм.

Компании Японии доминируют на мировых рынках микроэлектроники, телекоммуникаций прежде всего из-за высочайшей наукоемкости японской продукции (т. е. отношения затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки к общему объему продаж на рынках), уникальных технико-эксплуатационных характеристик и надежности КНП японских корпораций. Неслучайно в каждой корпорации Японии существуют и получают новый тонус развития в конце 1990 гг. специальные отделы по контролю за качеством и конкурентоспособностью выпускаемой наукоемкой продукции. Несмотря на относительно небольшое отставание по показателю наукоемкости 10 ведущих японских высокотехнологических фирм от аналогичных американских фирм, японские фирмы в 1998 г. значительно интенсивнее своих американских конкурентов увеличивают ассигнования на фундаментальные, поисковые исследования из объема своих рыночных продаж. Это связано с тем, что именно в сфере фундаментальных наук и получении принципиально новых знаний и технологий японцы ещё отстают от своих как американских, и отчасти от европейских конкурентов.

Некоторое замедление темпов японской микроэлектронной и компьютерной промышленности в середине 90-х гг. и достаточно инерционная структурная перестройка ведущих фирм, строительство и модернизация новых полупроводниковых заводов, частично затронутые финансовым кризисом, некоторым потрясением национальной валюты, конечно, не позволит позвать скоропалительную жатву на ниве высоких информационных технологий к 2000-2003 гг. Это позволит фирмам США и даже НИС АТР несколько опережать Японию в сфере микроэлектронного, телекоммуникационного, компьютерного бизнеса. Однако за рубежом XX в. ситуация должна измениться в лучшую сторону для японских производителей в сфере высоких технологий именно вследствие новых заделов и нереализованных пока направлений стратегического рывка Японии в принципиально новых технологиях, её грядущего информационного технологического вызова XXI века.

Заключение. Рывок Японии в XXI век поверх барьеров

Япония доказала способность эффективно преодолевать барьеры на пути своего эволюционного технологического развития и совершенствования в течении последних десятилетий. В реально сложившейся к концу XX века конкурентной среде глобальной мировой экономики Япония, как впрочем и все технологически развитые державы, испытывает непрекращающееся, усиливающееся давление своих традиционных и новых стран-конкурентов.

Наступление технотронной эры изменило структуру национальных и международных экономических отношений, породило новые формы структурного производственного менеджмента по мере увеличения объема продаж КНП и извлекаемой прибыли. На примере эволюционного развития ведущих японских фирм просматривается общая структура и общие этапы организации экономики, менеджмента и бизнеса: 1) становление национальных отраслей и рынков, 2) экспорт, 3) создание зарубежных подразделений и представительств по продажам на внешних рынках, эффективному региональному маркетингу, 4) создание зарубежных экономических сборочных предприятий фирмами-резидентами, 5) создание за рубежом заводов по производству КНП, 6) мировая сетевая глобализация производства (центры проектирования-производство-региональный бизнес и др.) под эгидой конкуренции-кооперации.

В то же время Япония столкнулась с серьезными проблемами в расширении экспортной активности в компьютерно-информационной сфере в середине-конце 90-х гг., усугубленного финансовым кризисом в Азии, сворачиваются многие, некогда передовые национальные отрасли и предприятия с переводом их за рубеж. На сегодня сверхактуальной проблемой для Японии является обеспечение высокой или приемлемой себестоимости производства

КНП в информационной сфере на национальных предприятиях, там где на их изделиях ещё можно поставить кроме всем известных фирменных ярлыков знак подтверждения островного происхождения изделий - "Made in Japan". И всё это на фоне оживления американской информационной индустрии конца 90-х гг. и роста экспортной активности НИС АТР.

Именно во второй половине 1990-х годов симбиоз собственно технологии, технологической культуры на уровне искусства и экономики (техноэкономика) во всём комплексе взаимосвязанных проблем становится ключевым фактором разработки и освоения КНП для сверхдинамичного мирового рынка информационных, компьютерных, телекоммуникационных КНП. Понятие "техноэкономика" может трактоваться не только как проявление корен-

ного влияния прорывных технологий и технологической культуры на экономику производства и бизнеса, но и как эффективное включение экономических механизмов извлечения прибыли из интегральных технологий в качестве побудительных мотивационных аспектов развития микроэлектроники. Япония бесспорно являет собой пример бесспорного мирового техноэкономического лидера с огромным совокупным научным, технологическим и культурным потенциалом.

Ключом возможности укрепления технологического лидерства Японии является создание своих собственных принципиально новых, конкурентных технологий и их трансферта вместе с КНП за рубеж, что составит суть японского рывка в XXI в. Для Японии настало время трансформироваться в технологического новатора посредством синергетического достижения дуальных целей технотронного информационного японского общества: абсолютной истинной независимости и мирного, дружественного культурного сосуществования со всем остальным миром, которое может легко себе позволить страна-лидер нового технологического информационного вызова.

В то же время Японии приходится расплачиваться за то, что она ранее не смогла создать в стране серьезные стимулы для развития фундаментальной науки, базисных научно-технологических исследований (в первую очередь, в области software и изобретений базовых, принципиальных технологий). Поэтому столь велико значение мер японского правительства по изменению приоритетов в фундаментальных науках и научно-технологических исследованиях, чтобы кардинально изменить положение дел в конкурентной сфере высоких информационных технологий. Состоится ли новый интеллектуальный вызов Японии XXI в., чтобы сделать свои национальные информационные "принципиально новые технологии" ещё более сверхконкурентными?

История

Дело о "советских шпионах" К 100-летию со дня рождения Ли Лисаня

© 1999

Инна Ли

Летом 1967 г. я оказалась в тюрьме, но обвинения были предъявлены не мне, а моим родителям - Ли Лисаню и Е.П.Кишкиной (Ли Ша). Разгар "культурной революции" в Китае сопровождался "шпиономанией" и усилением борьбы с "советским ревизионизмом", и тяжесть этих ударов обрушилась и на нашу семью.

Мой отец Ли Лисань, один из ведущих руководителей КПК в 20-е гг., известный как инициатор "лилисаневской линии", в конце 1930 г. по настоянию Коминтерна приехал в СССР, долгое время подвергался здесь различным "проработкам", а в 1938-1939 гг. был репрессирован по обвинению в "троцкизме" и шпионаже в пользу Японии. К счастью, ему удалось выйти живым на свободу и в 1946 г. вернуться на родину. Вслед за ним поехала и моя мать Елизавета Павловна Кишкина, которая вышла замуж за Ли Лисаня в Москве в 1936 г. В Китае она занималась преподавательской деятельностью сначала в Харбине, а затем в Пекине, сохранив советское гражданство. Долгое время это никого не беспокоило. Отец опять пошел в гору, был избран членом ЦК, руководил работой Всекитайской Федерации профсоюзов, занимал пост министра труда в Правительстве КНР. В канун провозглашения республики отец представил маму Мао Цзэдуну, который в то время жил на даче под Пекином, в Ароматных горах. Мао Цзэдун, как всегда, немногословный, пожимая маме руку, тем не менее сообразовал сказать: "Хороший товарищ!" К чему относилась столь высокая оценка, мама так и не поняла.

Все начало меняться с конца 50-х гг., когда китайско-советские отношения перешли в фазу противостояния, а затем и полного разрыва. Эти перемены очень скоро нашли свое отражение и во внутривластной борьбе. Летом 1959 г. на расширенном Пленуме ЦК КПК в Лушане маршалу Пэн Дэхуаю были инкриминированы "антипартийные действия" и "тайные сношения с заграницей" (то бишь, с советской стороной). С тех пор ярлык "литун вайго" (тайные сношения с заграницей) стал символизировать одно из самых страшных политических преступлений. На новые веяния тут же отреагировал Кан Шэн. В ходе Пленума он собрал узкое совещание, на котором поднял вопрос о

Го Шаотане (А.Г.Крымове). Кан Шэн объявил, что Го Шаотан является советским агентом, что его приезд в Китай в 1957 г. преследовал определенные цели, и потребовал порвать с Го Шаотаном все отношения. Среди присутствовавших на совещании (это были члены ЦК, хорошо знавшие Го Шаотана и встречавшиеся с ним в последние годы) находился и мой отец. Он, однако, не подозревал, что Кан Шэн уже начал распространять слухи о его неблагонадежности, мотивируя это тем, что у Ли Лисаня жена - советская гражданка. В сентябре 1959г. Кан Шэн вызвал отца для беседы по этому поводу и предложил моей матери выйти из советского гражданства. Мама в тот момент категорически отказалась, потому что, воспитанная в советскую эпоху, твердо считала: "Советский Союз - моя родина, а родина бывает только одна". Все это имело далеко идущие последствия.

Обстановка вокруг нашей семьи резко изменилась. Многие знакомые, старые друзья, сослуживцы отца начали уклоняться от контактов, проявлять холодность в отношениях с нами. В нашем всегда гостеприимном, многолюдном доме стало необычно пусто и тихо. Это был очень нехороший симптом. Вскоре один из прежних знакомых "накатал телегу" в ЦК о том, что Ли Ша позволяет себе "ревизионистские высказывания", ходит в советское посольство и вообще ведет себя сомнительно. В связи с этим письмом в 1962 г. была негласно создана партийная комиссия, которая расследовала "дело" мамы. Отцу пришлось давать объяснения письменно и устно. С ним беседовали Чжоу Эньлай, Кан Шэн, Ли Фучунь и др. Отец решительно отверг все политические обвинения в адрес мамы и объяснил, что она ходит в советское посольство, а точнее, в консульство, на законных основаниях, только для того, чтобы пролонгировать паспорт или оформить поездку в СССР. В своем письме Чжоу Эньлаю от 14 октября 1962 г. он писал: "Ли Ша прожила со мной 26 лет, неизменно разделяя мои политические взгляды и не допуская ничего плохого в своем поведении. Она в Китае уже 16 лет и горячо любит нашу партию и дело нашего народа". Таким образом, отец поручился за маму головой. Мне он сказал: "Мне предлагают развестись с мамой, но я этого сделать не могу. Мы пережили вместе самые трудные годы, она не отказалась от меня, когда я сидел в тюрьме - как же я могу бросить ее сейчас! А потом ведь это меня не спасет - наоборот, если я с ней разведусь, то тем самым подтверждаю все обвинения в ее адрес" Как альтернатива разводу со стороны ЦК было выдвинуто требование отказа от советского гражданства. Отец обещал, что мама это сделает по истечении срока действия советского паспорта, т.е. не позднее 1964 г. Он, действительно, сдержал свое обещание - мама не хотела разрушать семью и подала заявление о вступлении в китайское гражданство. После некоторых перипетий ее прошение было утверждено Чжоу Эньлаем, и в 1964 г. мама стала гражданкой КНР под именем Ли Ша.

"Дело Ли Ша" было отложено на время, но не забыто - с началом "культурной революции" оно вновь напомнило о себе.

В первых же числах июня 1966 г. отца отстранили от работы - он занимал тогда должность секретаря Северного Бюро ЦК - и предложили "подумать над своими ошибками". Отцу не пришлось долго гадать о причинах - вскоре в помещении и во дворе Бюро появились дацзыбао, разоблачавшие Ли Лисаня как "закоренелого оппортуниста", "проводника ревизионистской линии", "заморского холопа" и т.п. Отец вынужден был выступить с публичным самобичеванием, выискивая все свои ошибки - и "левые", и правые". Но "цзаофаней" (бунтарей) это не удовлетворило - кампания политического очернительства продолжала набирать обороты, особенно с весны 1967 г., когда "разбирательства в узком кругу" переросли в массовые "митинги борьбы", в

которых участвовали уже не только работники партийного аппарата, но и студенты-хунвэйбины. Отцу пришлось пройти через все муки унижений и издевательств, когда ему на шею вешали доску с надписью "антипартийный элемент", заставляли часами стоять на ногах, склоняться в три погибели, занимать позу "реактивного самолета" перед лицом изрыгающей проклятья толпы. Само собой, "обвинители" не могли привести никаких доказательств и только без конца твердили о том, что "человек, у которого жена - иностранная гражданка, не может не иметь тайных сношений с заграницей".

Отец долго верил, что "партия в конце концов разберется". Он говорил нам (возможно для самоутешения): "Во всяком массовом движении неизбежны перегибы, но под конец кампании, как правило, восстанавливается справедливость". В течение нескольких месяцев он неоднократно обращался к Чжоу Эньлао, описывая шельмование, которому он подвергался, обыски и погромы, происходившие на дому, и просил создать специальную комиссию, которая могла бы объективно разобраться в его деле. Но в мае 1967 г. события приняли совсем плохой оборот.

23 мая член "Центральной руководящей группы по делам культурной революции" Ци Бэньюй на встрече с представителями "цзаофаней" указал на то, что главным "объектом борьбы" в Северном Бюро ЦК должен быть Ли Лисань. Ли Лисань - "это не дохлый, а живой тигр", "его жена - советская шпионка, а сам он поддерживает тайные сношения с заграницей". В тот период подобные выступления от лица "Центральной руководящей группы", олицетворявшей верховную власть в стране, были равносильны приговору Военного трибунала. Слова Ци Бэньюя были широко распространены хунвэйбинской прессой и восприняты как сигнал к действию. 5 июня 56 хунвэйбинских организаций Пекина, Тяньцзиня и др. городов объявили о создании "Ассоциации борьбы с контрреволюционной ревизионистской группировкой Ли Лисаня". Штаб ассоциации начал сбор материалов по этому делу, поддерживая непосредственный контакт с "Центральной руководящей группой". К нам в дом вселилась группа хунвэйбинов, которая фактически взяла отца и маму под домашний арест. На "собрания борьбы" их теперь тоже возили вместе. Отец еще находил возможность шутить: "Ты, Лиза, повысилась в чине - стоишь на трибуне в одном ряду с секретарями Бюро ЦК", но физические и психологические силы его иссякали. 19 июня группа неизвестных, именовавших себя "цзаофанями из Тяньцзиня" (как выяснилось позднее, один из них занимал руководящую должность в Тяньцзиньском управлении общественной безопасности), действуя от имени "Центральной руководящей группы", увела отца из дома на тайную квартиру, превращенную в своего рода тюрьму. Здесь 22 июня 1967 г. отец ушел из жизни, оставив после себя записку, написанную искаженным дрожащим почерком:

"Дорогой и уважаемый вождь Председатель Мао Цзэдун!

Сейчас я встаю на путь самоубийства и измены партии, у меня нет возможности оправдаться в своих преступлениях. Но хочу сказать одно: ни я, ни моя семья никогда и никаким образом не имели тайных сношений с заграницей. И только одна просьба: чтобы ЦК провел обстоятельное расследование и вынес справедливое заключение.

У меня есть еще одно письмо к Вам, спрятанное дома, в кровати. Оно не дописано. Прошу послать за ним и представить Вам для прочтения.

С революционным приветом!

Ли Лисань"

Как нам объявили позднее, отец, приняв большую дозу снотворного, умер по дороге в больницу. Но осталось множество так и не разъясненных вопросов: откуда взялась эта чрезмерная доза? Как отцу позволили ее принять, если рядом с ним все время находились надсмотрщики? Почему медицинская помощь не была оказана немедленно? Эти и тому подобные вопросы, видимо, вызывали сомнения не только у нас. В 1970 г. Северное Бюро ЦК получило указание от Чжоу Эньлая расследовать обстоятельства смерти Ли Лисаня - смерти, которая была названа "загадкой", но результаты расследования так и не стали достоянием гласности.

В тот же самый день, когда произошла трагическая гибель отца, маму, ничего не знавшую о его судьбе, увезли в Циньчэнскую тюрьму, в которой содержались самые важные "политические преступники". На предъявленном ей ордере на арест стояла подпись министра общественной безопасности Се Фучжи. На следующий день были арестованы я и моя сестра, ученица последнего класса школы. Расследование велось спецкомиссией Третьей канцелярии ЦК, занимавшейся делами "шпионов и предателей". "Делу Ли Лисаня" уделялось особое внимание - как вспоминает мама, на одном из допросов присутствовал сам Се Фучжи в окружении большой свиты. С самого начала спецкомиссия поставила перед собой четкую цель - выявить "шпионскую группировку Ли Лисаня". На одном из первых допросов следователи мне сказали: "В эту группировку входит несколько десятков человек, часть из них действует в Китае, а другая часть за рубежом. Ли Лисань - резидент советской разведки в Китае, по ее указаниям он многие годы вел подрывную и вредительскую работу, а Ли Ша ему помогала". Ни о какой "презумпции невиновности" не могло быть и речи - обвинения были сфабрикованы заранее, и уже под них собирались материалы. В 1968 г. в списке "предателей и шпионов", подготовленном Кан Шэном для ЦК, имя Ли Лисаня фигурировало в качестве "советского агента".

Исходя из этой установки, с лета 1967 г. был проведен целый ряд арестов людей, в той или иной степени связанных с Советским Союзом и поддерживавших дружеские контакты с нашей семьей. Среди них оказались заместитель директора Института изучения Советского Союза Чжао Сюнь, директор Пекинского института иностранных языков Чжан Сичоу, известные переводчицы Линь Ли и Оуян Фэй, одна из самых выдающихся театральных режиссеров Китая Сунь Вэйши и многие другие, в том числе и бывшая советская гражданка, жена Чэнь Чанхао А.Е.Гусакова. Все они проходили как "члены шпионской группировки Ли Лисаня" - их ждали допросы, тюремные камеры, издевательства. Сунь Вэйши, с которой сводили личные счёты Цзян Цин, была замучена и погибла в тюрьме. Не выдержав одиночного заключения, неизлечимо заболела Оуян Фэй, лишилась здоровья Линь Ли - этот список можно было бы продолжить.

Одним из главных пунктов, на котором строилось обвинение, были контакты с А.Крымовым в 1957 г. Особенно тщательно выяснялись детали званого обеда в нашем доме, на котором в числе приглашенных присутствовали Ян Шанкунь с супругой и Ли Вэйхань. Считаю, что Крымов занимался "вербовкой советской агентуры", следствие пыталось через "группировку Ли Лисаня" протянуть ниточку к "буржуазному штабу Лю Шаоци" с тем, чтобы объявить целый ряд руководителей КПК "советскими ревизионистскими агентами". встречи с Крымовым и связь с Ли Лисанем расследовались в деле Ян Шанкуня, Ли Вэйханя и многих других цинчэнских заключенных.

На маму обрушилась вся тяжесть следственного давления: бесконечные ночные допросы, когда в течение 6-7 часов ее заставляли держаться на

ногах и не давали спать по возвращению в камеру, угроза карцера, крики, ругань, изводящие нервы, полуголодный режим и полная изоляция в одиночной камере. Следователи рассчитывали, что немолодая уже женщина, да к тому же иностранка, сломается и подпишет все, что угодно. Но мама, прошедшая школу 37-го года и помнившая рассказы отца о его поведении в советской тюрьме, понимала, что нужно держаться. На допросах она взвешивала каждое слово, чтобы не дать повод к ошельмованию невинных людей. Уже после окончания "культурной революции", когда согласно инструкции возвращали всем реабилитированным написанные в тюрьме бумаги, представители Орготдела ЦК отметили, что в маминих многотомных показаниях нет ни одного факта, который бы не соответствовал действительности, и что именно эти материалы во многих случаях помогли им восстановить истину.

Но для восстановления истины, как всегда, пришлось пройти долгий путь. Нам с сестрой повезло: мы оказались самыми молодыми узницами Цинчэна и в 1969 г. были выпущены на свободу в качестве "воспитуемых детей" (был такой официальный термин, утвержденный на IX съезде КПК). Долгие годы мы ничего не знали о маме вплоть до мая 1975 г., когда наконец получили разрешение на свидание с ней. В это время начались подвижки в делах арестованных - некоторые, как, например, известный поэт Эми Сю с женой, даже вышли из тюрьмы, хотя и не были реабилитированы. Но концентрация репрессированных в столице, видимо, показалась опасной, и с весны 1975 г. освобождаемых из Цинчэна начали сразу же вывозить в разные места по принципу: тюрьма - вокзал - периферия. Таким образом, в конце мая мама была негласно вывезена в ссылку в пров. Шаньси, в маленький городок Юньчен. Ей не сообщили о гибели отца (она узнала об этом только в начале 1976 г. из моих уст) и не зачитали следственного заключения. Однако, как стало известно позднее, в августе 1975 г. следственная комиссия Третьей канцелярии утвердила заключения по делу Ли Лисаня и Ли Ша, в которых они были голословно осуждены как "советские шпионы", Ли Лисань был посмертно исключен из партии. Ознакомить осужденную с этим заключением следствие так и не рискнуло.

Ситуация казалась беспросветной, но мама сохраняла оптимизм и верила, что ей рано или поздно разрешат вернуться в Пекин. Осенью 1976 г. после смерти Мао Цзэдуна, падение "банды четырех" стало предвестником кардинальных перемен в стране. В 1977 г. на политической авансцене снова появился Дэн Сяопин, а в конце того же года заведующим всеильного Орготдела ЦК был назначен Ху Яобан. Потихоньку стала распространяться молва о начале реабилитаций, Орготдел окрестили "освобожденным районом". Весной 1978 г. я по совету друзей обратилась туда и была потрясена сердечным отношением к моей беде и искренним участием в судьбе моих родителей. Мне обещали помощь. Однако через пару месяцев раздался звонок, и тот же участливый, но теперь уже всерьез озабоченный голос сообщил, что все попытки вырвать дело Ли Лисаня и Ли Ша из рук Третьей канцелярии и передать его в ведение Орготдела оказались неудачными. "Мы будем бороться дальше, а тебе надо ждать". Что ж, ждать я уже привыкла - была бы надежда.

Окончательный перелом произошел в конце 1978 г. Уже в преддверии 3-го Пленума ЦК 11-го созыва пошли разговоры о том, что определился крутой поворот в реабилитационном процессе: Третья канцелярия решением ЦК упраздняется, а все следственные дела передаются в Орготдел для повторного расследования. "Ху Яобан все решает очень быстро. Нужно обратиться к нему и подтолкнуть дело", - говорили мне старые знакомые. И я набралась смелости и в субботу поехала прямо к Ху Яобану домой с заранее заготовленным

письмом. Ху Яобан жил тогда на том же месте, что и до “культурной революции”, в старинном доме в одном из пекинских “хутонов” (переулков). Никакой особой охраны у входа не было, я беспрепятственно вошла и передала письмо сыну и невестке Ху Яобана (сам хозяин в тот вечер отсутствовал). В понедельник на этом письме уже стояла резолюция Ху Яобана, и сотрудники Орготдела обзванивали наш институт, чтобы найти меня. Нарушив общее правило, Ху Яобан дал согласие на то, чтобы мама немедленно возвращалась из ссылки в Пекин и здесь ждала пересмотра дела. Новый год мы уже встречали вместе с мамой.

Вопрос окончательной реабилитации решался еще более года. Нам с мамой пришлось оспаривать предложенные варианты заключений, вступать в открытую полемику с партследователями, которые казались обломками “культурной революции”, пришлось писать в разные инстанции и разным высоким руководителям, добиваясь справедливости. Как видно, не так-то просто было отказаться от стереотипов, сложившихся 20 лет назад, и полностью отбросить версию о связи Ли Лисаня и Ли Ша с “советским ревизионизмом”. 20 марта 1980 г. одним из последних в череде траурных (а фактически реабилитационных) митингов состоялся митинг памяти Ли Лисаня, на котором присутствовали Дэн Сяопин, Ху Яобан и вся высшая политическая элита Китая. В официальном некрологе, зачитанном Ван Чжэнем, объявлялось: “ЦК КПК вынес решение полностью реабилитировать тов. Ли Лисаня и восстановить его доброе имя. Все клеветнические измышления в адрес тов. Ли Лисаня, сфабрикованные Линь Бяо и “бандой четырех”, целиком и полностью опровергаются”.

И, наконец, последний штрих: летом 1986 г. мама была приглашена в Дом народных собраний, где в узком кругу знакомых она увидела Ян Шанкуня и других “однодельцев”. И опять они все сидели за одним столом с А.Крымовым на обеде, который устроил Ху Яобан по случаю его приезда в Китай. Так была поставлена точка в деле о “советских шпионах”.

Синьцзян в истории советско-китайских отношений 1931-1934 гг.

© 1999

В.Бармин

Коренные народы Синьцзяна, завоёванного Китаем в XVIII в. и ставшего с 1884 года крупнейшей провинцией империи, на протяжении всего периода колонизации этой территории подвергались жестоким формам угнетения. Однако, в конце 20-х годов XX в. материальные условия жизни народа ещё более ухудшились. Обеднение основной массы мусульманского населения Синьцзяна, усиление национального гнёта со стороны китайской колониальной администрации не могли не вызвать роста народного недовольства, которое вылилось в 1931 г. в мощное национально-освободительное восстание.

Непосредственными причинами восстания явились рост налогообложения за счёт увеличения старых и введения новых податей, резкое ухудшение положения большинства крестьянства в связи с падением цен на продукты сельского хозяйства и одновременным повышением их на импортные товары, политика китайской колонизации и ассимиляции коренного населения района Хами путём переселения в Синьцзян демобилизованных солдат из армий китайских милитаристов и раздача им лучших земель, принадлежавших ранее местным жителям. Широкое и постоянное возмущение вызывали также глумление китайских чиновников над религиозными чувствами уйгур, пренебрежение национальными обычаями и традициями мусульманского населения.¹ О степени противостояния китайских колонизаторов и местного населения оставил достаточно характерные заметки в своём путевом дневнике великий русский художник Николай Рерих, совершивший путешествие через Синьцзян в 1926 г. Он, в частности, писал, что "местные люди шепчут друг другу: "Не ходите в этот двор: там китайцы" или "Разве можно ожидать справедливости от китайцев".²

Не знала границ алчность огромной армии китайских чиновников, обиравших народ буквально до нитки.³ Безземелье и малоземелье вынуждали дежкан брать землю в аренду, при этом "арендная плата иногда достигала 75% урожая".⁴ Существовавшая же плата за труд была столь ничтожна, что не позволяла на заработанные средства удовлетворять даже самые минимальные, примитивные потребности людей. Чрезвычайно тяжёлое положение коренного населения провинции "вело к сохранению рабства и даже росту работорговли".⁵

Восстание началось в апреле 1931 г. стихийным выступлением крестьян в Хамийском уезде. После отказа администрации уезда удовлетворить их требования по снижению непосильных налогов крестьяне разгромили уездное управление и убили уездного начальника. Выступление в Хами было поддержано населением Баркуля, Турфана и Гучена, районы которых также оказались охвачены восстанием. В национальном отношении, особенно на первом

этапе, большую часть повстанцев составляли уйгуры, но в дальнейшем к ним примкнули дунгане, казахи, монголы, киргизы, узбеки и другие народности, населявшие Синьцзян. Восстание по времени совпало с попыткой провинциального правительства провести реформу административного устройства, чтобы добиться жёсткой централизации и единообразия системы управления. В ходе осуществления мероприятий по проведению этой реформы колониальные власти начали ликвидацию различных элементов автономии и самостоятельности отдельных княжеств. В частности, княжество Хами было разбито на 3 уезда. Назначенные уездные начальники отменили некоторые привилегии и поблажки, даваемые ранее князьям. Одновременно была ликвидирована наследственная передача власти. В связи с этим мероприятием реформы вызвали недовольство не только широких масс, но и феодальной верхушки народов Синьцзяна, которая была заинтересована в самостоятельной эксплуатации населения. Перечисленные обстоятельства привели к тому, что возглавили восстание князья, представители байской верхушки и купечества, исповедовавшие идеи панисламизма, пантюркизма, выдвинувшие лозунг создания независимой исламской республики. В то же время непосредственное командование отрядами повстанцев чаще всего осуществляли выходцы из народных низов. Так, например, мусульманскими отрядами Хами командовал Ходжа Нияз, который до начала восстания состоял на службе у одного из хамийских князей. Повстанцами в районе города Аксу руководили Тимур, в прошлом бедняк-арбакши (возчик воды), и Низаметдин - выходец из крестьян-бедняков. Последний до восстания успел пожить в СССР, учился в Коммунистическом университете трудящихся востока (КУВТ), а затем примкнув, к подпольной уйгурской организации, вернулся по её заданию в Синьцзян, где и включился в революционную работу.⁶

В первые недели движения повстанцам удалось добиться некоторых успехов, однако они оказались кратковременными, и уже к лету 1931 г. правительственные войска, несравненно лучше вооружённые и организованные, стали наносить отрядам Ходжи Нияза ощутимые удары, отгеснив их в конце концов в горы Бадаши. Достаточно быстро осознав, что без серьёзной помощи извне восстание обречено на поражение, его руководители решили искать поддержки у своих единомышленников в провинции Ганьсу. Здесь, как и в Синьцзяне, значительная часть населения, представленная дунганями, исповедовала ислам, и, в силу этого, а также ряда социально-экономических причин, антиханьские настроения были весьма значительны. Еще в 1928-1929 гг. результатом этих настроений явилось мощное восстание мусульманского населения провинции, вызванное резким усилением экономического гнёта со стороны властей в связи с дислокацией в этом районе армии гоминьдановского генерала Фэн Юйсяна. Изъятие у населения продовольствия и фуража для "народной армии" Фэна, насильственная мобилизация в неё мужчин-мусульман и ряд других причин политического, экономического порядка явились запалом к давно зреющему взрыву религиозно-общинной войны, вспыхнувшей в марте 1928 года⁷. Одним из наиболее видных руководителей повстанческого движения стал молодой офицер Ма Чжунъин, объединивший под своим командованием значительные силы, состоявшие в основном из отрядов дунган. После 2-х летней борьбы Ма Чжунин стал весьма заметной фигурой на Северо-Западе Китая. В неполных 24 года он стал генералом и командовал дивизией.

К 1929 г. восстание дунган в Ганьсу сошло на нет, и Ма Чжунъин оказался, в известном смысле, не у дел. Будучи человеком энергичным и деятельным, он начал вынашивать планы по установлению своего контроля над

Синьцзяном. Однако Чан Кайши, которого он попросил о передаче ему губернаторской должности в Синьцзяне в благодарность за борьбу с Фэн Юйсяном, ответил ему, что утвердит его назначение только тогда, когда он обретёт контроль над провинцией.

Заручившись моральной поддержкой своего плана со стороны Чан Кайши, Ма Чжунъян начал готовиться к походу в Синьцзян. Именно в это время в его ставку прибыли Ходжа Нияз и ещё один руководитель повстанческого движения Юлбарс-хан. Рассказав Ма Чжунъяну о развитии событий в Синьцзяне, делегаты повстанцев попросили молодого генерала оказать им поддержку в священной войне с неверными. Просьба уйгурских вождей оказалась для Ма Чжунъяна как нельзя кстати, так как давала ему возможность для реализации своих замыслов опереться на местное население, уже начавшее борьбу с провинциальным правительством, которое он собирался свергнуть. Пытаясь не упустить благоприятной ситуации, Ма Чжунъян уже в начале июня 1931 г. прибыл в Синьцзян с бригадой численностью до 700 человек. Оказавшись в Синьцзяне, Ма Чжунъян стал фактическим вождём всего повстанческого движения, ибо в таком качестве он был признан основной движущей силой восставших - уйгурами.⁸

В течение 1931-1932 годов борьба между повстанцами и правительственными войсками шла с переменным успехом. Однако к концу 1932 г., особенно после того как Ма Чжунъян, уехавший после ранения в Ганьсу, прислал оттуда на помощь восставшим новые хорошо обученные и вооружённые подразделения, в том числе полк "Цзаолу" под командованием одного из лучших своих командиров Ма Шимина, ситуация стала быстро меняться. Ма Шимину удалось активизировать действия восставших и зимой 1932-1933 годов осадить столицу Синьцзяна Урумчи. В этот период, по неполным данным, только в восточных районах Синьцзяна отряды повстанцев насчитывали более 30 тыс. человек. К исходу зимы 1933 г. положение китайских властей в Синьцзяне стало критическим.

Степень и уровень взаимоотношений, которые существовали между Советским Союзом и Синьцзяном в конце 20-х - начале 30-х годов, обусловили пристальное внимание со стороны советского руководства в отношении хоть сколь-нибудь значимых событий, происходящих на территории провинции, тем более таких крупных, как вспыхнувшее в 1931 г. восстание мусульманских народов. Само восстание не было полной неожиданностью для советских руководителей. Многочисленные аналитические записки, направляемые в адрес НКВД, других заинтересованных ведомств различными службами СССР в Синьцзяне позволяют сделать вывод, что правительство советского государства было сравнительно хорошо информировано о надвигающихся событиях. Вместе с тем, характер вспыхнувшего восстания и его последствия, силы, стоящие за организаторами движения, в том числе и зарубежные, требовали от Москвы взвешенных решений при определении своего отношения к указанным событиям. Следует также учитывать, что Советский Союз, заинтересованный в политической стабильности на своей центрально-азиатской границе, в то же время должен был заботиться о сохранении своего имиджа лидера мирового революционного и национально-освободительного движения. Надо отметить, что к периоду рассматриваемых событий советские руководители уже сталкивались с необходимостью анализа и учета последствий своего вмешательства в той или иной форме во внутривосточные дела Синьцзяна. Незадолго до восстания, в январе 1930 г., к советским дипломатам в Синьцзяне с просьбой оказать ему помощь в предполагаемом военном перевороте с целью создания на территории Кашгарии новой провинции обратился губер-

натор Кашгара - Ма Шаоу. За помощь оружием и войсками Ма обещал обеспечить в новой провинции преобладающее советское влияние: "...вы получите здесь то, что имеют японцы в Маньчжурии", - заявил он работникам консульства в Кашгаре."⁹ Советские дипломаты, проанализировав ситуацию, отказались даже от обсуждения этого вопроса. Уполномоченный НКИД в Узбекистане М. Славуцкий в связи с этим сообщал заместителю народного комиссара Л. М. Карахану: "Исходя из существующей директивы - о необходимости в связи с военной опасностью закрепления за нами сырьевых баз восточных сопредельных стран и учитывая, что 1) Синьцзян является одним из важнейших сырьевых рынков для нашей промышленности (шерсть, кожсырьё, хлопок, рабсила и пр.), что 2) Синьцзян имеет протяжённую с нами границу, проходящую по районам, трудно охраняемым, и положение в которых к настоящему времени довольно напряжённое, что 3) в силу внешнеполитических причин (афгано-индийский и китайский факторы) исключено наше активное вмешательство в синьцзянские дела, что 4) выступление Ма или ему подобных является на данной стадии по существу верхушечной борьбой за власть, не способной изменить социальный режим Синьцзяна, что такое выступление... может привести к острой межнациональной расправе внутри Синьцзяна и полному нарушению на длительный период относительно устойчивого положения в Синьцзяне и в пограничной с нами полосе, считать, что мы заинтересованы в сохранении "статус-кво" ...в Синьцзяне".¹⁰ Поэтому обстоятельства, связанные с восстанием, начавшиеся в 1931г., были восприняты в Советском Союзе с очень большой настороженностью. Между тем, рациональное мышление, которое, безусловно, возобладало к этому моменту у большинства ключевых фигур в советском руководстве, вошло в противоречие с позицией ряда руководящих работников Коминтерна.

Уже летом 1931 г. между сотрудниками Коминтерна, в той или иной мере связанных с Синьцзяном, начинается оживлённая переписка по поводу определения характера восстания и возможностей его перерастания в социалистическую революцию. Коминтерновцев не устраивало то, что в правительственных кругах СССР отрицательно относились к идее немедленного вмешательства в ход синьцзянских событий. Судя по приводевшимся в переписке данным, "революционный азарт" захватил и некоторых партийных и военных руководителей в Среднеазиатских республиках. Так, в сентябре 1931 г. представитель Коминтерна в Ташкенте - Дорф сообщал в Восточный Секретариат Коминтерна: "... Хочу поделиться с вами мнением местных товарищей. Тов. Бауман (секретарь Среднеазиатского бюро ВКП(б) - В.Б.) считает, что движение носит характер национально-освободительный..., поэтому мы должны помочь движению, должны начать в Синьцзяне положительную революционную работу. ...Военные работники и работники ГПУ ... считают движение революционным... полагают необходимым помочь движению, и довольно твёрдо возражают против помощи китайцам в подавлении восстания. ...Аргументация НКИД искажает действительное положение вещей и даёт заведомо неправильную оценку движению".¹¹ Примерно в это же время Восточным Секретариатом Коминтерна была направлена в политкомиссию Коминтерна записка о том, что он "...считает своевременным поставить вопрос о развёртывании революционной работы и организации народно-революционных партий, опирающихся на крестьянство и трудящихся города в провинциях Синьцзян и Ганьсу".¹² Однако эта записка не имела последствий, ибо содержащиеся в ней предложения не нашли поддержки у руководителей СССР. Более того, была ещё раз подтверждена чётко обозначенная в 20-е годы позиция, направ-

ленная на отказ от поддержки "...каких бы то ни было авантюристических выступлений панисламистски и панмонгольски настроенных элементов".¹³

Вместе с тем отказ от вмешательства во внутренние дела Синьцзяна в условиях разворачивающегося восстания не означал перехода советской дипломатии в этом регионе на позиции пассивного наблюдения. Это было невозможно хотя бы потому, что с первых дней восстания начались попытки многочисленных зарубежных сил использовать его в своих целях. Материальную, военно-техническую и инструкторскую помощь восставшим осуществляли Англия и Япония. Своё влияние на развитие событий пытались оказывать Турция и ряд арабских стран. Всё это было настолько очевидным, что западная пресса того времени писала об этом как о явлении само собой разумеющемся. Так, американский еженедельник "Нью Рипаблик" в 1934 году в статье, посвящённой положению в Синьцзяне, отмечал: "Считают установленным, что японцы посылают деньги и оружие мусульманским северным племенам. Что же касается южных мусульман, то на основании веских данных выдвинуто обвинение, что южные повстанцы вооружены британскими винтовками и получают непосредственные директивы от английских агентов в Кашгаре"¹⁴. Французская газета "Эр Нувель" в статье, опубликованной 8 апреля 1934 г., также делала вывод, что инсценировка "пантюркистского движения" в Синьцзяне - результат деятельности "британских и японских агентов".¹⁵ Английская "Дейли Геральд" указывая на возросшую активность Англии и Японии в Синьцзяне, подчёркивала, что эта активность очень беспокоит СССР. В статье её обозревателя, опубликованной в марте 1933 года, среди прочего отмечалось: "Советский Союз весьма подозрительно относится ко всякой прямой или косвенной попытке английского правительства расширить своё влияние в этой пустынной стране, расположенной между британской и советской территориями. Положение осложняется ещё тем обстоятельством, что по всем данным, японцы, наступая из Маньчжурии, зарятся на горные богатства и сельскохозяйственные ресурсы этой изолированной страны в самом сердце Азии".¹⁶ Расхожими терминами в западной печати были "японофильская северная группировка восставших" и "англофильская южная группировка". Кроме того, газеты указывали, что войска генерала Ма Чжунъина также прошли подготовку под руководством японских инструкторов. Редактор "Чайна Пресс" Холингтон Тонг в статье о восстании синьцзянских мусульман отмечал, что "... после того, как войска Ма Чжунъина прошли под руководством японских инструкторов надлежащую подготовку, Ма начал наступление на Урумчи, ставя себе целью захват всего Синьцзяна".¹⁷ Высказывались, разумеется, обвинения и в адрес Советского Союза, тем более, что деятельность Коминтерна в деле организации революционных движений была общеизвестна. Так, консул Великобритании в Синьцзяне М. Томпсон в своём отчёте за 1931 г. сообщал, что восстание "...спровоцировано Советским Союзом".¹⁸ Но в случае с синьцзянскими событиями эти обвинения были настолько несостоятельными, что не получили широкого распространения. Люди, сколько-нибудь серьёзно занимавшиеся анализом рассматриваемых событий, не могли не понимать, что восстание синьцзянских мусульман шло вразрез с интересами советского государства в этой провинции. Американский историк и политолог, человек не понаслышке знавший ситуацию, автор многочисленных трудов, посвящённых Китаю, Оуэн Латтимор весьма аргументированно отмёл подобные обвинения. По горячим следам событий он писал: "Китайская торговля с Синьцзяном сделалась в последние годы чрезвычайно затруднительной, можно сказать, она почти уничтожена гражданской войной, бандитизмом и безответственным взысканием налогов полководцами, распоряжающимися

на торговых путях. А ввиду невозможности сколько-нибудь значительного расширения торговых оборотов с Индией, из-за трудностей караванных путей через горные перевалы, внешняя торговля Синьцзяна сделалась почти что русской монополией. Таким образом, у России не было никаких оснований рисковать деньгами и осложнениями, вызвав в Синьцзяне восстание только ради экспансии".¹⁹

Между тем активное вмешательство в синьцзянские события зарубежных сил и всё более чётко обозначавшийся у предводителей восстания, под влиянием этих сил, антисоветизм, заставляли советскую сторону не только внимательно отслеживать события, но и прорабатывать мероприятия, которые могли бы защитить в этих обстоятельствах интересы СССР в провинции. Естественно, что одной из основных мер, которая могла бы помочь удержать ситуацию под контролем, являлась поддержка провинциального правительства. Поддержка была необходима хотя бы потому, что собственные военные возможности китайцев в Синьцзяне не давали оснований надеяться на их победу в борьбе с повстанцами. В справке, подготовленной для правительства начальником IV Управления штаба РККА (разведуправление) Я.К. Берзиным, отмечалось, что "Китайские части численностью до 25 тысяч человек представляют собой необученную и недисциплинированную массу. Большой её части до последнего времени не приходилось стрелять из оружия даже в порядке практической стрельбы. ... Белогвардейские части (части, сформированные из солдат и офицеров бывших белогвардейских подразделений, ушедших после поражения белого движения на территорию Китая-В.Б.) до 1000 человек, наиболее боеспособны ... Однако, и этот единственный боеспособный отряд в критический момент изменит Цзиню, поскольку они знают о ненависти к ним со стороны мусульман и опасаются за свою жизнь и жизнь своих семей". Заканчивает Я.К. Берзин свой анализ откровенным выводом: "Повстанцы могут рассчитывать на поддержку всего мусульманского населения провинции, составляющего свыше 90%, за исключением верхушечных элементов, связанных с китайцами. При данном соотношении сил китайцы могут рассчитывать только на свои деморализованные войска, на белых и нашу помощь".²⁰ Прогнозируя ход событий в случае успеха восстания, разведуправление РККА указывало: "Дальнейшее развитие повстанческого движения может привести к уничтожению китайской власти в Синьцзяне и попыткам создания мусульманского государства. Необходимо иметь при этом в виду, что эти попытки неизбежно приведут к длительной национальной борьбе за автономии (казахские, монгольские, киргизские, дунганские, уйгурские), причём не исключена борьба за автономию и среди самих уйгур - между Хотаном и Кашгаром. Подобная обстановка будет широко использована англичанами для расширения их влияния в Кашгаре, ликвидации нашего преобладающего экономического влияния в Синьцзяне и создании угрозы нашим границам"²¹. Следует также отметить, что события в Синьцзяне довольно скоро переросли рамки внутривосточных проблем провинции и стали реально влиять на ситуацию в приграничных районах советских среднеазиатских республик, где социально-политическое положение и так было весьма не простым. В этих районах всё ещё продолжалась, хоть и в меньшей степени, чем в 20-е годы, борьба с басмачеством. Часть банд басмачей, в том числе под руководством таких крупных деятелей басмаческого движения, как Джаныбек, Кушмат, Саты Волды, ушедшая от ударов Красной Армии на китайскую территорию, установила тесные связи с повстанцами Синьцзяна и влилась в их ряды, сохраняя при этом тесную связь с родственниками на советской территории и склоняя их к эмиграции. Кроме того, в Синьцзян собирались крупнейшие

представители панисламистского и эмигрантского движения из среднеазиатских советских республик. В докладе председателя Среднеазиатского ОГПУ Пиляра, подготовленного для секретаря Среднеазиатского бюро ВКП(б) Баумана, вышеизложенная ситуация аккмулирована в следующем выводе: “ а) Наличие в отрядах Усман Али, Джанибека Казы и Кушмата большого количества эмигрантов и басмачей, связанных с нашей территорией родственными и иными узами; б) наличие заинтересованности англичан в создании на юге Синьцзяна мусульманского государства вне Китая; в) нахождение на территории Кашгара до 60 000 киргизов, эмигрировавших из СССР за время по 1933 год; г) ожидающийся приезд в Кашгар Мусы Бегиева, Садретдина Хана, Курширмата и других видных деятелей зарубежной эмиграции; д) усилившаяся с нашей территории эмиграция в Кашгар и е) продовольственные затруднения басмаческих отрядов, находящихся в Кашгаре, являются достаточными факторами, могущими привести в ближайшее время к активизации деятельности национальных контрреволюционных элементов и басмачества путём организации басмаческих налётов на нашу территорию со стороны Кашгара, а наличие связей эмиграции с нашей территорией, усиливает эмиграционные настроения и создаёт базу для пополнения басмгруппировок, в случае перехода последних на нашу территорию”.²² Таким образом, решение проблемы, связанной с восстанием мусульманского населения Синьцзяна, означало для советского руководства и решение своих собственных очень важных внутривосточных задач в прилегающем к этой провинции регионе.

Уже летом 1931 г. правительство Синьцзяна обратилось к Советскому Союзу с просьбой о продаже оружия и прежде всего авиатехники. Просьба китайцев и явно позитивный настрой в правительственных кругах СССР при её обсуждении вызвали резко негативную реакцию со стороны Коминтерна. В адрес политбюро ЦК ВКП(б) последним была подготовлена специальная записка, в которой приводились доводы в пользу отказа руководителям Синьцзяна в их просьбе и заявлялось, что Коминтерн полагает “... нецелесообразным... оказывать помощь синьцзянскому правительству в подавлении уйгурского восстания”.²³ Однако позиция советского руководства к этому моменту обозначилась уже достаточно определённо, чтобы проводить чёткую политическую линию в отношении Синьцзянских событий. Революционная идея вынуждена была уступить место прагматизму. На заседании политбюро ВКП(б) от 5 августа 1931 г. было утверждено решение : “ Принять предложение НКВД о продаже двух самолётов Синьцзяну”.²⁴ Самолёты были вскоре отправлены с двумя лётчиками и двумя бортмеханиками в Китай. В первой половине 1932 г. Советский Союз осуществил новую поставку крупной партии оружия синьцзянскому правительству. Причём на заседании политбюро эта поставка была утверждена задним числом, т.е. после передачи оружия и даже получения части оплаты. 23 июня 1932 г. политбюро приняло по этому вопросу следующее решение: “ Ввиду того, что продажа синьцзянскому правительству 8 самолётов, азобомб, патронов, бензина и прочего имущества, всего на сумму 200705 американских долларов, уже состоялась, а также ввиду того, что синьцзянское правительство внесло в счёт платежей золотом в слитках 2070 долларов (и кроме того доставлено к границе для передачи нам золота в слитках на сумму 46680 долларов) настоящую сделку утвердить”.²⁵ В то же время был окончательно снят вопрос о какой-либо помощи повстанцам. Обратившимся в советское консульство в Кашгаре с просьбой о продаже оружия руководителям повстанцев Низаметдину и Нуразбаеву в этой просьбе было категорически отказано. Внесённое на рассмотрение заседания Средазбюро ВКП(б) его секретарем К.Я. Бауманом предложение об отправке в Синьцзян

для работы в рядах восставших коммунистов-уйгур не нашло поддержки у членов бюро и не было принято. В отношении других предложений относительно работы с повстанцами было вынесено короткое решение: "В остальном вопрос снять"²⁶. Тем самым как бы ещё раз подчёркивалось, что советское руководство определило принципиальную позицию в своём отношении к событиям в Синьцзяне.

Вместе с тем, необходимо было детализировать общее положение, расставить акценты и приоритеты во взаимоотношениях с правительством Синьцзяна, которому предстояло оказывать помощь в борьбе с повстанцами. Разработать и внести соответствующие предложения было поручено НКВД СССР. На содержание соответствующих рекомендаций НКВД советскому правительству существенно повлияли события, происшедшие в Синьцзяне зимой и весной 1933 г. Эти события в значительной мере изменили расстановку сил в политическом спектре провинциального руководства.

Значительные успехи, которых добились к началу 1933 г. повстанцы усилили недовольство гражданских и особенно военных представителей китайской администрации деятельностью губернатора Синьцзяна - Цзинь Шужэня. Человек нерешительный, случайно оказавшийся в кресле губернатора после убийства заговорщиками своего преемника на этой должности - Ян Цзэнсиня, он не пользовался авторитетом и на протяжении всего периода своего правления имел очень сильную оппозицию. Междоусобная борьба в китайском руководстве провинции завершилась, наконец, тем, что 12 апреля 1933 г. в результате военного переворота, который возглавил командующий группировкой войск, ведшей бои против повстанцев генерал Шэнь Шицай, Цзинь Шужэнь был отстранён от власти и покинул провинцию. Шэнь Шицай занял пост губернатора Синьцзяна. Человек способный и энергичный он, однако, как и многие офицеры китайской армии того времени, не имел сколь-нибудь твёрдых политических убеждений, хотя и утверждал позже, что уже в 20 -х годах "верил в марксизм"²⁷. Обретя высшую власть в Синьцзяне в очень сложный момент, Шэнь Шицай хорошо понимал, что добиться победы над повстанцами только с помощью оружия ему не удастся. Поэтому уже в первые дни своего правления он предпринял шаги, которые должны были хоть в какой-то мере сбить остроту противостояния между коренными народами Синьцзяна и колониальной администрацией. Через несколько дней после вступления в должность Шэнь Шицай обнародовал так называемые "шесть принципов" политики своего правительства: 1) борьба с империализмом; 2) дружба с Советским Союзом; 3) расовое и национальное равенство; 4) борьба с произволом и взяточничеством; 5) борьба за мир и 6) строительство новой экономики Синьцзяна.²⁸ Следом была опубликована программа правительства, которая была построена на основе "шести принципов". После обнародования этих документов Шэнь Шицай предпринял шаги по поиску примирения с повстанцами. Летом 1933 г. прошли переговоры с Ходжой Ниязом - руководителем крупнейшей группировки повстанцев, состоявшей в основном из уйгуров. Результатом переговоров стало достигнутое в июле 1933 г. соглашение о прекращении боевых действий этой группировки против правительственных сил. Соглашение предусматривало создание на юге провинции национальной автономии уйгур, привлечение в состав правительства людей различных национальностей, а также ещё целый ряд уже декларированных Шэнь Шицаем преобразований. В ответ Ходжа Нияз обязался сотрудничать с правительством Синьцзяна в установлении мира и порядка в провинции, что естественно, подразумевало совместную борьбу против сил Ма Чжуньина и кульджинского генерала Чжан Пэйюаня (генерал Чжан Пэйюань, имея собст-

венные амбициозные планы, поднял мятеж против провинциального правительства и начал против него вооружённую борьбу - В.Б.), которые теперь оставались главными противниками Урумчи.

Изменения, произошедшие во внутривластной жизни провинции после прихода к власти Шэнь Цица и, в известной степени, просоветская риторика нового губернатора, ускорили работу над определением общих принципов политики СССР в отношении Синьцзяна, которые было поручено подготовить НКВД. В июле 1933 г. для выработки этих принципов и соответствующих рекомендаций правительству СССР было проведено совещание представителей всех заинтересованных ведомств под председательством заместителя наркома по иностранным делам Г.Я. Сокольников. Среди прочего совещание приняло следующие рекомендации: "1. Считать неприемлемым поддерживать лозунги и политику отделения Синьцзяна от Китая. 2. Считать необходимым оказать поддержку урумчинскому правительству, пытающемуся улучшить методы китайской администрации в Синьцзяне, в частности, в деле сохранения широкой провинциальной автономии, которой пользовался Синьцзян, и в проведении той программы реформ, направленных к административной децентрализации и районной автономии населения Синьцзяна национальностей, которые декларировались урумчинским правительством в целях достижения соглашения с руководством повстанческого движения... 3. В первую очередь считать необходимым оказать урумчинскому правительству активную поддержку для разгрома Ма Чжунъина и др. дунганских отрядов, представляющих собой реальный базис для планов превращения Синьцзяна в плацдарм антисоветской деятельности. 4. Считать возможным использовать, так называемые, белые отряды в целях поддержания устойчивости урумчинского правительства..."²⁹ В целом рекомендации охватывали весьма широкий круг возможных форм помощи урумчинскому правительству и методов нейтрализации повстанческого движения. Рекомендации, подготовленные НКВД, были затем переданы специальной комиссии, созданной политбюро ЦК ВКП(б) "для рассмотрения вопросов советской политики в Синьцзяне и обсуждения предложений, внесённых НКВД по Синьцзяну...". Председателем комиссии являлся К.Е. Ворошилов, членами - Г.Я. Сокольников и Ш.З. Элиава.³⁰ 3 августа 1933 г. по представлению этой комиссии политбюро утвердило "Директивы по работе с Синьцзяном", которые почти целиком повторяли предложения, внесённые НКВД. Правда, в принятом документе появился пункт, который несколько смягчал общий тон "Директив", построенных на отказе в поддержке движению за национальное самоопределение народов Синьцзяна. В нём предлагалось "Считать нецелесообразным в данное время и в данных условиях (курсив мой - В.Б.) поддерживать в районах движения, направленные к полному отделению от урумчинского правительства, занимая, однако, благоприятную позицию в организации более широкого местного самоуправления в тех районах, где нет оснований ожидать успеха деятельности английской или японской агентуры".³¹

Принятие "Директив" было, безусловно, весьма важным, однако формальным шагом, поскольку поддержка урумчинского правительства к моменту появления этого документа осуществлялась уже более 2-х лет, причём не только поставками оружия и различных материалов. Зимой 1932-1933 г., когда войска Ма Чжунъина и уйгурские повстанцы осадили столицу Синьцзяна Урумчи (Дихуа), Советский Союз предпринял акт, который в буквальном смысле спас китайские власти в Синьцзяне.

В декабре 1932 г. под натиском японской армии, оккупировавшей Маньчжурию, на территорию Советского Союза отошли и были интернирова-

ны части так называемых охранных войск Китая под командованием генерала Сун Бинвэя общей численностью более 4 тыс. человек.³² Сначала предполагалось осуществить возвращение интернированных лиц на родину на Дальнем Востоке. Но после возникновения критической ситуации в Синьцзяне эти планы были изменены. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: "Во исполнение ранее принятого решения... разрешить интернированных китайцев эвакуировать в Синьцзян".³³ Переброска нескольких тысяч кадровых солдат под командованием опытных офицеров в район осаждённого Урумчи радикально изменила военную ситуацию и, в конечном счёте, блокада со столицы Синьцзяна была снята.

События, развернувшиеся в провинции во второй половине 1933 - начале 1934 г., после принятия советским руководством "Директив по работе в Синьцзяне", ознаменовали собой наивысшую точку в борьбе противоборствующих сторон. Ещё 20 февраля 1933 г. действовавший в Хотане "Уйгурский комитет за национальную революцию" образовал так называемое временное правительство. Возглавил это правительство Сабит Домулла, панисламист, человек, связи которого с англичанами были общеизвестны. А 12 ноября 1933 г. в Кашгаре было официально объявлено о создании независимой Тюрко-Исламской Республики Восточного Туркестана (ТИРВТ). Руководители ТИРВТ сразу же начали активную работу по организации дипломатического признания своей республики со стороны ближайших соседей из числа мусульманских государств и Англии. При этом лидерам ТИРВТ было ясно, что реальную и действенную помощь их государству сможет оказать только Англия, кровно заинтересованная в создании своеобразного санитарного кордона между Индией и Советским Союзом, с одной стороны, и в укреплении своих экономических позиций в этом богатейшем районе - с другой. Поэтому Сабит Домулла и его соратники ещё до образования ТИРВТ отправили британскому консулу в Кашгаре Томсон-Гловеру письмо, изобилвавшее антисоветской риторикой, в котором они просили принять создаваемое ими государство под протекторат Англии. В послании, в частности, говорилось: "...Было бы сообразным милосердию и справедливости великого британского правительства, если бы Ваше высокоблагородие - богатый принц господин генконсул обратили бы внимание на исправление нашей сущности. Мы всегда готовы наряду с другими находиться под тенью великого британского правительства и будем стремиться прервать связь с большевиками".³⁴ Вполне естественно, что подобные шаги лидеров повстанческого движения не могли не вызвать ответной реакции со стороны советского руководства, которое всё решительнее склонялось к более действенным формам помощи правительству провинции.

Осенью 1933 г., после очередной неудачной попытки заключить перемирие с Ма Чжунъюнем, Военный совет провинции принял решение начать активные боевые действия против армии дунган. В условиях, когда повстанцами Южного Синьцзяна было объявлено о создании ТИРВТ, Шэнь Шицай счёл возможным обратиться к правительству СССР с просьбой оказать помощь в проведении боевых операций против повстанцев. Советская сторона ответила на эту просьбу согласием.

В ноябре 1933 г. из Советского Союза в Синьцзян была перебросена так называемая "Алтайская добровольческая армия", сформированная из частей различных родов войск Красной Армии.³⁵ В оперативном подчинении командования этой группировки находились также подразделения сформированные из бывших белогвардейцев "натурализовавшихся русских", которым была обещана амнистия и советское гражданство в случае удачного завершения операции. При этом обеспечение всех участников предстоящей операции,

включая части белогвардейцев, оружием, техникой и снаряжением ложилось на советскую сторону с дальнейшим возмещением понесённых затрат правительством провинции. В нашем распоряжении нет документов свидетельствующих о конкретном согласовании между правительствами СССР и Китайской республики вопроса ввода подразделений Красной Армии на территорию Синьцзяна. Однако фактом остаётся то, что визиты всех высокопоставленных лиц из руководства Китая, предпринимаемые в Синьцзян после восстановления 12 декабря 1932 г. советско-китайских отношений, совершались через территорию СССР. В ходе этих поездок контакты китайских и советских государственных деятелей стали постоянными. Не является секретом и то, что переброска интернированных частей Сун Бинвэя в Синьцзян была предпринята по согласованию с китайской стороной. Поэтому можно с большой долей уверенности сказать, что и ввод "Алтайской добровольческой армии" на территорию провинции был согласован с правительством Китая.

Основная часть операции по разгрому войск Ма Чжунъина и его союзников проводилась поэтапно с ноября 1933 по апрель 1934 г., и поэтому советское руководство в этот период постоянно рассматривало вопросы, связанные с ходом боевых действий в Синьцзяне, а также проблемы обеспечения находящихся там войск. Так, 20 января 1934 г. политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление о финансировании очередной части операции и обеспечении подразделений белогвардейцев. В постановлении предлагается: "а) Отпустить 10 тыс рублей золотом в распоряжение ОГПУ для проведения операции; б) отпустить 2 тысячи комплектов гражданской одежды для частей белых в Синьцзяне".³⁶ Советские подразделения активно использовали авиационную технику, были, несомненно, лучше вооружены и подготовлены, поэтому Ма Чжунъин по существу не имел надежды на победу. Отступая на юг Синьцзяна, он ещё в начале 1934 г. занял Кашгар - столицу ТИРВТ, после чего республика практически прекратила своё существование. Её руководство несколько позже было окончательно разогнано или арестовано уйгурской мусульманской армией Ходжи Нияза, которая, преследуя Ма Чжунъина, всле за ним заняла Кашгар.³⁷

Уже в апреле 1934 г., когда основные силы повстанцев были разгромлены, правительство СССР начало вывод частей "Алтайской добровольческой армии" с территории провинции к местам постоянной дислокации. 15 апреля 1934 г. политбюро принимает решение, в котором говорится, что пребывание советских войск в Синьцзяне более нецелесообразно. Вместе с тем политбюро решает, "...учитывая настойчивую просьбу дубаня (губернатора провинции - В.Б.) и его желание в кратчайший срок закрепить результаты победы, лишив Ма Чжунъина возможности обосноваться в районе Аксу-Уч-Турфан... оставить в Синьцзяне на срок 3-4 месяца конную группу алтайцев ("Алтайской добровольческой армии" - В.Б.) с батареей, общей численностью в 350 человек с целью прочного закрепления за провинциальным правительством районов Аксу-Уч-Турфан...". Но далее ещё раз подчёркивалось, что "...Во всей остальной части приказ о выводе алтайцев в установленный срок (1-10 апреля) остаётся в силе, причём алтайцы (за исключение оставляемого отряда) должны покинуть район Урумчи и выйти за р. Манас не позже 7-8 апреля".³⁸ Подобная настойчивость в соблюдении вывода графика войск с территории провинции, как представляется, может служить ещё одним доказательством, что все действия советской стороны согласовывались с правительством Китая.

Вывод большей части советского войскового контингента с территории Синьцзяна уже не мог что-либо изменить в положении повстанцев. Их окончательное поражение было только вопросом времени. Тем не менее, по реше-

нию советского правительства, для скорейшего завершения боевых действий китайским войскам была не только оставлена вся материальная часть выведенных соединений Красной Армии, но и выделена большая группа советников и инструкторов, которые были прикомандированы к различным китайским подразделениям. В частности, в этот период в Синьцзян в качестве советников была отправлена группа выпускников Военной академии имени Фрунзе - П.С. Рыбалко, В.Т. Обухов, И.Ф. Куц, Ф.П. Польшин, М.М. Шаймуратов, А.К. Маликов. Все они приняли участие в руководстве боевыми действиями против войск Ма Чжунъяна на заключительном этапе операций, оказав провинциальным властям большую помощь. В дальнейшем почти все эти люди стали известными полководцами, героями Великой Отечественной Войны.³⁹

10 июля 1934 г. Ма Чжунъян с небольшой группой соратников перешёл в районе караула Иркештам на советскую территорию и был интернирован. С его отходом от активной борьбы завершились боевые действия на территории Синьцзяна. Заключительным аккордом синьцзянских событий 1931-1934 гг. явилось требование, предъявленное генералом Шэнь Шицаем к советскому правительству, выдать синьцзянским властям Ма Чжунъяна. Однако Шэнь Шицай получил отказ. Ему было заявлено, что на основании советской конституции интернированные лица без их согласия не могут быть выданы государству, которое они покинули. Причём сообщение об отказе выдать Ма Чжунъяна китайским властям было опубликовано в советской печати.⁴⁰ Этим шагом руководство Советского Союза подчёркивало свою лояльность к потерпевшим поражение повстанцам в глазах общественности. К началу 1935 г. из Синьцзяна были выведены последние части Красной Армии, что знаменовало собой, на тот период, прекращение советского военного присутствия на территории провинции.

События, разыгравшиеся на территории Синьцзяна в 1931-1934 годах, в которых столь активное участие приняло советское государство, вполне укладываются в логику многопланового и весьма противоречивого движения в Центральной Азии, которое получило своё развитие ещё в начале 20-х годов и продолжало в той или иной мере проявлять себя до начала Второй мировой войны. В Синьцзяне, как и в большинстве других Центрально-Азиатских стран, эти события при очевидном национально-освободительном характере движения имели исламскую окраску. Вместе с тем, участники восстания, встав под знамёна ислама, столь разнились по интересам и были так разнородны в социальном и этническом отношении, что ислам не смог сыграть роль цементирующей идеологии. Межэтнические противоречия повстанцев, очевидное влияние на движение зарубежных сил, всё нагляднее прослеживающийся антисоветизм, грозящий экономическим и политическим интересам советского государства, определили позицию и логику действий руководства СССР. Тщательный анализ последующих событий показывает, что эти действия находились в русле международного права и, вступая в противоречие с революционными лозунгами, в то же время отвечали национальным интересам Советского Союза.

1. Хакимбаев А.А. Восстание в Хами - начальный этап освободительной борьбы неких тайских народов Синьцзяна в 1931-1935 гг. (по уйгурским источникам)// Одиннадцатая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Институт Востоковедения АН СССР. М., 1989. Ч.III С. 98.
2. Рерих Н. Алтай-Гималаи. Путевой дневник. Рига, 1992. С. 196.

3. Российский центр хранения и изучения документов новейшего времени (РЦХИДНИ), ф. 514, оп. 1, д. 181, л. 171.
4. Фесенко Б.И. Классовое расслоение и обнищание дехканства в синьцзянском киш-лаке // Революционный Восток 1932. № 3-4. С. 274.
5. Зотов О. Предпосылки национально-освободительного восстания в Синьцзяне в 1931-1934 гг. // Вторая научная конференция по проблемам истории Китая в новейшее время. Тезисы докладов. Институт Дальнего Востока АН СССР. М., 1977. С. 66.
6. РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 2, д. 3037, л. 47.
7. Кузнецов В.Ф. Ислам в политической жизни Китая (60-е годы XIX в. 30-е годы XX в.) // Информационный бюллетень № 8., М., 1996. Ч. 2. С. 130.
8. Хакимбаев А.А. К оценке деятельности Ма Чжунина. (Из истории национально-освободительной борьбы народов Синьцзяна в 1931-1934 гг.) // Четырнадцатая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Институт востоковедения АН СССР. М., 1983. Ч.3. С. 115.
9. РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 2, д. 2209, л. 1-2.
10. Там же, л. 9-10.
11. Там же, ф. 495, оп. 154, д. 457, л. 31-38.
12. Там же, л. 9.
13. Там же, ф. 514, оп. 1, д. 48, л. 128.
14. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 2, оп. 18, п. 40, д. 32, л. 15.
15. Там же, л. 35.
16. Там же, л. 54.
17. Там же, л. 93.
18. British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from The Foreign Office Confidential Print. Part II. From the First to the Second World War. Series E. Asia, 1914-1939. Vol. 20. China 1927-1931. University Publications of America. 1994. P. 398.
19. РЦХИДНИ, ф. 532, оп. 4, д. 327, л. 87.
20. АВП РФ, ф. 8/08 (фонд Карахана), оп. 16, п. 162, д. 117, л. 3.
21. Там же, л. 9.
22. РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 2, д. 3037, л. 68.
23. Там же, ф. 495, оп. 154, д. 457, л. 30.
24. Там же, ф. 17 (особая папка политбюро), оп. 162, д. 10, л. 140.
25. Там же, д. 12, л. 195.
26. Там же, д. 11, л. 10.
27. Whiting A. and General Sheng Shih-ts'ai. Sinkiang: Pawn or Pivot. Michigan State University Press. 1958. P. 15.
28. Оп. гит. Р. 165.
29. АВП РФ, ф. 8/08 (секретариат Карахана), оп. 16, п. 162, д. 117, л. 21-23.
30. РЦХИДНИ, ф. 17 (особая папка политбюро), оп. 3, д. 925. № 69/48. (Без указания листа).
31. Там же, оп. 162, д. 15, л. 32-33.
32. Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами. М., 1984 С. 186.
33. РЦХИДНИ, ф. 17 (особая папка политбюро), оп. 162, д. 15, л. 117.
34. Там же, ф. 62, оп. 2, д. 3037, л. 71.
35. Гриценко Я. Что это было? (К событиям в Синьцзяне в 1933-1934 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 5. С. 79.
36. РЦХИДНИ, ф. 17 (особая папка политбюро), оп. 162, д. 15, л. 168.
37. Кузнецов В.С. Уж Соч. (30-е годы XX в. - 1949 г.) // Информационный бюллетень. № 9. М., 1996. Ч. 2. С. 38.
38. РЦХИДНИ, ф. 17 (особая папка политбюро), оп. 162, д. 16, л. 32.
39. Тартаковский Б. Секретная миссия. // Простор. 1991. № 6.
40. РЦХИДНИ, ф. 17 (особая папка политбюро), оп. 162, д. 16, л. 113.

Специфика дзэн-буддийской терминологии (на примере трактата Хакуина "Оратэгама")¹

© 1999

Д.Главева

Дзэн-буддизм (японская версия китайской буддийской школы чань, санскр. дхьяна - "созерцание") стал распространяться в Японии в 12 в. и за восемь столетий оказал заметное влияние на самые разные аспекты ее культуры, затронув не только традиции духовного развития и совершенствования личности самурая, но и способы художественного выражения мировосприятия образованных слоев общества.

Оригинальность дзэн заключается не столько в содержании этого учения, сколько в формах его преподнесения. "Стиль дзэн" отличает непонятный, абсурдный язык, сбивающее с толку поведение, парадоксальные методы, которые дзэнские учителя применяют в своей практике и в своих поучениях: на вопрос ученика они могут ответить глубокомысленным молчанием или ударом - кулаком, палкой, посохом, либо произнести какую-нибудь фразу, внешне имеющую прямого отношения к происходящему.

За этой эксцентричностью обнаруживается стремление разрушить искаженный взгляд на мир, основанный на дискурсивном мышлении, углубиться в суть вещей, возвратиться к их истоку. Назначение дзэнского метода - сбить инерцию сознания. Это особенно отчетливо прослеживается в системе коанов - специальных вопросов-загадок, смысл и решение которых находятся вне рамок обыденной логики. Коан не может быть решен при помощи ума; интуитивное восприятие - единственный адекватный способ понимания коана. Приведу такой пример:

Однажды монах спросил Дзе:сю:² "Имеет ли собака природу Будды?" Учитель ответил: "Му!", "Му!"

Это междометие синонимично отрицанию "нет". Но когда слово используется как коан, его смысл не играет роли. Ученик должен был сконцентрироваться на бессмысленном звуке "му!" безотносительно того, означает он "да", "нет" или что-то еще. Монотонное повторение звука "му!" должно было продолжаться до той поры, пока сознание не окажется полностью захвачено им, не останется места для каких-либо мыслей. В итоге произносящий этот

звук целиком самоотжествляется с ним. Больше нет индивида, повторяющего "му!", а есть "му!", повторяющее само себя³.

За внешней абсурдностью и бессвязностью дзэнского текста кроется своя внутренняя логика и упорядоченность, обусловленные специфическими функциями, которые выполняет текст в системе дзэн-буддизма.

Согласно его учению, интеллект в процессе познания оперирует набором категорий и логических конструкций, которые принципиально не могут быть средством получения адекватного знания истинной реальности (санскр. *татхата*, "единотакость", Абсолют), поскольку они, выражаясь буддийским языком, делают ее "двойственной".

Поэтому одна из главных задач дзэнского текста состоит в том, чтобы потоком парадоксальных утверждений, двусмысленностей и иносказаний разрушить веру неискушенного читателя в здравый смысл, развить его интуитивное восприятие, способность к внутреннему видению. В связи с этим дзэнский текст становится *квазитекстом*. В нем заложена программа самоуничтожения. В результате своей противоречивости и абсурдности текст теряет всякий конкретный смысл, превращается в чистый объект, расширяясь до безграничья "пустоты" (санскр. *шунья*). И уже потом интуиция из *шуньи* опять возвращает смысл, - но обновленный, нюансы которого закрыты для непосвященного. Для своего понимания дзэнский текст требует взгляда "изнутри", "вхождения" в систему дзэн, постижения дзэнской психологии и принятия дзэнских ценностей.

Подобное "вхождение" в систему учения и практики дзэн позволило бы объемнее увидеть каждый образ внутри дзэнского текста, когда каждый знак в нем предстает как пересечение несовместимых, полярных элементов. Такая сложная картина доступна скорее образному мышлению, чем абстрактно-логическому (не удивительно, что первое, по утверждению многих культурологов, играет в Японии более активную роль, чем второе). Подобный подход представляется эффективным в расшифровке красочной "зазеркально-негативной" лексики дзэнских трактатов, выпадающей из поля зрения большинства исследователей дзэн-буддизма.

Проблема интерпретации текстов дзэн прежде всего связана с "логической неуловимостью" дзэнских категорий. Многие исследователи дзэн (Судзуки Тэйтаро Дайсэцу, Ф. Ямпольский, А. Уоттс и др.) пытались и пытаются взглянуть на его учение своими глазами, зачастую ограничиваясь пересказом или вольным изложением различных фрагментов дзэнских текстов и собственно комментариями к ним. Результатом весьма часто являются искажение и модернизация дзэнской "картины мира".

Справедливо ради следует отметить, что упомянутые выше ученые, несомненно, обладают глубоким опытом дзэн, поэтому некоторые их рассуждения, преимущественно касающиеся дзэнской практики, безусловно заслуживают внимания. В то же время они (особенно Судзуки) проявляют недостаточное внимание к исторической обусловленности дзэн, рассматривая его изолированно от общего историко-культурного контекста.

Конечно, можно допустить, что поскольку дзэнский опыт выходит за пределы времени и пространства, то его невозможно полностью выявить в исторической ретроспективе. Тем не менее обильная историографическая литература, которая появилась в течение последних двух десятилетий, свидетельствует о том, что положение Судзуки о внеисторичности дзэн не получило полного признания.

Представляется, что для более правильного понимания психологии дзэн следует уяснить смысл его основных категорий, а также выявить "при-

вычки сознания" его последователей – присущие им представления и ценности, особенности их видения мира. Иными словами, необходимо учесть характерные особенности дзэн-буддийского учения в целостном контексте японской традиционной культуры. Шагом к решению этой задачи может быть исследование текстов, в которых специально эксплицируются идеи и опыт практики дзэн применительно к ментальности японцев, получивших традиционное образование в период относительной изоляции страны от внешних культурных влияний.

Ярким примером такого текста является трактат выдающегося дзэнского мыслителя Экаку Хакуина (1685-1769) "Оратэгама", впервые опубликованный в 1749 г. Точный смысл этого названия неизвестен. В буддийской энциклопедии ("Мотидзуки Синко: букке: дайджитэн", Токио, 1972-1973) отмечается, что Хакуин, "совершив путешествие между духовным и мирским", составил сборник коротких текстов под названием "Оратэгама". Но расшифровка самого наименования не дается. Считается, что так был назван любимый котел Хакуина для чая, но это предположение не подтверждено. А.М. Кабанов интерпретирует "Оратэгама" как "Резной котел"⁴. В отличие от предыдущих дзэнских трактатов, написанных исключительно иероглифами, нередко даже на литературном китайском языке вэнь янь, "Оратэгама" записан канамадзирibun - сочетанием знаков азбуки хирагана и иероглифов.

Деятельность Хакуина как в собственно религиозной области, так и в сфере художественной разнообразна и плодотворна. Написав множество работ на японском языке, он сделал учение дзэн-буддизма доступным для мира. Последовательно практикуя дзэн, Хакуин обрел уникальный духовный опыт, который и изложил в своих работах. Его описания свидетельствуют о повышенной склонности к интроспекции и замечательном литературном таланте. Возможно, в трактатах Хакуина мы находим более детальное описание дзэн-буддийской практики, нежели во всей литературе по дзэн-буддизму.

В его трактате "Оратэгама" чрезвычайно отчетливо прослеживаются основные аспекты учения и практики дзэн в его эклектическом варианте, получившем в Японии широкое распространение. Характерной особенностью этой версии является привнесение в дзэнское учение идей иных направлений буддизма (элементов теории и практики школы "Чистой земли"⁵, некоторых положений школ Сингон⁶ и Тэндай⁷), с одной стороны, и активное использование и усвоение "внешних" (небуддийских) учений (даосизм, конфуцианство), с другой.

Коротко очертим основные положения и категории дзэн, которые следует учитывать при работе с дзэнскими текстами, а затем рассмотрим их на примере учения Хакуина о "внутреннем взгляде" (яп. *найкан*), излагаемом в первой и второй частях трактата "Оратэгама"⁸.

В дзэн-буддизме истинная действительность, истинное бытие как таковое раскрывается не в словах и рассуждениях, но в созерцании "невыразимого". В состоянии такого созерцания (яп. *сатори*) человек сам превращается в подлинную реальность, возвращается к своей изначальной природе, переживает свою тождественность с Буддой. Иными словами, он обнаруживает Будду в своей природе, и таким образом как бы сливается с пустотой-шунья. Это центральная категория философии мадхьямаки⁹ (шуньявады), одного из двух, наряду с йогачарой (виджнянавадой), ведущих направлений махаяны, разработавшееся крупнейшим буддийским философом Нагарджуной (вторая половина I – первые десятилетия II в.). Шунья – весьма емкое понятие, его значение чаще всего можно установить только в общем контексте высказывания того или другого теоретика мадхьямаки. "Пустота" в буддизме не

воспринимается как “несуществование”, “отсутствие” или “прекращение”, “мертвое и статичное ничто”, т.е. не имеет негативного смысла. “Пустоту” Абсолюта следует отличать от “пустоты” единичной вещи. Будда же в “теле Закона” (санскр. *Дхарма-кая*, яп. *хоссин*),¹⁰ в своей сущностной абсолютной ипостаси, “пуст” в том смысле, что у него нет никаких атрибутов, никаких пределов, его нельзя определить. “Пустота” Абсолюта - отнюдь не пустота вакуума, ее сущность неизменна, вечно тождественна самой себе. В то же время каждая единичная вещь “пуста”, лишь постольку, поскольку у нее нет собственной природы: красное является красным только по отношению к некрому, и т.п., т.е. вещь имеет ограниченную природу, всегда зависимую от определенной точки отсчета. Следовательно, применительно к единичным вещам “пустоту” следует понимать прежде всего как отсутствие у них истинной сущности и наличие только сущности относительной.

Необходимо также учитывать тот факт, что дзэн не является системой *дхьяны* в том виде, как ее практикуют буддийские школы в Индии или в других странах. Под *дхьяной* там принято понимать своего рода медитацию, т.е. концентрацию мысли (особенно в буддизме махаяны¹¹) на идее “пустоты”. Целью *дхьяны*, в таком случае, по определению Судзуки Дайсэцу, является достижение состояния “абсолютной пустоты”, в которой от сознания не остается и следа, и даже чувство отсутствия сознания покидает человека; все формы умственной деятельности исчезают, как и все вещи, все проявления жизни. Это можно назвать экстазом - но это не дзэн. Ибо “сущность дзэн-буддизма состоит в том, чтобы научиться по-новому смотреть на жизнь”¹². Такой новый взгляд на жизнь последователи дзэн называют “*сатори*”. Фактически это синоним “просветления” - *ануттара-самьяк-сам-бодхи*, слова, которым пользовались Будда и его последователи с тех пор, как Будда достиг “просветления” под деревом Бодхи. “*Сатори* - это сущность дзэн, и без него дзэн - это не дзэн”¹³. Поскольку *сатори* означает состояние сознания, где нет ни постигающего субъекта, ни постигаемого объекта, часто представляется, что “оно не может быть ни чем иным, как состоянием Абсолютной пустоты, которая не имеет никакого значения для нашей повседневной жизни, полной горя надежд и тревог”¹⁴. Однако необходимо учитывать тот факт, что дзэн ставит главный акцент на личном, конкретном опыте, лежащем в основе повседневной жизни. В этой связи Судзуки справедливо отмечает, что “если бы *сатори* было простым обобщением или абстракцией, оно не могло бы быть основой “десяти тысяч вещей”¹⁵. Здесь надо отметить, что в японской догматической литературе термином “десять тысяч вещей” (яп. *мамощу*) определяется реальное, конкретно осязаемое бытие живых существ и предметов. В учении дзэн-буддизма, а также в философии махаяны в целом безатрибутивный Абсолют, открывающийся “просветленному” во время переживания *сатори*, никоим образом не противопоставляется бытию единичных вещей. Более того, эта абсолютная, единственно безусловная реальность (“абсолютная пустота”) мыслится как бы “разлитой” во всем сущем: она повсеместна, охватывает все и вся.

Следует подчеркнуть также, что *сатори* не есть состояние “абсолютной пустоты” в том смысле, что исчезают все формы умственной деятельности и все вещи, отпадают “ум и тело”, “нет движения ни одной мысли”. Этим характеризуется иное состояние - *самадхи*, возникающее в результате традиционной индуистской медитативной практики. *Самадхи* означает состояние “пустоты”, “чистоты сознания”. Последнее предстает “чистым листом”, на котором ничего нет. При достижении *сатори* на этом “чистом листе сознания” впервые появляется истинный образ (отпечаток) мира в его гармоничной целостности, где нет разделения на объект и субъект. *Сатори* отнюдь не какая-

либо галлюцинация или гипнотический сон. Это совершенно нормальное состояние разума, в котором должен произойти "общий умственный переворот"; своего рода умственное "крушение", неожиданно опрокидывающее старые аккумуляции интеллекта и закладывающее фундамент нового видения, в котором старые вещи будут рассматриваться в качестве нового ракурсе.

В связи с изложенным выше заметим, что отрицание трансцендентного и абстрактного характера "дзэнского просветления" логично вытекает из традиционной для японцев системы восприятия и освоения мира. Во многих работах японских и зарубежных этнопсихологов утверждается, что для японского этнопсихологического типа характерно практически-конкретно-чувственное познание мира: в основном они избегают оперирования абсолютными и универсальными абстрактными принципами. Малая интенция к выходу за пределы наглядно-чувственного восприятия оказывает огромное влияние и на культуру японского буддизма в целом, и на дзэнскую психорегулятивную практику в частности. Настойчивое подчеркивание возможности достичь "просветления" в этой жизни - одна из основных черт японской интерпретации буддизма.

Сатори - своего рода пробуждение, являющееся внутренним актом и не зависящее от других людей. Это внутреннее изменение в сознании человека, приводящее к постижению "недвойственности" и "единотаковости" всего сущего, к обнаружению Будды в своей природе. Именно в том смысле, что в состоянии *сатори* происходит соединение с Абсолютом - беспредельным и безатрибутным, - но лишь в результате нового взгляда на мир, следует рассматривать *сатори* как состояние "абсолютной пустоты".

Таким образом, "просветление - это состояние ума, в котором отсутствует всякое разграничение"¹⁶. Ум, покинувший первичный путь внешнего разделения и углубившийся в свою внутреннюю обитель первоначальной целостности, достигает состояния "гармоничного единомыслия", которое не знает разделения на субъект и объект. В этом плане и следует рассматривать состояние "отсутствия мыслей" (яп. *муси*), в котором пребывает "просветленный". Преодолев дуальное восприятие мира (источник всех без исключения ложных представлений), он обретает способность видеть вещи такими, какими они являются на самом деле (яп. *недзэ*), т.е. постигает сокровенный смысл бытия.

Продолжая индийское учение *махасангхика*¹⁷, дзэн считает существование оппозиций фикцией: в действительности нет никакого различия между рождением и смертью, субъектом и объектом, *нирваной* (букв. "затихание", "утасание", "успокоение", выход из "круга перерождений" и переход в полное небытие) и *сансарой* (иллюзорным, преходящим феноменальным бытием). Но осознать это человеку не дает дискурсивное мышление, основанное на принципе бинарной оппозиции и разрушающее гармоничное единство и целостность бытия. Человек начинает отчуждать себя от своей внутренней природы, утрачивая целостное видение мира.

Поэтому задача индивида состоит в том, чтобы путем совершенствования своего внутреннего духовного опыта, развития внутреннего видения достичь состояния "недуальности" (яп. *фуни*), когда осознание своей глубокой причастности ко всему сущему устраняет мнимое существование противоположностей.

"Чистое и безграничное единство", постичь которое имеет целью совершенствующийся в дзэн, есть не просто "пустота", отсутствие различий, где царит негативное ничто; это пустота "прозрачная", она является "крайним пределом начала и конца", в котором все различия сливаются в единую цело-

стность. Необходимо оговориться, что в контексте дзэн-буддийской практики самосовершенствования о слиянии всех различий можно говорить лишь условно. Это выражение не совсем точно прежде всего потому, что слияние подразумевает наличие отдельных, независимых друг от друга сущностей. Но сам процесс выделения отдельных сущностей и последующего противопоставления их друг другу по типу бинарных оппозиций: субъект-объект, вечное – преходящее, материальное – духовное и т.д., рассматривается последователями дзэн-буддизма всего лишь как иллюзия, продукт “омраченности”, “загрязненности” сознания. В данном случае следует скорее говорить о восстановлении изначальной целостности и недифференцированности мира, возвращении к состоянию первозданной гармонии и естественности (“Будда в теле Закона”). “Природа Будды” не может быть разделена на противоположности, ибо сам факт дуализации предполагает определенные ограничения (движение является движением только по отношению к покою и т.п.). Будда, присутствующий во всех проявлениях жизни (он “разлит” во всем сущем), есть Абсолют, *истинно-реальный субстрат* всех единичных сущностей, который не имеет предела и от которого нельзя дистанцироваться. Из этого краеугольного положения следует важнейший вывод о том, что многообразие мира, включая различия между людьми, существование множественности является только кажущим, неистинным.

Из недуального мировосприятия вытекает и основополагающий принцип дзэнской психологии, согласно которому “просветленное” состояние сознания изначально присутствует в обыденном сознании каждого человека; поэтому его следует искать не в ритуалах, предметах культа и религиозных символах, а в “истинной” (изначальной) человеческой природе человека, которая есть “природа Будды” (яп. *синсе*: или *буцусе*:). Следовательно, постижение Закона следует рассматривать как обнаружение человеком Будды в “теле Дхармы” в своей собственной природе. По мнению последователей дзэн-буддизма, внутренняя природа человека изначальна чиста, совершенна и не нуждается ни в каких исправлениях и дополнениях. “Внутренняя природа человека содержит все сполна с самого начала”, – говорил учитель чань Мацзу (яп. транскрипция Басо До:ицу, 709-788)¹⁸.

При этом необходимо учитывать, что в контексте учения дзэн “природа” не есть сущность человека, отличающая его от других людей, и не его индивидуальность. “Природа” – это некая “субстанция”, которая существует изначалью, до рождения самого человека – “природа Будды”. Поэтому деление “природы” индивидуума и окружающего его мира на “внутреннюю” и “внешнюю” является условным и служит всего лишь инструментом для словесного выражения сущности просветления.

Буддизм мадхьямаки рассматривает постижение “истинно-сущего” как длительный процесс “созревания для просветления”, это требует долгого духовного совершенствования, накопления нравственных заслуг и глубоких знаний в течение ряда жизней. В отличие от этого дзэн-буддизм утверждает “внезапное просветление”, интуитивное озарение, мгновенное схватывание сути, “мгновенную мысль” (яп. *тонгаку*). Мгновенность переживания исключает возникновение всякой искусственности, концептуализации или дуалистичной идеи. “Мгновенная мысль” просто и прямо выражает то, что практикующий “видит” и чувствует в момент “просветления”.

Отметим, что дискуссия о мгновенном (кит. *дунь*, яп. *тон*) или постепенном (кит. *цзянь*, яп. *дзэн*) “просветлении” лежала в основе раскола китайского чань на Северную и Южную школы. Южная школа утверждала, что просветление, будучи самой природой сознания, не может быть ничем обусло-

влено и должно озарить "мирское", обыденное, профаническое сознание последователя чань подобно вспышке молнии. Северная школа, напротив, настаивала на постепенном характере просветления.

Согласно дзэнской философии, наследовавшей традицию Южной школы чань, чтобы воспринимать мир таким "каков он есть", т.е. воспринимать его "очищенным сознанием", нужно прежде сломать привычные механизмы восприятия и мышления. А это, как уже говорилось, достигается путем постоянно возобновляющегося духовного усилия, приводящего к росту, или самосовершенствованию духовного опыта, развитию способности к "внутреннему видению".

Данный основополагающий принцип дзэн-буддизма как нельзя лучше отвечал магистральной тенденции развития духовной культуры Японии. Само укоренение там дзэн-буддизма оказалось возможным благодаря, в частности, тому, что его потенции в части интроспекции соответствовали общему *интравертному* направлению, в котором эволюционировала японская культура (имеется в виду ее общая направленность на "оживление" околотелесного, телесного и "внутреннего" пространства). Для японского мировосприятия внешнее являлось необходимым, а внутреннее - истинным. В отличие от последователей ортодоксальных течений буддизма японец считал внешний мир не обманчивым, но лишь преходящим, а потому - ненадежным. Устойчивым и надежным был только мир внутренний. Отсюда повышенное внимание именно к "внутренней, сокровенной природе" человека, а также - особая значимость способности "внутреннего видения" в японской культуре в целом.

"Взгляд" (яп. *кан*; *миру* - "видеть") приобретает первостепенную значимость в системе дзэн. Будучи практичным учением, дзэн отодвигает в сторону все второстепенные дела и рассуждения и прямо указывает на необходимость развивать способность "видения" реальности.

В дэн-буддизме сохраняется предстание о творческой функции взгляда, присущее мифологическому мирознанию. Так, японские божества Идзанаги и Идзанами творят Вселенную не словом, а взглядом. Отличие состоит в том, что "взгляд" в контексте учения и практики дзэн творит не Вселенную, не внешний макромир, а внутренний мир человека (здесь под творением подразумевается постижение, обнаружение своей "изначальной, внутренней природы" в результате "продвижения в духе").

Под "взглядом" подразумевается не зрительное, а некое духовное, внутреннее зрение. В результате развития и совершенствования "внутреннего видения" открывается принципиально новое измерение мира - духовный аспект бытия, в котором предметы и события, не меняя ни грама в их действительном составе, приобретают иной духовный смысл, доступный лишь созерцанию и неуловимый для чувственного зрения. "Взгляд" в контексте дзэнского мировосприятия - это "пробужденный взгляд", интенсивное понимание, позволяющее проникнуть в глубь вещей. Иными словами, это не просто "прозрение", а прозрение, содержащее "видение-знание" истинной реальности "как она есть".

Отсюда непосредственно вытекает и специфика "просветленного" состояния сознания в дзэн-буддизме, в основе которого лежит "внутренний взгляд" (яп. *найкан*). В системе практики дзэн "просветление" рассматривается не как конечный итог, а как процесс непрерывного совершенствования и развития духа. *Сатори* - начало, но не конец достижения Истины. Дзэнская пословица гласит: "Истину надо ухватывать через внезапное Просветление, но полное постижение развивается шаг за шагом"¹⁹.

С одной стороны, само "обнаружение в себе природы Будды" является "внезапным", однако ему предшествуют "действия по совершенствованию ду-

ха" (т.е. "духовная", психотехническая регулятивная практика). С другой стороны, "просветление" в системе учения дзэн предполагает процесс дальнейшего совершенствования и развития духа до полной зрелости. Это следующее за *сатори* развитие вместе с предшествующими поиском и стремлением есть то, что чань-буддисты по-китайски называют "*син*" (яп. *ge:*) - "действие", "занятие", или "работа". Без *син* "просветление" не может быть полностью достигнуто и реализовано. Больше того - без постоянно возобновляющегося процесса "продвижения в духе" *сатори* "выцветает". Дзэнское "просветление" предполагает непрерывную практическую саморегуляцию сознания, приравшиваемую к "истинному постижению бытия".

Таким образом, двумя главными и неразрывно связанными аспектами учения и практики дзэн являются "видение" и "действие". Дзэнская поговорка гласит: "Чтобы обрести видение, вы должны влезть на вершину горы и посмотреть оттуда, чтобы начать путешествовать, вы должны сойти в глубины моря и Путь начать оттуда"²⁰.

Эти два основных процесса, заключенных в дзэнской медитации, отчетливо прослеживаются в описаниях Хакуином "внутреннего взгляда". С одной стороны, он подчеркивает необходимость приобретения способности "внутреннего видения", но, с другой, ставит особый акцент на "действиях по совершенствованию духа"²¹, на развитии собственного духовного опыта. Данные два момента Хакуин связывает в единое целое, говоря об "истинной практике внутреннего взгляда" (яп. *найхамсимсю:*), приводящей к выявлению своей "изначальной", "сокровенной природы" (яп. *синсе:*), к обнаружению Будды без всяких слов и рассуждений в своем существе, к непосредственному достижению "Великого просветления" (яп. *дайкаку*). "Взгляд" в учении Хакуина выступает не только как способ восприятия, но имеет и творческую функцию: творит внутреннюю обитель первоначальной цельности и гармонии.

Обратимся к тексту "Оратэгама". В самом начале трактата читаем: "К тому же, если [вы] умело будете осуществлять истинную практику внутреннего взгляда, то [вы] ухватите тайну самого эффективного питания жизни"²², [ваши] дух и тело станут сильными, силы ки"²³ возрастут и в десяти тысячах дел [вы] легко постигнете Закон"²⁴.

По словам Хакуина, обретение Закона (*Дхармы* как некоего жизненного принципа, алгоритма жизни) является результатом "действий по совершенствованию духа". Само постижение сути вещей заключает в себе продвижение в духе. Это предполагает обращение к себе, отсутствие поисков истины за пределами самого себя. Говоря о практике "внутреннего взгляда", Хакуин имеет в виду именно "действия по совершенствованию духа", приводящие к "непринужденному постижению жизненного принципа". Здесь раскрывается характерный для дзэн-буддизма способ постижения мира - через проникновение в него, видение его как бы "изнутри".

В то же время в результате совершенствования в духе человек проникает в свою истинную природу. Познание себя "изнутри", обретение "внутреннего духовного опыта" приводит к обнаружению некой универсальной субстанции, Абсолюта, в терминологии буддизма махаяны - Будды "в теле Дхармы". Постижение и раскрытие в себе истинной сущности - "природы Будды" - отнюдь не предполагает перерождение человека в каком-то ином мире (пространстве или времени), не происходит с ним и никаких физических изменений. Постижение "единотаковости", "недвойственности" окружающего мира и себя самого связано с определенным состоянием духа, с определенным психологическим настроением. Познав, что такое его истинная природа, человек достигает совершенства Будды только одним этим пониманием. Он соприкасается с

Буддой, обнаруживает его в своей природе без всяких рассуждений, непосредственно. Если пользоваться терминологией тьянтайского патриарха Чжичжэ²⁵, здесь речь идет о так называемом "радикальном способе медитации" - непосредственном "созерцании" реальности "мира Будды"²⁶. Согласно Хакуину, "просветление" приходит естественно и легко, истинная его основа - не что иное как собственная "изначальная природа" каждого человека: "Люди [изначально] обладают мудростью и формой Нерай²⁷, и нет ничего, чего бы [у них] не было. Каждый из людей владеет чудесным шаром исполнения желаний²⁸, [в котором заключена] природа Будды, и [который] постоянно излучает яркий свет"²⁹.

В этом отрывке раскрывается одно из важнейших положений буддизма махаяны - "сущность (человека) есть Будда", что подразумевает наличие в каждом живом существе "природы" ("естества") Будды. Этот же тезис прекрасно выражен Хакуином дзэндзи³⁰ в его васане³¹ "О сидячей медитации": "Живые существа изначально являются Буддами. Как не бывает льда без воды, так без живых существ нет и Будды"³². С другой стороны, обладание "природой Будды" предполагает обладание всеми его качествами, в том числе высшей мудростью, благодаря чему и возможна реализация человеком "внутреннего видения".

Поэтому, по мнению Хакуина, постижение своей "внутренней природы" должно происходить совершенно естественно, без попыток внесения в нее каких-то усовершенствований и дополнений. Обретение способности "внутреннего взгляда" не требует ни изнурительного аскетизма, ни специальной практики (так как она сама по себе означает попытку как-то "исправить" изначальную природу человека), ни длительного восхождения по многочисленным ступеням совершенства. Для этого нужно лишь искренно верить в изначальную чистоту своей внутренней природы и находиться с ней в нераздельном единстве, непосредственно созерцать ее и следовать за ее движениями. Иными словами, необходимо быть самим собой, жить и действовать в соответствии со своей истинной природой: "Что представляет собой искусство истинной медитации? Это значит делать все: кашлять или плевать, двигать руками, двигаться или покоиться, говорить или делать, быть счастливым или несчастным, приобретать или терять, делать добро или зло - и [все это] содержится в одном [единственном] коане..."³³.

"Пробуждение" предстает как нечто вполне естественное, почти осязаемое, оно рядом и может произойти в любой миг. При этом, "схватывание сути" происходит как бы изнутри, переживается непосредственно и мгновенно.

В плане изложенного выше, интересно описание Хакуином одного из своих мистических переживаний. В возрасте тридцати двух лет он поселился в полуразрушенном храме. Однажды ночью во сне к нему явилась мать и отдала ему фиолетовое одеяние. Когда Хакуин его поднял, то почувствовал, что оба рукава необычайно тяжелые. Он внимательно их рассмотрел и обнаружил в каждом из них старинное зеркало около пяти - шести сунов в диаметре (1 сун равен 3,03 см. -Д.Г.). "Изображение в зеркале, находящемся справа, - отмечает рассказчик, - отражало дно моего сердца. Мои собственные мысли, так же как горы и ручьи, да и как вся Земля, становились такими же прозрачно чистыми и бездонными. Вся поверхность зеркала, находящегося слева, не попадала в фокус света. [Его] поверхность была похожа на новый котел, еще не прикоснувшийся к огню. Вдруг зеркало слева осветилось светом, по яркости в миллион раз превосходящим свет, попадающий на зеркало справа. Теперь в отражении всех вещей я узрел свое собственное лицо. Впервые я понял смысл слов: "Совершенным является тот, кто прозрел сущность Будды своим

внутренним видением”³⁴. Описанное переживание начинается как сновидение, которое затем переходит в пробуждение, сохраняясь при этом с невероятной чистотой. “Мать”, “фиолетовое монашеское одеяние”, “два зеркала”, “свет” - все эти элементы мистического сновидения являются символами, раскрывающими сам процесс обретения “внутреннего взгляда”.

Особая роль в этом мистическом видении принадлежит образу “зеркала”. Как известно, в Японии его появление датируется курганным периодам (3-4 вв.). Впоследствии зеркало становится одной из регалий японского императора (наряду с яшмой и мечом). К тому же оно является символом солярного божества (зеркалом выманивали богиню Аматэрасу из пещеры), почитается как *синтай* - “тело божества”.

В дзэн-буддизме зеркало символизирует “сердце-сознание”. Образ “зеркала-сердца-сознания” перешел в дзэн из даосизма. В учении даосов очень часто встречается символ “темного зеркала”, которое лишь отражает действительность, само при этом не меняясь. В даосском зеркале нельзя увидеть ни изображения, ни самого зеркала - оно “темное”, сокровенное. Сердце даоса достигает сокровенного, предельного состояния зеркала, не позволяя при этом вещам замутнять его и оставлять на нем пятна. Сердце предстает носителем сознания, а очищение сердца - путем к прозрению.

В учении дзэн “зеркало” также символизирует очищение сердца, с одной стороны, и обретение способности видения своего “изначального облика” (яп. *мэнмоку*, *наймэн*), с другой. Когда практикующий дзэн закрывает глаза и направляет свое внимание внутрь себя, он сначала может видеть только тьму. Но вскоре его внутренний взгляд может высветить его сокровенную “истинную природу”.

В безграничном потоке света Хакуин прозревает природу всех вещей, постигает “недвойственность”, “единотаковость” окружающего мира, обнаруживает свою идентичность с “природой Будды”, т.е. сам становится Буддой (яп. *дзэ:буцу суру*). “Взгляд во внутрь” предстает у него “самопостижением” через самосозерцание имманентно присущего “незагрязненному сознанию” “истинного вида” (яп. *нэдзэ*) “всех дел и вещей” (яп. *ма(дзи)моцу*), т.е. всего сущего.

Приведенный пример наглядно иллюстрирует упоминавшееся в общей теоретической части данной статьи положение о том, что *сатори* в системе дзэн есть не самоабстрагирование или уничтожение мысли, а “самонахождение”, “пробуждение внутренней природы” человека. Собственно поэтому Хакуин употребляет в отношении данного акта также термин “*кэнсе:*” “постижение своей собственной природы”. Таким образом и происходит творческое созидание “взглядом” внутреннего мира человека - в его изначальной чистоте, целостности и гармоничности.

В то же время здесь вырисовывается некая неизвестная в европейской традиции проекция взгляда на человеческую психику человека. В связи с этим следует заметить, что проблема высшей объективной Истины, теоретические поиски которой были основным мотивом европейской философии, применительно к дзэн-буддизму, да и к буддизму вообще могла существовать только как проблема “истинного состояния сознания” адепта, в котором ему открывается реальность “как она есть”. В рамках буддийского мировосприятия Истина предстает не как непреложный факт, а как внутренний опыт непрерывно изменяющейся личности, не связанный ни с каким абсолютным бытием. Нет истины, которая имела бы самостоятельную ценность вне ценности “спасительного” преобразования психики человека. Вот почему в системе дзэн

особое внимание уделялось методам психологической саморегуляции, в частности медитации - *дхьяны*, давшей имя этому течению.

Как уже было упомянуто, внутренний опыт служит фундаментом дзэн-буддизма, над которым воздвигается здание из слов и понятий. С другой стороны, сам духовный опыт ("внутреннее видение") предполагает сосредоточение на "невообразимом", "невыразимом", находящемся внутри человека. Этого не охватить мыслью, не высказать словами, но можно особым образом почувствовать, погружаясь в состояние *сатори*.

Следовательно, описание собственно внутреннего духовного опыта практически неосуществимо. Поэтому коан-рассказы обычно заканчиваются простым утверждением: "И он достиг озарения". Наивысшие результаты, достигнутые в дзэн-буддийской практике, восхваляются в нескольких словах - "чистота духовного видения", "достижение свободы", "ощущение мощи Вселенной" и т.п. Но о том, в чем собственно заключается само "просветление", каким образом оно достигается, какими переживаниями сопровождается, обычно упоминаний нет.

На фоне этих скудных записей подробные описания Хакуином его внутренних переживаний особенно ценны. Уникальная интуиция Хакуина позволяет ему выразить словами значительную часть "невыразимого". В основе этих переживаний и их фиксации лежит внутренний духовный опыт, обуславливающий способность к интроспекции, к самоанализу.

Цель практики *найкан*, как ее излагает Хакуин, состоит не в том, чтобы достичь состояния "сверхсознания", овладеть какой-либо специфичной формой познания сверхъестественного, а в том, чтобы углубиться во "внутреннее я", в котором еще не произошло раздвоения, достичь некой недифференцированной целостности.

Вот почему, излагая свое учение о "внутреннем взгляде", Хакуин уточняет: "Сначала необходимо ставить акцент на питании жизни. [Затем] во время [вашей] практики внутреннего взгляда, не ища и не спрашивая [о приемах], [вы] будете без меры обретать силу просветления, даже не думая о том. Не цепляясь за [одно] из двух состояний - движения или покоя - незаметно продвигайтесь вперед, и это должно быть самым главным"³⁵.

Из приведенной цитаты видно, что в своих описаниях *найкан* Хакуин также ставит проблему "дуальности" (движение - покой, соединение - разъединение) и подходит к ней с характерной для адептов дзэн-буддизма позиции "безразличия".³⁶ Это означает, что практикующий должен осознать: в действительности не существует никакой дуальности, она мнима, иллюзорна, рождена его воображением. Выражение Хакуина: "[Вам] будет мешать [дуальность] движения-покоя, соединения-разъединения, а раздвоение [сознания] ограничит [вас]"³⁷, которое мы обнаруживаем в самом начале "Оратэгама", свидетельствует о том, что двойственное восприятие окружающего мира рассматривается как некое болезненное состояние практикующих *найкан*. Далее Хакуин прямо связывает его с ухудшением здоровья. "Природа Будды", которую человек обнаруживает в себе в результате развития внутреннего духовного опыта, не может быть разделена на противоположности. Ибо сама дуализация действительности предполагает упоминавшиеся уже ограничения: движение является движением только по отношению к покою; материальное является таковым только по отношению к духовному и т. д.

Именно поэтому Хакуин говорит о почитании "чистого и безграничного единства", лежащего в основе "Совершенного", или "Истинного пути" дзэн. В природе "Совершенного пути" нет ничего сложного, как нет ничего сложного в понимании его. Но поскольку наш разум скован идеями противопоставле-

ния, являющимися результатом отбора и выбора (любовь и ненависть, добро и зло, правильное и неправильное, истина и заблуждение, красота и уродство и т.д.), он не способен постичь самого "пути". Только когда дуальное восприятие мира устраняется, все становится прозрачным, так как уже ничто не мешает нашему "внутреннему взгляду" обозреть безграничную пустоту "Истинного пути" Абсолюта.

В ходе своих рассуждений о сути и назначении дзэнской практики духовно-морального совершенствования личности Хакуин особо подчеркивал, что хотя спонтанное и интуитивное "просветление" занимает очень важное место в теории и практике дзэн (конкретно в практике *найкан*) и расценивается как "сердце" и "суть" дзэн, оно отнюдь не является самоцелью (по достижении которой дзэнский адепт считал бы свою миссию выполненной) или же высшим моментом актуализации Истины.

Отличие от многих буддийских школ, негативно относящихся к "мирской" жизни и акцентировавших внимание исключительно на религиозной практике, дзэн призывает к самому активному участию в обыденной деятельности. Это стимулировало чисто прикладное применение достижений дзэнской культуры психотехники, что расширяло и усиливало адаптирующее воздействие практики "продвижения в духе" на окружающую социокультурную и природную среду: "Не говорится ли [об этом] также и в военных трактатах: "Сражайтесь и вместе с тем возделывайте землю. Не это ли самое важное? Изучение дзэн как раз и есть то же самое. Истинная медитация есть настоящее искусство сражения. [Практика] внутреннего взгляда есть возделывание земли. Это два крыла одной птицы, два колеса одной колесницы""³⁸

Согласно Хакуину, в конечном итоге смысл обретения "внутреннего взгляда" и переживания *сатори* состоит в том, чтобы создать благоприятный климат для самопроявления, для формирования нового видения реальности с целью наилучшей подготовки человека к выполнению его социальных и культурных функций. Кульминационный момент актуализации Истины заключается в акте творчества, точнее, в любом действии, которое претворяется в прыв творческого вдохновения.

Практикующий *найкан* обязан с максимальной отдачей сил исполнять свои светские обязанности, т.е. подходить к своей деятельности активно-созидательно. Иными словами, цель дзэн-буддийской практики состоит в том, чтобы найти смысл в повседневной жизни.

Достижение "просветления", по мнению Хакуина, заключается в прозрении своей внутренней природы, достижении духовной гармонии и в сохранении их при любых обстоятельствах в гуще мирской суеты. "Внутренний взгляд", обретенный во время переживания *сатори*, творит не только подлинным внутренним мир человека, но и пробуждает творческое отношение к каждому явлению окружающей действительности.

В результате происходит преодоление и самой интравертности. Опираясь на "внутреннее видение" своей изначальной природы, адепт возвращается к активному творческому взаимодействию с внешним миром, а процесс "сужения" мировосприятия до пределов собственного микрокосма сменяется качественно новым расширением. Это "сужение"-свертывание" в дзэнской ментальности можно до некоторой степени уподобить сжатию пружины, готовой затем развернуться. В то же время таким образом последователь дзэн-буддизма достигает состояния "непривязанности" к миру при одновременном осознании своего нерасторжимого единства с ним ("не-я", яп. *муа*).

Дзэнские категории отличаются чрезвычайной емкостью и "текучей логикой". Они многоаспектны, неисчерпаемы и не поддаются рациональному

толкованию. Их перевод и интерпретация зависят от конкретного контекста. Трактат Хакуина "Оратэгама" помогает увидеть категории дзэн-буддизма в системе целостной дзэнской "картины мира", в свете традиционных представлений аспекта о сути и назначении учения и практики дзэн.

1. Для написания японских слов и собственных имен: (автор использует принятую в русских изданиях транскрипцию Е.Д. Поливанова, долгие гласные в японских именах и названиях обозначаются двоеточием (например, Дзэ:сю:)).
2. Дзэ:сю: Дзю:син (кит. Чжао Чжоу, 778-897) – один из величайших мастеров чань во времена династии Тан (618-907).
3. Судзуки Д.Т. Лекции по дзэн-буддизму. М., 1990. С. 68.
4. Буддизм в Японии. М., 1993. С. 282.
5. Учение о "Чистой земле" (или амидаизм – по имени главного Будды этого течения Амиды) сформировалось в Китае в 5-6 вв. Целью адепта амидаизма является возрождение после смерти в "Чистой земле" (санскр. *сукхавати*, яп. *дзэ:до*). Развитый культ единого божества (Амиды) и учение о спасении в "Чистой земле" отличают амидаизм от других направлений буддизма.
6. Сингон-сю: – японская буддийская школа, основанная в начале IX в. монахом Ку:каем (774-835). Название школы (*сингон* – "истинное слово") указывает, что в ее доктринах запечатлена "сокровенная суть" буддийского Закона, возвещенная Буддой Махавайрочаной. Учение Сингон-сю: называют "тайным" (яп. *мицу*, *миксэ:*), его принято относить к эзотерическому буддизму.
7. Тэндай-сю: – японская буддийская школа, основанная в начале 9 в. монахом Сайтэ (767-822). Пробразом Тэндай-сю: является китайская школа Тяньтай.
8. Трактат состоит из трех частей, преподнесенных в форме писем. Первое, написано в 5-м году Энкэ (1748 г.) и адресовано господину Набсима (1701-1749), второе – в 4-ом году Эмпо (1676 г.), больному монаху, третье – пожилой монахине из школы Нитирэна. В них излагается учение Хакуина о "внутреннем взгляде". Третья часть представляет собой антологию вопросов о *намбуцу* "думание о Будде Амиде", коанов и собственно внутренних переживаний автора.
9. Дж. Сингх указывает, что распространенное в западных работах название этого буддийского течения – *мадхьямика* – неверно. *Мадхьямика* – последователь данного направления, а само оно – *мадхьямака*. См.: Singh J. An Introduction to Madhyamaka Philosophy. Delhi, 1976. P. 4.
10. Будда в "теле Закона" является абсолютным, а значит, безграничным и вневременным началом, "истинной сущностью" (или "истинным видом" – *дзиссо*) всех "дел и вещей", единственной безусловной реальностью, "единотакостью" (санскр. *татхата*). Учение о *хоссин* являлось основополагающим практически для всех школ японского буддизма.
11. Махаяна (*Великая колесница*, яп. *дайдзэ:*). Представители этого буддийского направления исходят из тезиса о возможности спасения широкого круга лиц, а не только монахов. В конечном счете теоретики буддизма махаяны пришли к заключению о принципиальной возможности каждого человека обрести *нирвану*, причем в течение его жизни. Последователи этого буддийского направления назвали свое учение *махаяны* "*Великой колесницей*", прежде всего имея в виду всеобщность спасения. Тем самым они подчеркивали, что идеал *махаяны* – преисполненность бодхисаттвы любовью и милосердием к страдающему миру – выше идеала *хияны* (*Малой колесницы*), т.е. пути архата, достигающего просветления только ради самого себя.
12. Судзуки Д. Т. Основы дзэн-буддизма. Бишкек, 1993. С.159.
13. Там же. С. 164.
14. Там же. С. 214
15. Там же. С. 214
16. Судзуки Д.Т. Наука дзэн – ум дзэн. Киев, 1992. С. 62.
17. *Махасангхика* (санскр., дословно "Великая Община") – одна из основных школ раннего буддизма. Ее последователи поддержали "пять положений о несовершенст-

ве *архата*”, провозглашенных монахом Махадевой на сангити в Паталипутре в период правления царей Махападмы и Нанды (340 г. до н.э.) и окончательно отделились от *стхавиравады*.

Абаев Н.В. О соотношении теории и практики в чань-буддизме // VII научная конференция “Общество и государство в Китае”. М., 1976. Ч. 3. С. 119.

18. В мифах о первотворении (см. “Кодзики”, том I) рассказывается, как Изданаги и Идзанами спустились с Неба на остров Оногородзима (“Сам собой стгутившийся остров”), “застывший из капли, упавшей с их копья”, и воздвигли для будущих актов творения два “сооружения” – “священный столп неба” и “дворец в восемь мер длины”. Именно на способ воздвижения этих сооружений и следует обратить внимание: боги, они “глядя, поставили священный столп неба, глядя, поставили дворец в восемь хиро”. По мнению Л.М.Ермаковой, “можно предположить, что воздвижение этих культовых объектов – священного столпа неба и дворца – происходило с участием творящей силы взгляда (иначе нельзя перевести смысл сложного глагола митатэру [буквально “смотреть – поднимать вверх”–Д.Г.])” (об этом более подробно см.: Ермакова Л.М. Глаза, взгляд, зрение в древнеяпонской словесности // Сад одного цветка. М., 1991. С. 215).
19. Чжан Чжэн-цзы. Практика дзэн. Красноярск, 1993. С.46.
20. Там же. С. 45-46.
21. В оригинале употреблен термин “сё:син куфу:” (ит. *цзин цзинь гун фу*) В даосских текстах им обозначается психическое действие, обеспечивающее течение семени *цзин* (яп. *сё:*) вверх по позвоночному столбу к головному мозгу, что соответствует даосскому принципу “попятного течения” (ит. *ни лю*), как основы “внутреннего делания”. В “Оратэгама” я перевожу *сё:син куфу:* как “действия по совершенствованию духа”, исходя из специфики дзэн-буддийской терминологии. В данном случае, как представляется, имеется в виду требование к ученику – продвигаться вперед в своей практике, являющееся основным условием дзэн-буддизма.
22. Точные примеры, раскрывающие сущность термина “питание жизни”, в тексте трактата отсутствуют. По всей вероятности, Хакуин связывает “питание жизни” с т.н. методом “нансо” (в интерпретации Ф.Ямпольского “*пилюля теплого масла*”, см.: The Zen Master Hakuin. Selected Writings. tp. by P. Jampolsky. N.Y., 1971. P. 86). Практикующий должен представить, что на его голове находится “*пилюля теплого масла*” величиной с яйцо дикой утки, и сосредоточиться на нем. В результате визуализации практикующий чувствует, что чудотворная жидкость, испускающая приятный запах, разливается по всему телу и очищает его от “загрязнений”. В учении Хакуина нансо является метафорой искусства “внутреннего видения”, освобождающего “я” от скорлупы дуального восприятия мира (которое приводит к “загрязнению” изначальной, подлинной природы человека, т.е. к иллюзорному разграничению “я” и окружающего его внешнего мира). См.: Абэ Сигэру. Религия материалиста. Вселенская жизнь человека. Пер. с яп. и коммент. А. Н. Игнатовича. М., 1993. С. 120.
23. *Ки* (ит. *ци*) – термин китайской традиции. “*Ци*” рассматривается как исконная духовная-материальная субстанция и в то же время жизненная энергия, функциональная активность организма. Ее можно сравнить с *прахой* в индийской философии с первородным животворным дыханием, основополагающей универсальной энергией. *Ци* существует и как внешнее (в природе), и как внутреннее (в человеке) субстанция. Согласно даосским представлениям, *ци* также выполняет функции питания организма. Я принимаю истолкование *ци* (В.В. Малявиным) как “дыхание”. Согласно учению традиционной китайской медицины, “*дыхание*”-*ци* – это носитель жизненной силы в организме, который ассоциируется в первую очередь с легкими, так как именно они способны контролировать его циркуляцию в теле. Бесперывная циркуляция *ци* в является основой здорового состояния организма. А.Н. Кобзев рассматривает *ци* в качестве “*первовещества*”, причем это слово берется в кавычки, потому что *ци* обладает и силовой, энергетической природой. Следуя такому толкованию *ци*, термин Хакуина “*кирёку*” я перевожу как “*силы ки*”, подразумеваемая под этим некие первосилы, или первовещество, обладающее силовой природой.

24. Хакуин Экаку. Оратэгама. Пер. на совр. яп. и коммент. Камада Сигэо. Коданся, 1994. С.92.
25. Чжи (посмертное имя Тяньтай-даши, 538-597) - китайский буддийский монах. Является фактическим основателем школы Тяньтай, (яп. Тэндай-сю:) хотя считается ее третьим патриархом. Чжи и его последователи представили подробную и тщательно разработанную аргументацию взаимопроницаемости "миров Дхармы", которых тэндайская традиция насчитывает десять: "миры" "ада", "голодных духов", "животных", "демонов-асуров", "человека", "богов", "слушающих голос" (идуших к "просветлению" с помощью наставника), "просветлившихся через [постижение] причин" (идуших к просветлению самостоятельно, без помощи наставника), бодхисаттв, Будды. "Миры" понимаются как физические и психические состояния, которые переживают (или могут пережить) живые существа. Чжи разработал учение о всеобъемлющем характере этих миров, выявив три тысячи их проявлений в каждое мгновение (цепь мгновений бесконечна).
26. Чжи, различает два подхода к медитативной практике: "радикальный" способ непосредственное "созерцание" реальности "мира Будды"; и более постепенный - концентрация мыслей на имени, образе и добродетелях какого-либо Будды. "Радикальный" способ предполагает умение практикующего отказаться от всех ложных теорий, отбросить все случайные мысли, избежать каких-либо характеристик и полностью погрузиться в переживание "мира Будды", отождествляя собственное состояние с "миром Будды". При "постепенном" подходе практикующий сам выбирает Будду, поворачивается лицом в ту сторону света, в которой пребывает этот Будда и произносит его имя, визуализируя его образ. Как правило, рекомендовалось выбирать Будду Амиду. См.: Stevenson D. The Four Kinds of Samadhi in Early T'ien-t'ai Buddhism // Traditions of Meditation in Chinese Buddhism Honolulu, 1968. P. 54-58; Hurvitz L. Chin-i. An Introduction to the Life And Ideas of Chinese Buddhist Monk Bruh, 1962. P. 322.
27. *Нэрай* - одно из титулований Будды, санскр. *Татхагата* (букв. "Так Пришедший").
28. Чудесный (волшебный) шар - заостренный сверху шар с языками пламени над ним; в буддизме - магический символ исполнения желаний.
29. Хакуин Экаку. Указ. соч. С. 116-117.
30. Учитель дзэн (яп. *дзэндзи*) - звание, присваивавшееся дзэнскому монаху императорским двором. В более широком значении - титулование буддийского монаха, обладавшего широкими познаниями в методах дзэнской медитации.
31. *Васан* - жанр японской религиозной поэзии, стихотворения-гимны, прославляющие Будд, бодхисаттв, основателей буддийских школ, известных монахов. Особой известностью пользовались васаны, сочиненные в честь Будды Амиды монахом Синраном.
32. Хакуин Экаку. Оратэгама // Буккё: сэйтэн (Сборник священных буддийских писаний). Токио, 1934. С.669.
33. Хакуин Экаку. Оратэгама. Коданся, 1994. С.133.
34. Dumoulin, H. A History of Zen Buddhism. Bost., 1963. P. 253-254.
35. Хакуин Экаку. Оратэгама. Коданся, 1994. С. 96.
36. Там же. С. 91.
37. Там же. С. 91.
38. Там же. С. 122.

Культура

Китайская критика 90-х годов о современной литературной ситуации

© 1999

Н. Демидо

Литературно-художественная критика КНР за истекшее двадцатилетие прошла важный путь своего развития. Для этого периода характерно широкое использование достижений западной теории литературы и литературной критики, равно как и других сфер научного знания, что дало возможность значительно расширить круг изучаемых проблем и обогатить методы исследования. Стремительное развитие китайской литературы в 80-90-е гг. потребовало от китайских литературоведов и критиков вновь обратиться к определению сущности, специфики, функций литературы, к проблеме отражения действительности и дискуссиям о реализме, а также сконцентрировать свое внимание на изучении характерных особенностей, тенденций, основных этапов и перспектив развития современной китайской литературы.

Оценка китайской критикой литературной ситуации в КНР в определенной степени единодушна и достаточно позитивна. Большинство критиков придерживается мнения, что в 90-е гг. в литературе царил достаточно спокойная атмосфера, благоприятствующая творческой деятельности. По мнению критика У Цзяньцзе, подобное "умиротворенное" состояние в литературе вызвано изменением соотношения функций литературы, "сложным эстетическим сознанием", в котором отражено единство комического и трагического, поиском национальных форм и эстетических подходов к отражению реального мира. Писатели от "поисков корней" обратились к поиску идеала, а отказ от сюжета сменился возвратом к сюжетности, событийности, правда, в иных формах.¹ Литературовед, сотрудник Института литературы АОН Китая Чэнь Цзюньтао также считает, что в 90-е гг. китайская литература, пережив периоды взлетов и падений, вступила в фазу спокойного, нормального развития, что обусловлено рядом причин. С одной стороны, углубляющаяся реформа и открытость явились источником творческой активности, с другой - стало гораздо больше свободы творчества. Кроме того, немаловажную роль играет "мирное сосуществование" на литературной сцене нескольких поколений писателей.

По мнению Чэнь Цзюньтао, сегодня весь писательский "коллектив" можно условно подразделить на пять групп.

В первую группу входят писатели - ветераны, получившие известность еще в 30-40-х гг. и в период "Движения 4 мая". Сегодня они не являются ведущей силой из-за своего преклонного возраста, однако остаются примером для писателей следующих поколений.

Вторая группа наиболее многочисленная и состоит из писателей, чье творчество началось после 1949 г. Среди них следует выделить так называемую "группу 57 года": писатели, незаслуженно причисленные к "правым" и подвергнутые критике в 1957 г. Этих писателей отличает богатый жизненный и творческий опыт, критическое отношение к действительности, переосмысление прошлого. В основном это приверженцы реализма, однако, реализма более свободного, "открытого". Среди писателей этой группы - Ван Мэн, Ли Говэнь, Лу Вэньфу, Чжан Сяньлян, Цун Вэйси, Гао Сяошэн и др. Хотя многие из них уже достигли почтенного возраста, они по-прежнему полны творческих сил.

Третью группу образуют писатели, пришедшие в литературу после "культурной революции", в "новый период". В свою очередь они подразделяются на две подгруппы. Первая - писатели старшего поколения. Они начали свой путь еще в 50-е гг., но получили известность лишь в 70-80-е, например, Шэнь Жун, Чжан Цзе, Лю Синью, Лэй Да и т. д. Вторая - молодые авторы, прошедшие "школу трудового воспитания" в китайской деревне в 60-е гг., в 70-80-е их стали называть "образованной молодежью". В начале своего творческого пути они в основном обращали внимание на проблемы "образованной молодежи", но в 90-е гг. круг интересующих их проблем и тем заметно расширился. Им тоже близок "открытый реализм", даже более "открытый", чем тот, которому следует "группа 57 года". Можно выделить таких авторов, как Чжан Чэнчи, Лу Тяньмин, Ван Аньи, Хань Шаогун, Ши Тешэн, Ли Жуй и др.

В четвертую группу входят молодые писатели, заявившие о себе во второй половине 80-х г., в основном представители течений авангарда и нео-реализма, которые по сути являлись основными в тот период. Среди них Чжан Синьсинь, Лю Сола, Цай Сюэ, Мо Янь, Су Тун, Лю Чжэньюнь, Фан Фан, Чи Ли, Юй Хуа.

Пятая группа - самая молодая - писатели, пришедшие в литературу в 90-е годы, в основном, не старше 30 лет. Они сильно расходятся во взглядах на литературу, литературную практику и ценностные категории с писателями всех вышеназванных групп. Иногда их называют писателями, "появившимися на свет в 60-е гг." или "новым" или "поздним поколением". Отличительной чертой их творчества являются свобода, индивидуализм, неприятие любой идеологии, они сознательно и бесповоротно расстались с прошлой историей, их интересует новая жизнь и перспективы, которые сулит будущее. В выборе выразительных средств и приемов они не так изощренны как, к примеру, авангардисты, предпочитают непосредственность в передаче своего восприятия действительности, изображают личные переживания и проблемы. Положение этих писателей пока что не стабильно, оценки критиков довольно различны, однако нельзя не признать, что они шаг за шагом отвоевывают жизненное пространство на литературной сцене 90-х. Среди них - Чэнь Жэнь, Линь Бай, Хай Нань, Сюй Кунь и др.²

Хотя подобная классификация в определенной степени условна, она отражает общую ситуацию, сложившуюся на литературной сцене и свидетельствует о многообразии творческих подходов и методов, предлагаемых сегодня китайскими литераторами.

Ярким проявлением стремления к творческой свободе и многообразию в 90-е гг., по мнению китайских критиков, стало заметное увлечение новыми течениями (а подчас и просто новыми названиями). В январе 1994 редакторы

журнала “Бэйцзин вэньсюэ” представили на суд читателей группу столичных авторов (около 20 человек), которые заявили о создании течения “синь тьянь сяошо” (“новая эмпирическая проза”). С некой долей сомнения в правомерности подобных деклараций критик Син Ань замечал, что “обычно название литературного направления появляется как результат анализа и обобщения определенного литературного явления. “Новая эмпирическая проза”, пожалуй, исключение из правил, ибо название появилось как результат дискуссий десятка писателей и редакторов журнала, поэтому для развития данного направления крайне необходимо получить теоретическое подтверждение того явления, которое они “открыли” чисто эмпирически”³. В тот же год в феврале редакция журнала “Шанхай вэньсюэ” сообщила о появлении еще одного нового течения: “вэньхуа гуаньхуай сяошо” (проза заботы о культуре), которое было предложено молодым писателем Лю Цзюмином. В апреле 1994 г. журнал “Чжуншань” объявил о том, что пользующееся пристальным вниманием со второй половины 80-х гг. течение “синь сеши сяошо” - “проза неореализма” - прекратило свое существование, и вместе с тем провозгласил создание нового течения “синь чжуантай сяошо” - “проза нового состояния”. Молодые критики Ван Гань, Чжан Иу, Чжан Вэйминь на страницах журналов “Чжуншань” и “Вэньсюэ чжэнмин” развернули дискуссию о течении “проза нового состояния”, анализируя произведения “Сезон любви” Ван Мэна, “Дом № 4” Лю Синью, “Реальное и иллюзорное” Ван Аньи, а также некоторые новые произведения таких авторов, как Чэнь Жань, Хань Дун, Линь Бай, Хэ Дунь, выделили основные творческие особенности данного течения: 1) “обостренное ощущение нового состояния жизни, состояние неограниченной свободы в области художественной формы (Чжан Вэйминь), 2) “единство (изображения) реального состояния бытия и духовной автобиографии автора”, “рассказчик и писатель - это одно и то же лицо” (Ван Гань), 3) “свободный, ничем не ограниченный тип повествования, “естественный поток”, “поток состояний”, “интуитивное построение композиции” (Чжан Иу), 4) “отсутствие границы между реальным и вымышленным” (Ван Гань), “уничтожение границы между “высокой” и “массовой” литературой” (Чжан Вэйминь). С точки зрения бывшего директора Института литературы АОН Китая, профессора Чжан Цзюна, “все эти качества действительно присущи рассматриваемым произведениям, однако не факт, что их создатели останутся верны именно данной творческой манере (например, Ван Мэн или Ван Аньи постоянно удивляют всех новыми творческими “находками, вряд ли их можно втиснуть в узкие рамки какого-то одного художественного направления).”⁴

В 90-е гг. появились и такие новые течения, как “синь души сяошо” (“новая проза метрополиса”), “синь шиминь сяошо” (“новая проза о горожанах”), “синь лиши сяошо” (“новая историческая проза”), “синь бяосянь сяошо” (“проза неокспрессионизма”), а также “люши няньдай чушэн дэ цзоцзя цзопинь” (“произведения писателей поколения шестидесятых годов”) и т.д. Критики объясняют причину появления “новых” течений исторической и литературной необходимостью. В 90-е гг. Китай совершает поворот от планового хозяйства к рыночной системе, что на макроуровне означает скачок от аграрного общества к индустриальному. Подобный грандиозный исторический поворот, с какой стороны ни возьми, заставляет китайскую литературу вступить в абсолютно новый исторический период. Определение “новья” применительно к литературным течениям последних лет появилось не из-за прихоти авторов или издателей, а отражает результат активной реакции литературного мира 90-х годов на изменившиеся условия бытия в эпоху рыночной экономики, в то же время является логическим итогом обновления самой литературы. В пос-

ледние годы заговорили еще об одном течении - "синь шэндай сяошо" ("проза нового поколения"), представителями которого являются молодые писатели, поколение, появившееся в специфический исторический период, когда в обществе складывается новая система ценностей, в основе которой лежат прагматизм и западный образ жизни. Отличия новых течений, таких как "проза нового поколения" и "новая проза метрополиса" от всех предыдущих, по мнению критика Хэ Шаоцзюна, заключается в утверждении нового, "городского сознания", "новой городской культуры", чего не было ранее в произведениях, изображающих жизнь города и его обитателей. Изучение первой реакции китайских литераторов на изменившиеся условия бытия, по мнению критика, важно для отслеживания зарождающихся тенденций дальнейшего развития литературы.

К сожалению, теоретические обоснования новых творческих проектов, предложенных литераторами в последние годы, которые как раз и должны были бы "пролить свет" на сущность развития китайской прозы 90-х и ее будущее, пока что недостаточно весомы и полны, и это признается самими китайскими литературоведами и критиками. Недостаточно весомы потому, что теоретическая база не унифицирована: никто не предлагает единых обоснований, напротив, они "пестры" и зачастую противоречивы. Недостаточно полны, ибо кроме проблем сугубо теоретических, главным все же является недостаточная зрелость в области творческой практики, к тому же разрыв между теорией и практикой чрезвычайно велик. Оценки отдельных произведений у преобладающего большинства теоретиков грешат излишним субъективизмом и крайней предвзятостью, нередко автора, некогда признанного представителем одного течения, искусственно "ставят под знамена" каких-либо других, новых творческих групп. Внимание к существованию подобных явлений, осознание их сложности является одной из наиболее актуальных задач современной литературно-художественной критики.

Другой характерной чертой литературного процесса в 90-е гг., по мнению китайской критики, становится активизация "центробежных сил". Критики отмечают, что в развитии литературы к 90-м гг. появились некоторые новые особенности, не наблюдавшиеся ранее и которые неразрывно связаны с переломным моментом в экономической и социальной сферах, кроме того, являются закономерностью развития собственно литературы. В первую очередь речь идет о многополярности - наиболее яркой особенности литературы 90-х гг.

Анализируя развитие литературы за истекшее двадцатилетие, Чэнь Цзюньтао выделяет три этапа: 1) вторая половина 70-х - преодоление последствий "культурной революции", восстановление позиций реализма; 2) 80-е гг. - изучение и заимствование западного опыта, накопление собственного опыта и движение к многополярности; 3) 90-е гг. - утверждение многополярной системы, процесс дальнейшего размежевания в литературных кругах.

Что же понимается под "многополярностью"? По мнению Чэнь Цзюньтао, многополярность качественно отличается от многообразия. В одной из статей, написанных еще в 80-е годы, он указывал, что "многообразие может иметь место при одном центре, а условием существования многополярности является наличие множества центров, каждый из которых проявляется в различной форме"⁵, например, реализм и модернизм как раз и представляют два "центра", два основных направления в литературе XX в. Но в Китае до 80-х гг. признавали лишь реализм (причем в узкой форме революционного реализма), а модернизм был запрещен. В 80-е гг. ситуация стала меняться, модернизм постепенно "поднимал голову" и в конце концов занял должную

позицию одного из "центров" в 90-е гг. Или, к примеру, "высокая" и "массовая" литература - это тоже два "центра" в литературе, хотя грань между ними точно провести невозможно. В Китае отношение к "массовой" литературе на протяжении длительного периода времени было резко негативным, и лишь в "новый период" ситуация стала меняться, а к настоящему моменту положение "высокой" и "массовой" литератур сравнялось. Все это дает основания говорить о сложившейся системе многополярности.

Иную оценку ситуации дает профессор Чжан Цзюн, указывая, что говорить о сложившейся системе многополярности несколько преждевременно, поскольку сегодня в китайской литературе реализм по-прежнему является господствующим творческим методом. Для Китая 80-е гг. явились периодом глобальных перемен, когда старые понятия, системы, модели менялись на новые, которые "нащупывались" почти вслепую. Общество после длительного периода полной изоляции неожиданно "распахнуло двери" западной культуре. Ощущение собственной отсталости заставляло китайцев жадно впитывать все западное, доходило даже до идолопоклонства. Под натиском западных идей прежние литературные понятия, модели, стили и методы разрушались, а на смену им приходили модные "эксперименты", навеянные западными идеями и моделями. "Первыми ласточками" течения модернизма в Китае стали "туманная поэзия", проза "потока сознания", "театр абсурда". В середине 80-х гг. приобретает влияние постмодернизм и его идеи "антикультуры", "антитрадиции" и "антиграмматики" очень скоро находят свое отражение в поэзии. Деконструкция старой формы повествования и композиционной структуры, а также нарушение общепринятых лингвистических норм получили распространение в прозе "авангарда"; требование "экстремальной натуралистичности" нашло отражение в прозе "неореализма". Деконструктивизм проявлялся не только в форме, но и в содержании, а именно: в отказе от главной темы, сюжетности, характеров. Отрицались не только классовые противоречия и классовая борьба, но и марксизм считался устаревшим; отрицались рациональное и этическое, вместо них постулировалось иррациональное, подсознательное, сексуальное начало. Традиционный реализм и его теория типичности постепенно уступили место новым видам реализма - психологическому реализму, конструктивистскому реализму, мифологическому реализму, документальному реализму, современному реализму и т.д. Одним словом, были созданы предпосылки к появлению многополярности.

Однако конец 80-х гг. стал периодом нового переосмысления истории и переломным моментом для китайской литературы, в определенном смысле можно говорить о новом "возрождении" реализма. В 90-е гг. наблюдается поворот от иллюзорности к документальности, от изображения антигероя к воспеванию героических личностей, от антитрадиции, антикультуры, антиреализма идет возврат к уважению традиции, культуры и к реализму; от слепого поклонения и копирования западных моделей к поиску особенностей национального характера. Все эти моменты возникли как бы исподволь, сначала публицистику "о глобальных социальных проблемах", аккумулирующую в себе все темные стороны жизни китайского общества, сменили очерки о выдающихся личностях или успехах проведения реформ и открытой политики, затем появились публицистические романы или документальная проза о событиях современной истории и героях-современниках. Представителям авангардной прозы очень быстро наскучили "забавы" в области формы и языка и большинство ее представителей обратилось к истории, причем в реалистическом отражении. Иногда, правда, "история" в этих произведениях не есть реальная история в ее строгом понимании, а "история" в восприятии субъекта

творчества (например, произведение Су Туна "Рис"). Фан Фан, перу которой принадлежит неореалистическая повесть "Пейзаж", в 90-е гг. занялась документальной прозой, воспевающей героев антияпонской войны ("Наши предки живы в сердце отца"). А еще одна представительница неореализма Чи Ли, отказавшись от своего излюбленного приема "индифферентного стороннего наблюдателя" в последние годы опубликовала эмоционально окрашенную повесть "Рождение солнца" с ярко выраженным авторским началом. Даже Ван Шо, питающий слабость к изображению асоциальных и деградирующих элементов китайского общества "перестроился" и в новом сценарии телесериала "Чаяния" создал образ идеального героя. Героями исторических романов и телесериалов становились реальные исторические личности, от Конфуция до Мао Цзэдуна.

Чжан Цзюнь не отрицает, что тенденция к многополярности в литературном творчестве продолжает сохраняться, однако, считает более целесообразным говорить о "многообразии" и делает акцент на то, что реальная жизнь, будь то история или современность, вновь стали объектом изображения большинства писателей. По его мнению, сегодня в китайской литературе присутствуют три направления - реализм, модернизм, постмодернизм, и хотя сегодня никому не отказывается в праве на свободу выбора творческого метода, реализм и реалистичное отображение действительности вновь становятся ведущим творческим методом.

По мнению Чжан Цзюна, в 90-е гг. литературное творчество наконец-то обрело национальный дух и национальное самосознание в отличие от 80-х гг., когда было очевидное преклонение перед западной культурой. Наступило время говорить о "новом состоянии литературы". Основная черта этого нового состояния заключается в том, что литература стремится стать самобытной и преисполненной подлинным национальным духом. Это не упрощенный возврат к традициям и не отрицание Запада, а привлечение и использование всего позитивного, что могут дать китайская и западная традиции.⁶

В русле дискуссий о многополярности и реализме в 90-е гг. продолжалось обсуждение проблемы отображения действительности в литературе. Перед литературоведами и критиками была поставлена задача дать ответ на два вопроса: 1) каким образом литература должна отображать существующую действительность; 2) какую именно действительность должна отображать литература.

Давая оценку двадцатилетнему периоду развития литературы, критик Юй Кэсюнь называет возврат к традициям реализма главной тенденцией 80-х гг. Анализируя ранний этап развития литературы нового периода, Юй Кэсюнь отмечает, что его основной тенденцией был возврат к реализму, сопровождавшийся настойчивым требованием избавиться от узости "механистической теории отражения". Это означало, что в новых условиях наряду с расширением тематики реалистической прозы также следовало усилить степень субъективного восприятия жизни. Действительно, на том этапе во всех течениях, от "литературы шрамов", "осмысления прошлого" до "литературы реформ", избравших своим творческим методом реализм, наблюдается невиданная до того момента субъективность.

Однако, по мнению критика, со второй половины 80-х гг. писатели увлеклись экспериментированием в области формы, и именно это ослабило внимание к изображению существующей реальности. Критик указывает, что хотя ответственность за спад популярности "чистой литературы" нельзя всецело возлагать на такое экспериментирование, появление во второй половине 80-х гг. течения "неореализма" все же свидетельствует об очередном "реванше"

реалистического направления. В то же время это можно считать проявлением закона "отрицания отрицания" и насущной необходимости вернуться к реализму в его обновленном виде. Возвращение к реалистической традиции, предпринятое приверженцами течения неореализма, могло бы быть более жизнестойким, если бы удалось сбалансировать реалистичность изображаемого и субъективную оценку автора. К сожалению, данному течению было свойственно как раз обратное стремление сохранить "эмоции на нулевой отметке", изображая "голую, объективную реальность", что явилось предпосылкой для очередного "отрицания" теперь уже новыми течениями 90-х гг., представители которых неоднократно подчеркивали свое сущностное отличие от "прозы неореализма".

В качестве одного из характерных признаков течений 90-х стало декларирование внимания к реалистичности изображаемого. По мнению Юй Кэсюня, это следует рассматривать как естественную преемственность творческого духа и художественных изысканий литературы "неореализма". Различие заключается лишь в том, что предпосылкой появления неореализма был творческий "экстремизм" существовавших в то время модернистских течений, чересчур смело экспериментирующих в области формы. Задача, которую перед собой поставили приверженцы неореализма, заключалась в возврате к творческим принципам реализма без каких-либо тематических ограничений (имеется в виду, что описываемые в произведениях события могли быть никак не связаны с реалиями современной жизни китайского общества).

В противовес этому представители новых течений последних лет сосредоточили свое внимание именно на изображении дня сегодняшнего. Редактор журнала "Шанхай вэньсюэ", разъясняя творческие принципы, положенные в основу "прозы заботы о культуре", указывал: "Проза заботы о культуре" - это осмысление национальной культуры на историческом этапе экономического взлета и ускорения модернизации Китая". Представители течения "проза нового состояния" делали упор на то, что именно такая проза есть литература 90-х. В ней изображается меняющееся состояние материального и духовного бытия нашего современника, живущего в эпоху глобальных перемен затрагивающих социальную сферу, экономику и культуру.

"Новая эмпирическая проза" рассматривает правдивость (реалистичность), личную сопричастность как основной критерий искусства. Таким образом, постулируется, что новые течения 90-х гг. являются не только логическим результатом изменений собственно литературы, но и даже в большей степени предопределены стремительными переменами в реальной жизни.

По мнению некоторых критиков, представители современных литературных течений 90-х гг., с одной стороны, унаследовали творческие стремления литературы неореализма, а именно - возврат к основополагающим принципам реализма как творческого метода, с другой стороны, следуют этим принципам на практике, тем самым возвращая реализму его истинную сущность, а не используя их в качестве "декоративных элементов в императорском парке". И в этом определенное превосходство прозы 90-х гг. над ее предшественницей - литературой неореализма. Редактор "Шанхай вэньсюэ" определил сущность прозы "заботы о культуре" как "соответствие общему духу эпохи 90-х." По его мнению, именно в эпоху 90-х, когда китайское общество поворачивается к рыночной экономике, литература должна "заботиться о духовной жизни общества, о душе человека, об этических ценностях", вновь проникнуться гуманизмом".

Приверженцы течения "проза нового состояния" указывали: "Художественная манера, присущая произведениям нашего течения, не та отстранен-

но объективная, с нулевым уровнем эмоциональности, которая характерна для прозы неореализма, а противоположная ей, личностная, характеризующаяся сопричастностью автора к изображаемому. Наша цель - показать реальность через восприятие автора на основе его личного опыта и самопознания".

Одной из главных особенностей течения "новая эмпирическая проза" является "личная сопричастность", которая включает в себе требование "сопричастности субъекта реальному ходу событий". Неудивительно, что появились высказывания, что она является прекрасным образцом "проникновения в происходящее", а это уже свидетельствует о новом интересе к реализму в литературных кругах 90-х, причем, не в трактовке неореализма, а в ином, по их мнению, обновленном виде, главной чертой которого является возврат к "субъективному отношению к изображаемому внешнему миру."

Критик Юй Кэсюнь считает характерной чертой прозы "нового периода" сочетание различных художественных приемов. В начале 80-х это ознаменовало своеобразный протест против единоличного господства метода реализма. На том историческом этапе развития литературы данный протест проявлялся в дозированной заимствовании и использовании приемов западного модернизма. Прием "потока сознания" в произведениях Ван Мэна и других писателей дал возможность раздвинуть границы пространства и времени в реалистической прозе, дать ей большую свободу. Однако творческие эксперименты середины 80-х прервали тенденцию "сочетания, единства" двух методов, реализм и модернизм в прозе вновь разошлись по диаметрально противоположным полюсам. Вплоть до конца 80-х, когда к модернистским и авангардистским экспериментам практически иссяк интерес в литературных кругах (не говоря уже о критиках и читателях), реализм взял своеобразный "реванш", предложив течение "синь сеши" (неореализм). Эта была попытка нового соединения реализма как основы с некоторыми рациональными приемами модернизма. Например, произведения Лю Чжэньюнь являются реалистическими, однако в них автор использует "черный юмор" - типично модернистское художественное средство. В произведениях Чи Ли нередко встречается поток сознания; многие приемы модернизма можно встретить в прозе Фан Фан, Лю Хэна и других. Приставка "нео" (по-китайски - "новый") в прозе неореализма по сути означает новое состояние "гармонии" между различными творческими методами. Если говорить о прозе "неореализма", то очевидно, что демаркационной линией, отделяющей ее и от реализма, и от модернизма, является не объект изображения, а способ изображения.

В свою очередь, течения 90-х есть ни что иное, как естественное продолжение и развитие по горизонтали достигнутого единства. Редакция журнала "Шанхай вэньсюэ", представляя произведения Лю Цзюмина - одного из основателей течения "проза заботы о культуре", отмечала, что в его "прозе соединились дух романтизма с лучшими приемами повествования авангардной прозы". Представители течения "проза нового состояния" заявили о своем намерении разрушить барьеры между "новым и старым", "китайским и западным". "Новое - это состояние настоящего момента, а так называемое "старое" содержится в постоянно сменяющих друг друга новых значениях. Будь то старое или новое, китайское или западное, всему и всем надлежит реалистично относиться к новой эпохе, новой жизни."

Юй Кэсюнь предлагает отнестись новые течения последних лет к идейно-художественному направлению "гуманистического реализма", поскольку все вышеназванные качества прозы 90-х гг., в особенности декларируемое ею "внимание к изображению реальности" или же требование "взаимопроникновения субъекта и реальности" наглядно показывают верность принципам реа-

лизма. Говоря о "гуманизме", критик в первую очередь подразумевает универсальное понятие "гуманистичности" или "гуманности", ибо отличительной чертой новых течений является мощный гуманистический дух, проявляющийся во внимании литераторов 90-х к ежедневно набирающей силу меркантилизации отношений и всесилья рынка в экономике Китая, которые и составляют сегодняшнюю реальность.⁷

Анализируя "судьбу" реализма в современном Китае, профессор Чжан Цзюнь обращает внимание на изменение художественных традиций при столкновении китайской и западной культур. По мнению критика, "основные проявления изменений в области художественных традиций в 90-е годы сводятся к новому подъему реализма - реализма открытого типа - и смене модернизма постмодерном."⁸

С начала 80-х гг. реализм, хотя и испытывал на себе влияние основного своего конкурента - модернизма, тем не менее оставался основным методом в литературе, однако он становился все более и более открытым. К 90-м годам это стало очевидным. Эта открытость неотделима от изменения представлений о литературе. основополагающий принцип реализма "создание типичного героя в типичных обстоятельствах" продолжает учитываться писателями, но в то же время писатели 90-х стремятся изображать действительность и героев во взаимосвязи с культурой и национальными традициями. Местные культурные традиции, национальный менталитет, отношение к жизни, сексуальное сознание - все эти аспекты учитываются при создании образа героя. Кроме того, в реалистических произведениях широко используются приемы и художественные средства модернизма.

В 80-е гг. под влиянием модернизма и постмодернизма появились новые литературно-художественные течения: в поэзии - "гуманная поэзия" и "новое поколение", в драматургии - "экспериментальная драма", в прозе - "авангард", "неореализм". К 90-м гг. влияние постмодернизма на эти течения заметно усилилось. В основном это проявляется в следующем: а) от теории познания повернулись к теории ноумена (вещи в себе); б) посредством "перевернутого" сюжета и "рваной" композиции, скрытого субъекта творчества раскрывается основная тема и основная идея (поворот от теории познания к агностицизму); в) антитрадиционные, антикультурологические, антилингвистические приемы творчества, поиск "архитипа культуры"; г) уничтожение грани между историей и вымыслом, прозой и не прозой, рафинированной литературой и массовой литературой. По мнению Чжан Цзюня, произведения, в которых явно ощущается влияние постмодерна, интересны лишь с точки зрения новаторства формы и "открытия" новых тем, но никак не могут претендовать на главенствующую роль, поскольку они слишком оторваны от реальной жизни, идеологии и эстетических вкусов читателей.

Если вопрос как отображать действительность связан с проблемой реализма, то вопрос о том, какую именно действительность стоит отображать, восходит к проблеме приоритетности темы. Обращение писателей в середине 90-х к изображению наиболее острых социальных тем Сюн Юань связывает с новым подъемом реализма и возрождением социально-проблемной прозы. Критик указывает, что "современная реалистическая проза отказалась от высоких мечтаний, присущих романтическим произведениям предыдущего периода, повернувшись лицом к суровой действительности."⁹ По мнению многих китайских литературоведов и критиков, в числе которых заведующий отделом современной литературы Института литературы АОН Китая, профессор Ян Куанхань и главный редактор газеты "Вэньбао" Цзинь Цзяньфань, во второй половине 90-х гг. проза о социальных проблемах вновь упрочила свое

положение и оказалась в центре общественного внимания. Китайские критики находят этому явлению объективные причины, в частности, обострение проблемы занятости населения, продолжающийся рост безработицы, связанный с начавшейся реформой крупных государственных промышленных предприятий, неравномерность развития разных регионов страны, углубление социальной дифференциации общества, рост коррупции, преступности, наркомании. Документальная и художественная проза, затрагивающая наиболее болезненные проблемы современного общества, встречает горячий отклик читателей и, по мнению китайских критиков, способна привлечь внимание общества к той или иной задаче и способствовать ее разрешению.

Другой особенностью литературной ситуации 90-х гг. является углубленное внимание к теме города. Именно город с его возможностями, страстями и конфликтами в 90-е гг. становится центром политической, экономической и литературной жизни. Критик Ли Цзефэй в статье "Прогресс урбанизации и городская проза" указывает: "Тенденция к созданию подлинно урбанистической прозы в китайской литературе сформировалась лишь в последние два года. Вслед за "рождением писателей нового поколения" (имеются в виду молодые авторы, пришедшие в литературу в "новый период"), мы обнаружили, что городская тема нанесла сокрушительный удар по деревенской тематике и стала наиболее представлена в основном в жанрах рассказа и повести, но не за горами тот день, когда мы увидим ее образцы в жанре романа".¹⁰ Полемизируя с ним, критик Дуань Чунсюань замечает, что "сегодня Китай еще далек от модернизации. Безусловно, бросается в глаза бурный подъем ряда городов и деревень - "миллионеров", но они пока еще не являются преобладающими в экономике страны. Еще хуже обстоят дела со строительством духовной цивилизации, тысячелетняя традиционная культура уже практически утрачена, а модернизация пока находится на этапе становления, Китаю предстоит нелегкий путь перехода от традиционной культуры аграрного общества к современной культуре общества индустриального."¹¹ Поэтому Дуань Чунсюань считает, что основной исторической задачей сегодня является отражение в литературе деревни и крестьянства, что "деревенская проза" не только не исчерпала свои возможности, но способна к новому подъему.

По мнению критика, в современной китайской литературе городская проза напоминает ребенка-инвалида. Это связано с тем, что даже крупные города по существу есть не что иное, как разросшийся поселок. В эпоху господства плановой экономики в отношении города и деревни проводилась одна и та же политика, сознание горожан не имело коренных отличий от сознания крестьян. На такой культурной почве не могла зародиться подлинная городская проза. Подлинная городская проза - это субпродукт рыночной экономики, естественный результат постепенного формирования социального слоя горожан, именно это мы и наблюдаем в последние годы. Дуань Чунсюань замечает, что городская проза в настоящий момент пока переживает этап своего становления, это ее юношеский период. Тематика весьма ограничена, в основном не выходит за рамки изображения высших слоев общества, крупных банкиров и бизнесменов, "белых воротничков" и клерков (мелких служащих и городской интеллигенции), многие социальные слои городского населения не являются пока объектом литературы. В идейном плане также ощущается поверхностность, в большинстве произведений изображается чувство подавленности, безысходности, которые присущи интеллигенции, нет глубокого анализа такой основной и масштабной темы, как "человек и город". Если сравнить уровень городской и деревенской прозы, то сравнение будет, увы, не в пользу первой. Поэтому критик делает вывод, что "хотя в настоящий момент в дере-

венской прозе наступило сравнительное затишье, однако она обладает долгими и прекрасными литературными традициями, базируется на реальной жизненной почве, в этом направлении работали и работают несколько поколений талантливых писателей, все это вселяет уверенность, что сегодняшнее молчание - временное явление."¹²

Безусловно, кроме двух тем - города и деревни, достаточное внимание критика уделяла произведениям исторической и военной проблематики, однако основной "центр тяжести" приходится именно на эти две темы, поскольку приоритет любой из них может стать существенным фактором, определяющим дальнейшее развитие китайской литературы в целом.

Немаловажной особенностью литературной ситуации в 90-е гг. является углубление процесса "меркантилизации" литературного творчества и включение литературного дела в рыночные отношения. Критика отмечает, что со второй половины 80-х гг. в китайском обществе и в китайской литературе происходили серьезные изменения, вызванные углублением экономических реформ и установлением рыночных отношений. К примеру, в середине 80-х гг., хотя и шли дискуссии о "меркантилизации" литературы, лишь немногие критики решались говорить об этом положительно, основной же тенденцией являлось негативное отношение к подобному явлению. В конце 80-х вслед за дальнейшим, более глубоким развитием реформ и усилением открытости факторы рыночной экономики играли все большую роль, к тому же и сам рынок день ото дня становился все оживленнее, заставляя некоторые виды литературы (в первую очередь, массовую) учитывать жесткие требования рынка. Именно конец 80-х можно считать временем официального признания литературы как товара. Тем не менее, в тот момент влияние рынка на литературу не было всеобъемлющим, поскольку продолжала действовать система планового производства и сбыта. Хотя в воздухе уже ощущалось предчувствие "грозы", "чистой литературе", несмотря ни на что, удавалось сохранять свои позиции.

С начала 90-х гг. ситуация изменилась. "Рынок не только стал центром вращения национальной экономики и общественной жизни, но и главным источником и причиной новых изменений в национальном сознании и мировоззрении, образе действий (поведении), национальной психологии, интересах и привычках."¹³ Это касается не только сферы материальной культуры, но в равной степени и духовной. В изменившейся ситуации писатель не может обращаться с читателем как с пассивным объектом воздействия, объектом воспитания. Напротив, сегодня читатель - это основной субъект потребления и "бог" рынка, именно он обладает правом выбора и определяет производство литературы. Добавим реформу в сферах, непосредственно связанных с изданием книги (они целиком и полностью перешли на рыночную форму хозяйствования), которая также заставляет литературу соответствовать новой рыночной ситуации и удовлетворять потребности субъекта потребления.

Профессор Чжан Цзюн, анализируя влияние рынка на современную литературную ситуацию в КНР, указывает, что "если литература поступает на рынок в качестве товара, то на ее производство и потребление не может оказывать влияние покупательский спрос. В зависимости от общеобразовательного и культурного уровня потребности различных социальных слоев населения не одинаковы, поэтому спрос находят следующие виды литературы: а) совершенные по форме и содержанию высокохудожественные произведения; б) новые произведения, причем новизна формы вторична по отношению к новизне темы, сюжета, персонажей; в) скандальные произведения, главным образом описывающие секс и насилие."¹⁴

По сравнению с 80-и гг. количество читателей уменьшилось, да и время на чтение сократилось. Снижение объемов продажи книг и журналов стало общей тенденцией 90-х, чего нельзя сказать об объеме выпускаемой печатной продукции в целом. Кроме того, весьма опасного конкурента для художественной литературы представляют собой научно-популярные издания, приобретающие все больший спрос. Внутри литературы также наблюдается конкуренция, например, массовая литература пользуется преимуществом по сравнению с "высокой" литературой.

Учитывая требования рынка, сегодня складывается следующая ситуация. Во-первых, все большую привлекательность приобретает документальная литература (цзиши вэньсюэ), динамично развиваются такие жанры, как очерк (баогао), документальная проза (цзиши) и мемуары (чжуаньцзи). Во-вторых, набирает силу историческая проза, причем интерес вызывает как недавняя история, так и события древности. Можно отметить, что к исторической тематике обратились сегодня многие представители течений "авангарда" и "неореализма", например Су Тун ("Жизнь моего императора"), Гэ Фэй ("Враги"), Юй Хуа ("Классическая любовь", "Кровавые цветы дикой сливы"), Фан Фан ("Память о предках в сердце моего отца"), Чи Ли ("Предумышленное убийство"), Лю Чжэньюнь ("Родная деревня. Просторы. Желтые цветы"). В-третьих, наблюдается новый подъем в жанре романа. В 90-е гг. многие писатели обратились к жанру романа, предпочтение отдавалось многотомным романам, дилогиям и трилогиям, например, получили хорошие отзывы такие произведения, как "Сезон любви" Ван Мэна и "Ветер свистит в ушах" Лю Синью, "Истоки родов Бай и Лу" Чжан Чэнчжи, шеститомный роман Чжоу Эрфу "Стена протяженностью в десять тысяч ли".

Размышляя о литературной ситуации 90-х гг. и о выборе, который предстоит сделать китайской литературе на пороге грядущего столетия, Чжан Цзюнь приходит к выводу, что, исходя из условий и задач строительства социализма с китайской спецификой, следует обращать внимание на следующие моменты:

1. В многослойной структуре литературы необходимо поддерживать развитие элитарной, высокой литературы, в то же время развивать и массовую, популярную литературу. Достичь того, чтобы китайская литература стала частью всемирной литературы.
2. Среди многообразных литературных течений следует продолжать вести поиск новых творческих форм, но еще более важно развивать традиции реализма.
3. Придерживаясь тематического многообразия, по-прежнему следует уделять особое внимание темам революционной истории и современности.
4. При богатстве идейного содержания литературы особое внимание следует уделять социалистическим патриотизму, коллективизму, революционному героизму, революционному оптимизму.

На пороге нового века китайской литературе необходимо покончить с копированием западных идей и моделей и более смело развивать свои национальные особенности и творческую независимость.¹⁵

Анализируя оценки китайских литературоведов и критиков литературной ситуации, можно говорить о том, что в 90-е гг. в литературных кругах КНР отказались от практики "общих убеждений". Мир, где все говорят на одном языке, прекратил свое существование. Абсолютных истин больше нет, наиболее значимым подходом к культуре становится релятивизм. Некоторые критики оценивают литературную практику 90-х гг. как "возврат к истинному искусству", "возврат к народному творчеству", "возвращение к жизни", дру-

гие, например Дуань Цзунсюань или Ли Гуйшань, по-прежнему отстаивают неизбежность основополагающего принципа реализма "создания типичного героя в типичных обстоятельствах", третьи, к примеру литературоведы Чжан Цзюнь и Чжу Чжай, напоминают о важности принципа социально-исторического детерминизма и указывают, что принижение роли и значения объекта и объективной реальности вплоть до полного их отрицания в пользу субъекта и субъективных ощущений не может не сказываться на художественной и социально-исторической значимости произведений. Потребность и возможность китайских литературоведов и критиков открыто высказывать зачастую полярные точки зрения может служить доказательством стабильного и нормального развития творческого процесса.

1. Вэнь бао. 1995. 25 февраля.
2. Чэнь Цзюньтао. Литературная ситуация в КНР в 90-е годы и китайские писатели // Чжунго вэньхуа яньцзю. № 19. 1998. С. 103. (На кит. яз.)
3. Вэнь бао. 1995. 11 марта.
4. Чжан Цзюнь. От деконструкции к реконструкции - новое состояние литературы 90-х // Выбор и возвышение литературы: Хайся вэнь чубаньшэ. 1997. С.133-142.
5. Чэнь Цзюньтао. Эпоха многополярности в литературе // Реакция литературных кругов: Цзефанцзюнь чубаньшэ. 1996. С.3-4.
6. Чжан Цзюнь. Там же. С. 133-142.
7. Юй Кэсюнь. Новые лозунги наших прозаиков и гуманистический реализм // Вэньсюэ пилунь. №2. 1996. С.76-83. (На кит. яз.)
8. Чжан Цзюнь. Выбор и путь литературы // Указ.соч. С. 125-127.
9. Вэнь бао. 1997. 4 марта.
10. Вэнь бао. 1995. 23 ноября.
11. Дуань Цзунсюань. Меморандум о деревенской прозе // Сяошо юэбао. № 10. 1996. С.106. (На кит. яз.)
12. Дуань Цзунсюань. Там же. С.108.
13. Юй Кэсюнь. Там же. С.76.
14. Чжан Цзюнь. Выбор и путь литературы // Указ. соч.С.123-132.
15. Чжан Цзюнь. Там же. С.129-131.

Научная жизнь

Китай, китайская цивилизация и мир X Международная научная конференция

22-24 сентября 1999 г. в Институте Дальнего Востока Российской Академии наук состоялась X Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы", организованная Научным советом по проблемам комплексного изучения современного Китая Отделением международных отношений РАН совместно с Институтом Дальнего Востока РАН и Ассоциацией китаеведов.

В этом году конференция была посвящена 50-летию юбилею Китайской Народной Республики, и в этой связи была определена ее тема – «Китай на пути модернизации и реформ».

Работа секций велась по четырем направлениям: «Социально-экономические проблемы модернизации», «Внешняя политика КНР. Стратегическое партнерство России и КНР на рубеже веков», «Особенности политических процессов в условиях модернизации. История и историография», «Философия, культура и религия Китая».

В работе конференции наряду с российскими китаеведами и востоковедами из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Томска приняли участие ученые из различных научных центров Китайской Народной Республики (Академии общественных наук Китая, Шанхайской АОН, Ляонинской АОН, Пекинского университета и др.), представители посольства КНР в РФ, исследователи из Италии, США, Республики Корея, Японии.

Конференция и первое пленарное заседание были открыты член-корреспондентом РАН, директором Института Дальнего Востока РАН, профессором М.Л. Титаренко. В своем выступлении он тепло поздравил китайских коллег с приближающимся национальным праздником, особо подчеркнув, что успехи и опыт КНР по решению проблем нищеты и отсталости имеют мировое значение. М.Л. Титаренко также обратил внимание участников конференции на тот факт, что в этом году мы отмечаем 50-ую годовщину установления дипломатических отношений между КНР и Россией и 50-летие Общества российско-китайской дружбы. С приветственным словом к участникам конференции обратился Чрезвычайный и Полномочный посол КНР в РФ У Тао. Он особо отметил, что на пороге нового века отношения между КНР и Россией вступили в беспрецедентный этап благоприятного развития. Налажены партнерские отношения стратегического взаимодействия, обращенного в XXI век. Это создает хорошие условия для сотрудничества в различных областях и в особенности для постоянного и устойчивого развития торгово-экономических

связей. От имени китайского правительства и посольства КНР в РФ господин У Тао пожелал Российской Федерации процветания, а российскому народу счастья и благополучия. Академик РАН С.Л. Тихвинский поприветствовал теплыми словами участников и гостей конференции. Профессор университета «Ля Сапиенца», член Правления Европейской ассоциации китаеведов П. Коррадини приветствовал собравшихся от имени китаеведов Европы, выразив надежду на дальнейшее укрепление научных связей с российскими китаеведами. Он сообщил, что Правление Европейской ассоциации китаеведов приняло решение о проведении конференции ЕАК 2002 года в Москве, а также пригласил российских китаеведов принять участие в конференции ЕАК, которая состоится в 2000 г. в Турине. Академик РАН В.С. Мясников пожелал конференции успешной работы от имени Отделения истории РАН и Российской ассоциации китаеведов.

В докладе профессора Сюэ Цзюнь-ду (президент Фонда Хуан Сина /США/, член Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии) «Комментарии к историографии революции 1911 г. Двойное руководство Сунь Ятсена и Хуан Сина» прозвучала новая оценка деятельности и роли Сунь Ятсена в период Синьхайской революции. Так, Сюэ Цзюнь-ду считает, что культ Сунь Ятсена, поддерживавшийся как гоминьдановским правительством на континенте и на Тайване, так и руководством КНР отодвинул в тень имя другого руководителя Синьхайской революции – Хуан Сина. Он был военным руководителем революции и сооснователем республики в Китае. Ранняя смерть Хуан Сина и ряд других обстоятельств политического характера способствовали тому, что Хуан Син в Китае был предан забвению. В результате политики открытости и реформ стал возможен перевод на китайский язык книги Сюэ Цзюнь-ду «Хуан Син и китайская революция», изданной в Стэнфорде в 1961 г. Эта работа имела большой резонанс по обеим сторонам Тайваньского пролива. Несмотря на то, что культ Сунь Ятсена все еще имеет место, на Тайване и в континентальном Китае прошло несколько конференций, посвященных Хуан Сину. Стали возможны независимые и объективные анализ и обсуждение, без которых невозможно объективное изучение новой истории Китая.

Доклад профессора Ши Чжунцюаня (Институт по изучению истории КПК при ЦК КПК /КНР/) «Исторические перемены в новом Китае за 50 лет» был посвящен величайшим достижениям нового Китая. Китай за 50 лет, прошедших после образования КНР в ходе поиска социалистического пути, соответствующего китайской действительности, несмотря на определенные зигзаги и повороты, из полуколониальной, отсталой страны превратился в суверенное государство, проводящее независимую внешнюю политику, имеющее высокий международный авторитет и современную промышленность. Китайский народ может по праву гордиться своими успехами, приведшими в короткие исторические сроки к возрождению китайской нации. Он выразил уверенность в том, что в предстоящие 50 лет, к середине следующего столетия «великая китайская нация будет играть в мировом сообществе еще большую роль».

В докладе профессора Т.Ямада (Университет Кэйо /Япония/) «Китайско-японские отношения в исторической перспективе» значительное внимание было уделено проблеме периодизации. Т.Ямада предложил отодвинуть истоки современных китайско-японских отношений ко временам позднего Эдо – раннего Мэйцзи и поздней империи Цин. Исходя из этого, можно выделить следующие четыре периода: 1/ середина XIX в.; 2/ конец XIX в. – 1920-е годы (период революции 1911 г. и Национальной революции); 3/ 1930-1940-е годы (китайско-японская война); 4/ 1945 г. – по настоящее время (китайско-япон-

ские отношения в послевоенный период). «Отношения между двумя странами, - отметил докладчик, являют собой смешение трех моментов: взаимозависимость, конкурентное сосуществование и антагонизм. Взаимозависимость всегда включала элемент конкуренции, а при неправильном отношении к конкурентным отношениям их легко заменить антагонизмом. Эти три момента существовали в истории китайско-японских отношений всегда».

Д.э.н. Наумов И.Н. (ИДВ РАН) в докладе «Глубокая научно-техническая реконструкция народного хозяйства как способ выживания КНР В XXI веке» обратил особое внимание на тот факт что в такой гиперперенаселенной стране, какой является Китай, экстенсивный способ производства, базирующийся на примитивной дешевой технике, стал способом выживания колоссального населения и одновременно одним из способов повышения темпов экономического роста, зачастую сумбурного, создающего хаос в народном хозяйстве в целом. Наиболее отчетливо этот способ проявился в очень высоких трудо-, энерго- и материалозатратах на единицу продукции, в низком коэффициенте использования энергоресурсов, сырья, материалов, воды и т.д. Стратегическая задача Китая до 2020 г., по мнению докладчика, состоит в глубокой научно-технической реконструкции народного хозяйства, которая должна стать основой выживания Китая в XXI в.

Профессор Коррадини П. (университет «Ля Сапиенца» /Италия/) в своем докладе «Коррупция в Пекине: дело Чэнь Ситуна» проанализировал причины распространенности коррупции в Китае и пришел к заключению, что несмотря на то, что практика взяточничества предана в стране широкой гласности, тем не менее относительная снисходительность и мягкость приговоров заставляет вспомнить старую китайскую поговорку «бить по комарам и бабочкам, а не по тиграм». Китайское руководство хочет бороться с коррупцией, но лишь до определенного предела: оно ударяет и по тиграм, не уничтожая их, однако, полностью. Только дальнейшее развитие событий сможет показать, преуспеет ли Китай в освобождении от этой разновидности паразитизма, которая может подорвать его жизненную энергию, считает П. Коррадини.

В докладе профессора Ши Цзе (Институт международных проблем МИД КНР) «Перспективы развития российско-китайских отношений в XXI в.» прозвучала позитивная оценка перспектив развития межгосударственных отношений в связи с общностью интересов КНР и РФ по созданию справедливого и рационального нового международного и экономического порядка. Недопустимо, подчеркнул Ши Цзе, чтобы мировые дела вершились каким-то одним государством или блоком государств. И Китай, и Россия выступают против монополярности мира, за создание такого миропорядка, который в первую очередь был ориентирован на обеспечение развития и создания для всех стран мира стабильной международной обстановки. В международных делах необходимо поднимать ведущую роль ООН - самой представительной межправительственной организации, в которую входит большинство стран мира. КНР и РФ должны полностью использовать свой экономический потенциал для дальнейшего увеличения масштабов и подъема качества торгово-экономического сотрудничества на благо обеих стран.

Второй день работы конференции был посвящен свободному обмену мнениями участников конференции на тему «Успехи и вызовы модернизации и реформ в Китае» в рамках «круглого стола». Оргкомитетом конференции был предложен к обсуждению ряд конкретных вопросов:

«Китайская модель развития на пороге XXI века: поиск ответов на внутренние и внешние вызовы»;

«Китайская модель развития: ее влияние на АТР в XXI веке»;

«Может ли КНР стать сверхдержавой XXI века?»;

«Рынок и социальные проблемы в КНР»;

«Конфуцианские (восточноазиатские) ценности и прогресс экономики в Восточной Азии».

Участники «круглого стола» основное внимание уделили проблемам трансформации модели экономического развития Китая в XXI в. и месту КНР в мировой политике и экономике. В дискуссии приняли участие более 20 ученых, в том числе и четверо китайских коллег. Наибольший интерес и дискуссионность вызвали два вопроса: «роль конфуцианства в экономическом развитии Китая» и «станет ли Китай в ближайшие 10-20 лет новой сверхдержавой». По первому вопросу мнения разделились. Ряд исследователей высказались за то, что конфуцианство не просто не совместимо с процессами модернизации и реформирования китайского общества, но противоречит целям и методам осуществления реформ. Другие же, напротив, придерживались точки зрения, что китайские реформы приведут к становлению в Китае «конфуцианского капитализма» - наподобие той модели, которая существует в Японии, Южной Корее, на Тайване и в Сингапуре. Что касается возможности превращения КНР в сверхдержаву, наиболее оптимистические прогнозы высказали российские участники «круглого стола». Китайские ученые, а также ряд российских исследователей, указывали на относительную неразвитость китайской экономики и общества, которая вряд ли будет преодолена за ближайшие 20 лет. Более того, китайские коллеги настаивали на том, что Китай и не ставит перед собой задачу превращения в сверхдержаву, поскольку подобного рода планы могут вызвать недоверие к КНР соседней по региону и помешать реформам. В целом «круглый стол» стал интересным дополнением к пленарным и секционным заседаниям конференции.

23 сентября в Посольстве КНР в РФ прошла презентация книги «Китай на пути модернизации и реформ», подготовленной к 50-летию образования Китайской Народной Республики. Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ господин У Тао в своем выступлении высоко оценил это юбилейное издание. По его мнению, авторский коллектив, включающий помимо российских исследователей китайских ученых и дипломатов, предпринял успешную попытку комплексного анализа сложного поиска КНР путей преодоления отсталости и превращения страны в процветающее государство с высоким качеством жизни населения, современной экономикой, культурой и наукой. Ответственный редактор книги, член-корреспондент РАН М.Л. Титаренко поблагодарил господина посла за добрые слова, прекрасную организацию презентации, поздравил сотрудников посольства и китайский народ с приближающимся национальным праздником и просил принять в дар несколько экземпляров книги для высших руководителей КНР - Цзян Цзэминя, Ли Пэна и Чжу Жунцзи.

Пленарное заседание 24 сентября открылось докладом профессора Юй Суя (Китайский Центр по исследованию современного мира /КНР/) «Мировая архитектура и китайско-российские отношения после «холодной войны». Анализируя современную международную ситуацию (расширение НАТО на Восток, война в Югославии), Юй Суй определил ее как «холодный мир». Под лозунгами глобальной демократизации США, по его мнению, развязали новую «холодную войну» против непослушных им стран, превратив НАТО в «полицию мира». КНР выступает против строительства нового миропорядка по-американски. Он особо подчеркнул позитивное значение в современном мире позиции КНР и России, изложенной в совместной Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка.

Доклад профессора Ларина В.Л. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДНЦ РАН) «Дальний Восток России в российско-китайском стратегическом партнерстве XXI в.» развил тему стратегического партнерства, поставив вопрос о возможности существования противоречий между КНР и РФ в условиях стратегического партнерства. Выступавший отмечал, что игра дальневосточных лидеров в самостоятельность и акцентирование внимания местными СМИ на отрицательных моментах российско-китайского взаимодействия, антикитайский тон и содержание материалов прессы, бесспорно, подрывают идею стратегического партнерства. Непрофессионализм местных политиков, их сиюминутные политические интересы наносят урон российско-китайским отношениям. Ларин В.Л. подчеркнул, что у Дальнего Востока и Китая, бесспорно, есть обоюдный интерес к сотрудничеству на основе взаимодополняемости экономик, что является объективной основой для развития взаимовыгодного сотрудничества.

Профессор Чжу Мацзе (Шанхайский институт международных исследований /КНР/) в своем докладе «Китай: стратегия экономического развития и система рыночной экономики» обратил внимание на тот факт, что несмотря на то, что КНР достигла значительных успехов и в экономическом, и в социальном развитии, в новом веке Китай столкнется с весьма серьезными вызовами как внутри страны, так и за ее пределами. Банковская система КНР все еще не соответствует тенденциям мировой экономики, ее законодательство требует постоянного совершенствования. На современном этапе развития рыночная система Китая не является ни совершенной, ни сбалансированной. Приоритет должен, бесспорно, отдаваться развитию таких факторов производства как рынок капиталов, рынок труда и рынок технологий. Необходимо отметить, что Китай не располагает достаточным опытом в развитии рынка капиталов, более того слабая законодательная база регулирования этого рынка не может не создавать дополнительные проблемы в этой сфере.

Доклад профессора Кондрашовой Л.И. (ИМЭПИ РАН) «Концепция «модернизации» в контексте китайской социально-экономической стратегии» привлек внимание аудитории остротой поставленных проблем. Хотя Китай придерживался «эндогенной» модели модернизации, он не избежал мощного влияния вестернизации. Общее повышение жизненного уровня населения произошло при значительном копировании потребительских стандартов Запада и с отступлением от одного из важнейших «идеалов модернизации» – выравнивание социальных и экономических условий. В общих чертах речь идет о выборе между инвестиционно-ориентированной и потребительски-ориентированной моделями. Однако дальнейшее развитие Китая в «имитационном русле» при все более очевидной ориентации на западную систему ценностей таит в себе две главные угрозы. Во-первых, постепенный подрыв коллективистских традиций и принципа социальной справедливости, который лежит в основе «социализма с китайской спецификой». Во-вторых, дальнейшее ухудшение экологической ситуации. Китаю, считает Л.И. Кондрашова, «противопоказана ориентация на «потребительское общество».

В докладе к.и.н. Смирнова Д.А. (ИДВ РАН) «Основные моменты формирования политики модернизации КНР» была прослежена эволюция теории модернизации от первых попыток осуществления модернизации с помощью применения передовой европейской науки, техники и вооружения во второй половине XIX в., посредством программы Сунь Ятсена по построению высококачественного государства до XУ съезда КПК в 1997 г., на котором теоретическая система осуществления социалистической модернизации была официально объявлена идейно-теоретической платформой партии. Касаясь проблем поли-

тической реформы, Смирнов Д.А. отметил, что эта реформа идет прежде всего по линии внедрения в административную практику и общественное сознание принципа «управления государством на основе закона», в соответствии с которым в период реформ разрабатывается законодательство, регламентирующее все стороны жизни общества и государства. При этом особое значение придается укреплению правящей партии и приспособлению форм, методов ее деятельности и идеологической платформы к требованиям времени.

В заключение были заслушаны выступления руководителей секций. Руководитель секции «Социально-экономические проблемы модернизации» к.и.н. В.Я. Портяков сообщил, что на трех заседаниях секции было заслушано 15 выступлений, в том числе 3 – ученых из КНР. Он подчеркнул разнообразие обсужденных в ходе работы секции вопросов: перспективы модернизации китайской деревни (к.э.н. Л.А. Волкова и к.э.н. Е.В. Бубенцов), новые тенденции в развитии потребительского рынка (В.В. Жигулева), рыночные преобразования (д.э.н. В.В. Карлусов), социальные последствия экономических реформ (к.э.н. С.С. Емельянова и к.э.н. Е.Ф. Селиванова), проблемы конверсии оборонных предприятий (П.Б. Каменнов), проблемы интеграции Китая в мировое хозяйство (к.и.н. А.А. Козлов), последствия финансового кризиса для внешнеторгового комплекса КНР (к.э.н. И.Б. Шевель). Весьма интересным, с точки зрения сопоставления с российскими реалиями, представляется доклад «Проблемы морали в китайских экономических дискуссиях 90-х годов» (к.э.н. О.Н. Борох). В Китае, как и в России, все большее неприятие общества встречают попытки экономистов либерально-рыночной ориентации вывести проблемы справедливости из налогообложения, распределении доходов и т.п. за рамки предмета исследований экономической науки. Значительный интерес вызвали выступления китайских коллег – Пань Шивэя (Федерация обществоведов Шанхая) на тему «Экономика Шанхая перед лицом вызова», Чжао Шигана (Центр документации при ЦК КПК), осветившего коренные причины приверженности Китая социалистическому выбору в ходе осуществления экономической реформы, Хоу Цзиньгуана (Сямэньский университет), рассказавшего о решении вопроса задолженности государственных предприятий перед банками – одной из самых злободневных проблем для Китая.

Руководитель секции «Внешняя политика КНР. Стратегическое партнерство России и КНР на рубеже веков» д.и.н. А.Г. Яковлев сообщил, что было заслушано 11 из 26 представленных докладов. Работа секции привлекла внимание участников конференции, в том числе и иностранных коллег из КНР, Японии, Республики Корея. Доклады были посвящены актуальным вопросам, представляющим значительный научный и практический интерес. Наиболее оживленную дискуссию вызвала поднятая в докладе А.Г. Яковлева проблема геополитической структуризации мирового сообщества. Практически все выступившие критически отнеслись к возможности создания многополюсного мира, характеризуя эту концепцию как мало реалистичную. Вместе с тем, такой тезис вызвал возражение китайских ученых, поскольку в научных кругах Китая концепция многополярного мира не вызывает споров, находя единодушную поддержку. Большинство участников дискуссии считали неизбежным возврат к биполярной системе. Подчеркивая однако, что он произойдет на новой основе, а именно на основе объединения стран, испытывающих прессинг со стороны США, в целях противодействия этому давлению. Именно объединение на этой основе и составит новый полюс в новом биполярном мире. Оживленно обсуждался вопрос об отношениях между КНР и Республикой Корея. Высказывалась точка зрения, что на нынешнем этапе ни одна из сторон, причастных к решению корейской проблемы, фактически не заинтересована в

объединении двух корейских государств. Из других проблем, обсуждавшихся на секции, можно отметить следующие: необходимость четкого определения национальных интересов России, состояние и перспективы активизации участия РФ в региональных делах АТР, перспективы развития отношений в «треугольнике» Китай – США – Япония. Нашли поддержку участников обсуждения положения доклада д.и.н. Б.Т. Кулика, исходящие из тезиса о том, что основное содержание линии Пекина в отношении Советского Союза определялось главными факторами внутренней политики КНР.

Руководитель секции «Особенности политических процессов в условиях модернизации. История и историография» д.ю.н. Л.М. Гудошников сообщил, что были заслушаны и обсуждены два блока докладов – политологический (10 докладов) и исторический (5 докладов). Заседания секции открыл доклад д.и.н. Н.Л. Мамаевой «КПК и политическая реформа с китайской спецификой». Вопросам, связанным с политической реформой, был посвящен и доклад А.В. Шитова, озаглавленный «От главенства личности к главенству закона – важная тенденция политической реформы в КНР». Резюмируя выступления по этой проблеме, следует отметить важный вывод – необходимость поддержания социально-политической стабильности ограничивает политическую реформу в КНР некоторыми нововведениями в рамках существующего партократического режима. Реформа на нынешнем этапе главным образом направлена на совершенствование административного аппарата и наращивание пласта законодательства. Эти явления весьма положительные, но о широкой демократизации вопрос практически не ставится. Выступая в прениях, профессор Чжу Цзяму (Центр документации при ЦК КПК /КНР/) подчеркнул, что, исходя из точного значения китайского термина «гайгэ», можно говорить только лишь об улучшении существующей политической системы. Такая же позиция была отражена в тезисах доклада профессора Лю Итао (Центр по изучению истории КПК при ЦК КПК): «Среди всех видов стабильности главной является политическая стабильность, а в ней самым важным звеном является решительная поддержка руководства коммунистической партии». Представляется интересным вывод д.и.н. А.А. Москалева, выступившего с докладом «Теоретическая база национальной политики КПК и ее эволюция» о том, что ранний (в 50-е годы) отказ китайского руководства от советских наработок и шаблонов в решении национального вопроса имел несомненное положительное значение для стабильности китайской государственности. В.И. Антонов проанализировал в своем сообщении кадровые изменения последнего времени, отметив дальнейшее омоложение кадрового состава, рост его образовательного уровня, увеличение числа членов КПК в корпусе законодателей. Два доклада на секции были посвящены полувековым юбилеям НПКСК и ВКФЖ (к.и.н. Г.А. Степановой и Т.М. Емельяновой), в них был не только дан обзор исторических путей этих организаций, но представлены новейшие данные по темам. В докладе д.ю.н. Л.М. Гудошниковой была предпринята первая в отечественном китаеведении попытка анализа основных черт установившейся в Аомыне правовой системы, основанной главным образом на португальском законодательстве, и процесса ее приспособления к местным условиям. Ряд научных докладов по исторической тематике был основан на изучении новых архивных документов, в том числе документов, вошедших в сборники «ВКП(б), Коминтерн и Китай», три тома которых уже опубликованы. Использование этих документов позволило докладчикам поставить несколько существенных общих вопросов, связанных с разработкой концепции китайской революции ВКП (б), Коминтерном и КПК. В докладе д.и.н. А.М. Григорьева был рассмотрен дискуссионный вопрос о соотношении идеологических и нацио-

нально-государственных, идеологических и внутривластных факторов в формировании левацкого курса китайской политики ВКП(б) и Коминтерна в конце 20-х – первой половине 30-х годов. В докладе д.ю.н. А.И. Картуновой рассмотрены новые подходы к такой важной теме истории китайской революции 1925-1927 гг., как отношение Москвы к разрыву с Чан Кайши в январе-апреле 1927 г. По ее мнению, сторонником разрыва был Бородин, исходивший из неверной оценки соотношения сил. В докладе профессора Ли Юйчжень (Институт новой истории АОН Китая /КНР/) было рассмотрено влияние ряда коминтерновских установок, в частности на политику КПК 20-30-х годов, на подготовку кадров и политику в отношении крестьянства. Оживленные прения по докладу вышли далеко за пределы темы доклада. В частности, ею было высказано мнение, поддержанное и другими китайскими участниками, о невозможности трактовки современной политики реформ и открытости как варианта российского НЭПа.

Руководители секции «Философия, культура и религия Китая» к.филос.н. В.Ф. Феоктистов и д.филол.н. В.Ф. Сорокин отметили разнообразие проблем, поднятых и обсужденных в ходе работы секции. Было представлено 22 доклада, выступили 16 человек. В работе секции приняли активное участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Читы, Новосибирска, из КНР, Италии. Наибольший интерес вызвали доклады, в которых поднимались вопросы роли традиций в современной духовной жизни Китая, освещались новые тенденции в религиозной ситуации и содержались попытки прогнозирования развития философии в Китае в XXI веке. В своем докладе «Китайская философия на пороге XXI века» к.ф.н. В.Ф. Феоктистов высказал мнение, что основные рационалистические положения и концепции китайской классической философии будут жить и развиваться и в XXI в. поскольку они, во-первых, составляют важнейшую часть духовного наследия Китая, его традиционной философской культуры, без которой невозможно дальнейшее ее развитие, а, во-вторых, многие важнейшие положения классической философии Китая несут в себе общечеловеческое, глубоко рациональное и гуманистическое содержание, которое может и должно получить развитие и в будущем тысячелетии. Аналогичная точка зрения прозвучала и в выступлении д.филос.н. А.Е. Лукьянова, который в своем докладе «Правительственный аппарат Поднебесной в архетипе культуры Дао» убедительно продемонстрировал жизненность традиционного структурно-функционального архетипа культуры Дао и его роль в современной жизни Китая. Он особо подчеркнул преемственность определенных черт этой культуры в современных исторических условиях – в период реформ, открытости и модернизации, которая обусловлена традиционностью задач, вставших перед нынешним руководством Китая – необходимостью воспитания нового человека, построения новой духовной культуры и т.д. Именно в этом видит А.Е. Лукьянов проявление генетической преемственности в развитии национальной культуры и механизма формирования политической элиты Китая. Большой интерес вызвал доклад председателя Всекитайского общества изучения «И цзина», профессора Чжу Гаочжэна – о влиянии европейской мысли на Китай. В нем основное внимание было уделено раскрытию механизма воздействия философии и политических теорий Европы на духовную жизнь Китая, ее взаимодействию и совместимости с традиционной китайской политической культурой и характеристике национальных особенностей социализма в Китае. Д.и.н. Л.С. Переломов осветил вопросы отношения к конфуцианству в современном Китае и роли конфуцианской идеологии в становлении политической культуры в материковом Китае и на Тайване. С интересом был воспринят аудиторией доклад к.ф.н. А. В. Лома-

нова «У Яоцзун и идеология китайского протестантизма второй половины XX в.» К.и.н. С.А. Горбунова подробно осветила современное состояние буддийской санги в Китае, связав этот вопрос с празднованием в стране 2000-летия прихода буддизма в Китай. В докладе к.ф.н. Д. Г. Главевой был подробно рассмотрен вопрос о деформации основных концепций классической буддийской философии в традиционной японской культуре. Профессор Цянь Шимин (Пекинская Академия искусств) изложил свое оригинальное понимание роли конфуцианских канонических книг в развитии духовной культуры Китая и подчеркнул огромное значение прогрессивных тенденций традиционной китайской философии в процессе дальнейшего обновления нового Китая. Вопросам восприятия китайской медицины в России был посвящен совместный доклад профессоров Медицинской Академии им. Сеченова Ю. Артамонова и Ли Мина. Одно из секционных заседаний было посвящено вопросам культуры: модернизация в области народного образования (к.ф.н. Н.Е. Боровская), проблема существования течения «постмодернизма» в китайской литературе «постнового периода» – после 1987 г. (д.ф.н. В.Ф. Сорокин)), взаимоотношения художника и власти (на примере фильма «Ода империи Цинь» д.и.н. С.А. Торопцев), особенности творчества Лао Шэ (А.А. Родионов), влияние советской литературы на китайскую (к.ф.н. А.Н. Желожовцев).

При закрытии конференции член-корреспондент РАН, профессор М.Л. Титаренко в своем заключительном слове подчеркнул, что X Международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир» стала общероссийской трибуной для обмена мнениями китаистов и востоковедов. «Круглый стол» способствовал творческому обогащению ученых, обмену мнениями среди китаеведов и политологов по актуальным проблемам современного Китая. Дискуссии в рамках «круглого стола», выявив различные точки зрения и разные методологические подходы, способствовали углублению осознания, что КНР – наш друг и партнер в решении задач выживания в условиях быстро меняющегося мира. Конференция явилась новым шагом в изучении Китая, о чем убедительно свидетельствуют более 110 опубликованных тезисов докладов¹, представленных в Оргкомитет конференции. М.Л. Титаренко поблагодарил Оргкомитет, зарубежных гостей и всех участников конференции за активную работу, особо отметив, что работа конференции характеризовалась приподнятым праздничным настроением, духом академизма, атмосферой заинтересованного научного сотрудничества.

М.Л. Титаренко сообщил тему XI Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир» – «Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы». Он пригласил присутствующих принять участие в этой конференции, которая состоится в сентябре или октябре 2000 г.

Оргкомитет конференции приветствует всех заинтересованных в указанной проблематике ученых, научные и практические коллективы и выражает надежду на плодотворное сотрудничество с ними в будущем.

© 1999

О. Почагина,
кандидат исторических наук

1. См: «Китай на пути модернизации и реформ. Тезисы докладов X Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы».- М., 1999, в 2-х частях.

Противостояние, синтез, диалог? К дискуссиям о межцивилизационных связях в глобализующемся мире¹

© 1999

Л.Березный

В ряду многочисленных публикаций (порой сенсационных) о перспективах межцивилизационного развития в глобализующемся мире не привлекло, кажется, у нас внимания сообщение о конференции азиатских и европейских ученых-гуманитариев, состоявшейся в Сеуле в октябре 1998 г. и посвященной названным в заголовке данных заметок проблемам. Ей предшествовало (Копенгаген, август 1997 г.) совещание группы руководителей ряда центров азиатских исследований, организованное Международным Институтом Азиатских исследований (IIAS, Копенгаген) и Северным Институтом Азиатских исследований (NIAS, Лейден). Участники совещания констатировали относительную слабость интеллектуальных связей между Азией и Европой в сравнении с такого рода связями между Азией и США и пришли к выводу, что XXI век потребует более тесного сотрудничества азиатских и европейских специалистов социальных и гуманитарных наук. По мнению участников совещания, совместные исследования культуры учеными обеих частей евроазиатского континента не только повысят качество исследований в обоих регионах, но и будут способствовать привлечению внимания к проблемам, не фигурирующим в повестке дня форумов ученых в США. Для налаживания более тесного сотрудничества азиатских и европейских специалистов было решено создать координационную структуру (позднее названную Pearl)² - Программу совместных европейско-азиатских исследователей культуры. Некоторые материалы, опубликованные в International Institute for Asian Studies Newsletter, представляют, по моему мнению, несомненный интерес.

Состав участников конференции (35 чел.) был определен не стремлением шире обеспечить национальные представительства разных стран, а желанием вовлечь в дискуссии ученых, способных, по мнению организаторов, предложить наиболее глубокие идеи по обсуждаемым проблемам.

Главной темой конференции (помимо вопросов организации дальнейшего сотрудничества) стало выяснение интеллектуальной основы отношений между Европой и Азией в современном (post-modernity), постколониальном мире. Ключевыми в этом аспекте, по оценке Р.Крибба, директора IIAS, оказались доклады Д.Кларка (J. Clarke, Великобритания) и Ван Гуну (Wan Gunwu), директора Восточно-Азиатского института Национального университета (Сингапур); их тексты и опубликованы в IIAS, Newsletter, 1999, № 18.

Д.Кларк в докладе под многозначительным заголовком "Beyond Orientalism" констатировал, что исторически в отношениях Востока и Запада име-

ли место иллюзии, взаимное непонимание и враждебные акции, задается вопросом: изжиты ли теперь в постколониальном мире иллюзии и стереотипы прежней эпохи? Находятся ли Азия и Европа в одном общем движении к единому миру? Что можно надеяться выиграть от встречи Азии и Европы на этой, заново расчищенной почве? Пытаясь ответить на эти вопросы, докладчик обращает внимание на оценку некоторыми учеными ориентализма как европейского способа изображения Востока, влекущего за собой позицию патрионирующего превосходства - аккомпанемента к поддержке экспансии европейских держав, подтверждение их глобального превосходства³. Судя по заголовку статьи, британский ученый разделяет такое толкование понятия ориентализм. Однако он выражает решительное несогласие с утверждением о том, что с "падением имперских флагов" мало что изменилось, гегемония Европы по-прежнему сохраняется, имперские власти продолжают действовать так же эффективно, как прежде, когда они были прикрыты формальными институтами империи. По мнению Кларка, в последние десятилетия XX в. взаимоотношения Востока и Запада радикально изменились. Быстро развивается саморефлексия Европы, концептуальные структуры модернистского Просвещения, на которых зиждились основы ориенталистских проектов, потрясены до основания, и это сопровождается мировым культурным взрывом и выдающимися экономическими преобразованиями в Азии. Такая глобализация означает, что Европа оказалась вовлеченной в процесс модернизации, который сама же инициировала.

Эти новые условия, продолжает Кларк, делают еще более настоящим взаимопонимание Азии и Европы; необходимо развивать совместные исследования культур и стратегии в сфере образования, не упуская однако из виду опасностей ориентализма; современная глобальная цивилизация нуждается в столь же широком обмене ценностями и взглядами на мир, что предполагает, подчеркивает автор, взаимный плюрализм, предусматривающий как уважение традиционных ценностей и идентичностей, так и способность к творческому взаимодействию друг с другом, полную толерантность - пусть даже не очень охотное согласие - и готовность учиться друг у друга. Напомним (со ссылкой на Д.Нидэма) о долгой истории диалога между обеими частями Старого Света, автор указывает на возрастающее значение диалога в современных условиях и даже полагает, что такой диалог составляет сердцевину глобализующегося мира. Кларк замечает, что продвигаться по этой посториенталистской, постколониальной почве не всегда легко, вдоль Нового Шелкового Пути между Азией и Европой существует много опасностей и препятствий для диалога - это и возрождение после холодной войны национализма, и активизация правых политиков в Европе и Америке, и религиозный фундаментализм; азиатские нации превратились в независимые силы и, наконец, происходит возрождение мощи Китая, уверенного в себе после долгих столетий унижительного отношения к нему Запада; на европейской стороне - экономическое объединение и растущая политическая интеграция, что может привести к усилению культурного нарциссизма, а на другом краю - возрождение азиатского самосознания, "азиатизация Азии", поднимающаяся на волне быстрого и беспрецедентного развития экономики и социальных преобразований. Кларк приходит к выводу, что Новый Шелковый Путь, суперпуть, открывает мир, но одновременно воздвигает вдоль этого пути новые барьеры. Британский ученый видит в этом отражение того, что в прошлом самому ориентализму была свойственна диалектическая напряженность между двумя крайностями - глобализмом и универсализмом, с одной стороны, и плюрализмом и партикуляризмом, с другой, склонность к универсалистской перспекти-

ве, пересекающей границы культур и поощряющей их конвергенцию, и в то же время подтверждение местных и региональных различий, поддержка уникального партикуляризма культур, контрастных по отношению друг к другу. Напомнив о длительности (начиная с Лейбница) этого стремления Запада к универсализму, Кларк указывает на его последнее проявление - концепцию Ф.Фукуямы о "конце истории", отмечая при этом, что представление о всеобщей применимости западной экономической модели опровергается альтернативной азиатской моделью (автор признает однако, что недавний экономический кризис в Азии и России порождает серьезные сомнения относительно последней). Автор далее обращает внимание на споры, которые вызывает универсализм в последнее время: одни рассматривают его в качестве основы общей концепции развития человечества и создания общей рациональной системы ценностей, другие критикуют как метафизическую концепцию, стирающую культурные различия и возвеличивающую западные ценности, как превосходящие азиатские, как выражение претензий на то, что европеизация - судьба всей планеты. Заметив, что универсалистские концепции разделяют и некоторые азиатские лидеры (упоминается С.Радхакришнан), Кларк критикует и плюралистические модели, мультикультурализм как разъединяющие человечество и чреватые межэтническими и другими опасными конфликтами; на глобальном уровне мультикультурализм ассоциируется с правыми идеями, как у С.Хантингтона, отвергающего идеи мировой цивилизации и рассматривающего столкновение цивилизаций как неизбежную и наиболее характерную черту мирового порядка после окончания холодной войны.

Есть однако плюралистическая модель, которую Д.Кларк склонен поддерживать - диалог культур. Кратко рассмотрев герменевтическое понятие диалога (рамки данных заметок не позволяют изложить содержание этого интересного понятия), ученый указывает на его достоинство - общение на любом уровне означает не стирание различий, а их осознанное признание и включение их в процесс диалога. Этот род плюрализма - не закоснелый антагонизм или столкновение несоизмеримых противоположностей, а скорее творческое напряжение, готовность слушать и дебатировать друг с другом и разделять как сходства, так и различия. Кларк не умалчивает о трудностях и сложностях такого рода диалога, задаваясь вопросами: не послужит ли он средством запоздалой поддержки гегемонистского статуса Запада, и возможно ли теперь вообще, даже после ориентализма, истинное взаимопонимание и приспособление друг к другу культур с радикально различной историей, традициями и языками? По мнению Кларка, простые ответы на эти вопросы едва ли возможны: в гуманитарных науках, в отличие от естественных, было бы иллюзией полагать, будто все знания можно унифицировать в одной системе мышления и на основе единой методологии - существуют пределы взаимопонимания и возможного решения межкультурных трудностей; но сохранение плюрализма культурных различий не обязательно должно привести к анархии или всеобщему конфликту, как предсказывают некоторые консервативные голоса, а явится ключом к самой жизни в ее богатом взаимодействии различных культур, отражающем разнообразие биоестественного мира. На взгляд британского ученого, существуют обнадеживающие признаки того, что после ориентализма общение Восток-Запад предлагает заманчивые перспективы не гомогенизированного мира, а творческого диалога в едином мире многих различных центров культуры, ценностей и мысли, различных, но сотрудничающих, разнообразных, но сходящихся.

Ван Гуну, автор второго ключевого доклада на конференции в Сеуле - "Пути к прогрессу и традиция", судя по всему, концептуально разделяет ак-

цент на важности диалога как формы межкультурных связей в глобализующемся мире. Как бы развивая эту концепцию, предполагающую учет в полной мере различия культур, ценностей "договаривающихся" сторон, Ван Гуну сосредоточивается на проблеме совместимости этих различий с общим движением мира по пути прогресса. Напомнив, что в привычном понимании дихотомии Восток-Запад само понятие традиции ассоциируется с Азией, а прогресс - Европой, ученый размышляет над вопросом о роли традиций в достижении прогресса не только в Азии, но и в Европе и рассматривает три возможных, с его точки зрения, варианта ответа: прогресс требует отказа от традиций; прогресс зависит от оптимального использования традиций; новые традиции включают в себя продолжающийся прогресс. Со времени XIX в., замечает автор, многие лидеры в Азии видели в прогрессе угрозу традициям, но ввиду превосходства Европы в развитии современных наук, технологии и т.д. признавали его необходимость для своих стран, а, следовательно, и неизбежность отказа от традиций; смущают, правда, особенно в последнее время, две неконтролируемые тенденции, сопровождающие распространение прогресса: с одной стороны, - крайности современности, выражающиеся в индивидуализме и атомизации семьи и самого общества, с другой стороны, - ужасающая мощь экономической и технологической глобализации; особенно пугает скорость, с которой новые изобретения отдают весь мир на милость горстки людей, владеющих рычагами финансовой мощи. Тем не менее, достижения прогресса в европейских странах, переносимые ими в подчиненную Азию, как бы морально оправдывали победителей, демонстрировавших побежденным хорошие примеры.

Эта сторона идеи прогресса, составлявшая наибольшую угрозу прочности традиций, особенно проявилась в Китае, который весьма длительное время сам обладал статусом мощной империи - моральное превосходство его культурных и политических традиций не подвергалось сомнению. Распространение в Китае идеи прогресса в сочетании с социал-дарвинизмом привело к взрывчатым результатам. По мнению Ван Гуну, движение "4 мая" 1919 г. послужило в 20-х годах особенно сильным стимулом укреплению представлений о том, что достижение прогресса требует отказа от традиций, и породило поколение революционных романтиков, подобных Мао Цзэдуну. Ни национализм Сунь Ятсена, ни либеральные идеи студентов, вернувшихся из Европы и США, не сумели предложить альтернативный умеренный ответ на вызов идеи прогресса. На протяжении большей части XX в., до реформ Дэн Сяопина, Китай являл собой пример того, как далеко интеллектуальные лидеры могут пойти в своей уверенности в необходимости ради прогресса пожертвовать традициями.

Негативное отношение Ван Гуну к выводу о том, что прогресс означает отказ от традиций, сменяется очевидной склонностью к поддержке позитивного ответа на второй вопрос, поставленный им в начале доклада: прогресс зависит от наилучшего использования традиций? Автор ссылается на опыт Филиппин, Малайзии, Таиланда и некоторых других стран Азии, отмечает умеренность антиколониального национализма Сукарно, Хатты и ряда других лидеров. Один из источников такого рода умеренности, приносящей положительные результаты Ван Гуну, как, впрочем, и многие исследователи процесса модернизации в Азии, видит в примере реформ Мэйдзи в Японии; при этом он обращает внимание на факт, не всегда учитываемый в обширной литературе о Мэйдзи исин - японские реформаторы тоже отбросили традиции, но эти традиции были китайского происхождения, бытовавшие в Японии в

течение многих столетий; становясь на путь прогресса, японцы одновременно вернулись к собственным традиционным корням.

Несомненный интерес представляют наблюдения Ван Гуну относительно восприятия в Азии многими образованными людьми европейских представлений о прогрессе. Их особенно поразила способность деятелей Возрождения критиковать традиции, ссылаясь при этом на более ранние традиции⁴, восхищение вызывали идеалы Просвещения с его гуманистическими принципами. С недавнего времени, замечает далее Ван Гуну, интеллектуалы в Азии стали обращать внимание на то, что в Европе, а затем и в Северной Америке и Австралии формирование процветающих обществ связано с особой ролью реформированных версий основных христианских догм, составляющих ядро глубоко укорененных европейских традиций⁵. Эти факты послужили основанием для, видимо, очень важного автору статьи упомянутого позитивного ответа на второй вопрос: прогресс зависит от оптимального использования традиций⁶.

И все же главным в концепции Ван Гуну представляется его третий тезис (связанный, впрочем, с предшествующим), сформулированный в виде вопроса в начале статьи: "новые традиции включают в себя продолжающийся прогресс". Ученый из Сингапура, чрезвычайно озабоченный (как и все участники конференции в Сеуле) перспективами межкультурных связей в XXI в., все же, по его собственной оценке, оптимистичен, - он убежден, что прогресс, как его с самого начала представляли себе европейцы, вовсе не несовместим с традициями в Азии. Напомнив о классической, по его определению, формуле прогресса, распространенной в общественной мысли стран Азии - отобрать лучшее (подразумевается - наиболее прогрессивное) на Западе, соединить это с лучшим на Востоке, сохраняя и усиливая таким образом азиатские традиции, Ван Гуну заявляет о своем неверии в возможность реального воплощения этой формулы в жизнь после нескольких столетий и конфронтации, и конвергенции. По его мнению, в Европе и Азии существуют общие для всего человечества стандарты, позволяющие выработать и общие критерии для передовой цивилизации. Правда, констатирует ученый, не только в Европе, но и в Азии есть противники допущения возможности одновременного существования в мире нескольких сильных цивилизаций. Ван Гуну свидетельствует, что многим лидерам и интеллектуалам в Азии идея столкновения цивилизаций кажется привлекательной, поскольку азиатский опыт последнего столетия показывает, что прогресс недостижим без разрушения или по крайней мере извращения традиций, поэтому эти деятели склоняются к мысли, что прогресс может быть измерен степенью омоложения первоначальных традиций; а то, что считается повсюду прогрессивным, но не ведет к такому омоложению, в действительности не является прогрессивным и не может быть принято; поэтому часть интеллектуальной элиты полагает, что было бы предметом гордости и культурной самоидентификации существование нескольких азиатских цивилизаций, способных стать сильными, а некоторых из них настолько сильными, чтобы противостоять "европейской" цивилизации.

Ван Гуну не приемлет подобных соблазнов. Он полагает необходимым заново изучить европейский опыт и исходить из того, что Европа была прогрессивной в течение длительного времени (хотя и не всегда) и что это привело к возникновению новых традиций, включающих в себя самокорректирующийся механизм, обеспечивающий продолжающийся прогресс. Ученый отмечает, что такие свойства были присущи древним корням европейской цивилизации, но, по его мнению, подобный самокорректирующийся механизм стал

необходимым для прогресса Европы в будущем, и эта новая традиция заслуживает самого внимательного исследования, причем не только в очевидно прогрессивных чертах науки и технологии, но и в культурных традициях (особенно в литературе и изящных искусствах), а также философии, религии, вплоть до "героических усилий сделать социальные науки истинно научными". Ван Гуну предупреждает: эти исследования должны быть освобождены от груза попыток определить, какие ценности являются прогрессивными и западными, а какие - азиатскими и регрессивными.

Автор завершает свой доклад-статью указанием на то, что в различных странах Азии роль традиций запутана политическими проблемами. На взгляд Ван Гуну, в настоящее время назрела большая нужда в компаративных исследованиях, выяснении того, содействовали ли традиции в Азии прогрессу так же, как европейские традиции способствовали прогрессу в странах Европы. Если Азия и Европа обладают такого рода общим опытом, то они будут обладать общими богатыми возможностями для строительства своего будущего.

В данных заметках удалось изложить лишь некоторые аспекты содержания двух основных докладов, задавших тон дискуссии на конференции в Сеуле. Насколько можно судить, эти доклады до некоторой степени расширяют наши представления о распространенных в странах Азии взглядах на перспективы межцивилизационных связей. Оказывается, и там есть приверженцы идей, сходных с известными спекуляциями С.Хантингтона. Однако особый, по моему мнению, интерес вызывает весьма заметный акцент на важность диалога азиатских цивилизаций с европейской. Его необходимость отмечается во многих публикациях, но при этом чаще всего имеются в виду различные формы синтеза азиатских (особенно конфуцианских) ценностей и европейских, возможность превращения Азии из реципиента достижения европейского прогресса в донора "уставшей" европейской цивилизации. В этом контексте весьма плодотворными представляются размышления Ван Гуну о том, что основу такого диалога-обмена должны составить потенциалы прогресса, заложенные в традициях каждой цивилизации и (что представляется особенно интересным в концепции Ван Гуну) включенные в дальнейшее развитие цивилизаций, ведущих диалог⁷. Похоже на то, что в исторически обозримом будущем именно диалог может стать основной формой межцивилизационных связей.

В заключение этих заметок хотелось бы вновь обратить внимание на быстро развивающийся диалог ученых-гуманитариев Европы и Азии. До недавнего времени в научных кругах ряда азиатских стран высказывалось недовольство тем, что Европейский Союз уделяет мало внимания Азии, особенно обмену в сфере культуры. Но постепенно ситуация стала меняться. В 1996 г. был создан Азиатско-Европейский Фонд с целью содействовать обмену учеными, культурными группами и т.п. Несомненный интерес представляет деятельность возникшего в 1997 г. Стратегического Альянса Международного и северного институтов азиатских исследований, к которому недавно присоединился Институт азиатских исследований в Гамбурге. Альянс ставит своей целью активизацию сотрудничества азиатоведов северных стран и Нидерландов и содействие на этой основе академическому взаимодействию ученых-азиатоведов на европейском и международном уровнях.

Представляется, что разворачивающееся взаимодействие азиатоведов Европы и Азии в отмеченных выше рамках заслуживает внимания российских ученых.

1. Обстоятельный обзор западных публикаций см.: Гордон А.В. Цивилизация нового времени между мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII-XX вв.). М., 1998.
2. Основные цели Программы: активизация, содействие и координация межрегиональных исследований и образования как средства сближения Азии и Европы, осуществление совместных исследовательских и образовательных проектов учеными стран, входящих Азиатско-европейскую Ассоциацию ("ASEM), предоставление международным институтам, таким как "ASEM", стратегической информации и рекомендаций "IIAS Newsletter", 1999. № 19. P. 41.
3. Д.Кларк ссылается на разработку этой трактовки "ориентализма" Э.Саидом (Said E.L. Orientalism. L., 1978).
4. Не в этом ли один из стимулов современного интереса в "Большом Китае" к раннему конфуцианству?
5. Как известно, вопрос о некотором "реформировании" конфуцианства, его приспособлении к требованиям современности активно обсуждается как в КНР, так и в "Большом Китае" в целом.
6. Ван Гуну обращает внимание на провал попыток Мао Цзэдуна "научно" (кавычки Вана), с помощью марксизма-ленинизма, отобрать и революционизировать ту часть китайских традиций, которая, по его представлениям, могла бы способствовать прогрессу Китая; на деле же, замечает автор, были возрождены наихудшие аспекты традиций - деспотическая власть, ассоциируемая с императором-деспотом, и тем самым извращена идея прогресса, в котором нуждалась страна.
7. В различных вариантах теории модернизации неизменно присутствует тезис, согласно которому modernity в Европе - результат автохтонного развития европейской цивилизации, тогда как модернизация на Востоке требует преодоления собственных традиций. Особенность концепции Ван Гуну состоит в отказе от антиномии традиции versus модернизация, выводе о том, что и азиатские цивилизации, подобно европейской, содержат в себе "гены", способствующие переходу к modernity.

В Обществе российско-китайской дружбы

Встреча ветеранов "Друзья вспоминают Китай"

15 сентября в Московском Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялась встреча, посвященная "двойному юбилею" - 50-летию провозглашения Китайской Народной Республики и 50-й годовщине установления дипломатических отношений между нашей страной и КНР. В ней приняли участие руководители и активисты ОРКД, российские ветераны войны и труда разных поколений, чья жизнь и интересы оказались тесно связанными с китайским народом, ученые-китаеведы, ученики московских школ, в которых изучается китайский язык. Во встрече приняли участие Чрезвычайный и Полномочный посол КНР в РФ У Тао, сотрудники китайского посольства.

Перед собравшимися с воспоминаниями выступили ветераны, внесшие вклад в укрепление дружбы двух наших народов. Видный ученый-китаевед, ветеран дипломатической службы, Почетный Председатель ОРКД, академик С.Л.Тихвинский поделился личными впечатлениями о церемонии провозглашения Китайской Народной Республики на площади Тяньаньмынь 1 октября 1949 года. В моей памяти, подчеркнул он, воедино сливаются три выдающихся события полувековой давности - провозглашение Китайской Народной Республики, установление дипломатических отношений между нашей страной и КНР 2 октября и создание Общества китайско-советской дружбы 5 октября 1949 года.

О боевой дружбе с китайским народом рассказали бывшие летчики-обровольцы, находившиеся в Китае в 30-х годах, генерал-лейтенанты авиации А.И.Пушкин и С.Я.Федоров. О своей работе в КНР поделились воспоминаниями А.М.Быбочкин - бывший советник министерства металлургической промышленности Китая, А.И.Турышин - помощник главного экономического советника в Китае А.И.Архипова, бывший посол СССР в КНР О.А.Трояновский, В.В.Овчинников, работавший в Китае корреспондентом "Правды".

Выступивший на встрече Посол У Тао подчеркнул, что китайский народ питает особую симпатию и дружеские чувства к российскому народу. Мы не забудем, сказал он, что именно Советский Союз первым среди всех стран мира признал Китайскую Народную Республику и установил с ней дипломатические отношения, что наши народы поддерживали друг друга в годы войны и в мирном строительстве, скрепив делами нашу дружбу. Китайский народ, обратился он к участникам встречи, никогда не забудет вашей помощи, вашего вклада в дело китайско-российской дружбы. Посол У Тао выразил благодарность Обществу российско-китайской дружбы и Институту Дальнего Востока за организацию встречи.

Ведущий встречу Председатель Правления ОРКД, директор Института Дальнего Востока, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко сообщил, что Правление Общества приняло решение об учреждении "Почетного Знака Общества российско-китайской дружбы". Первый "Почетный знак" был вручен Чрезвычайному и Полномочному послу КНР в РФ У Тао. "Почетный Знак ОРКД" был вручен также большой группе российских граждан за их весомый вклад в развитие и укрепление дружбы и сотрудничества России и Китая.

Рецензии

Степанова Г.А. Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике. М., 1999, 212 с.

В последние годы делается заметным возрастание интереса к политическому механизму и политической культуре Китая, проявившими удивительную приспособляемость к глубоким социально-политическим переменам. Это в полной мере относится и к партийной системе и партийной традиции Китая. В течение длительного времени эта проблематика исследовалась лишь в плане борьбы двух политических гигантов - Гоминьдана и КПК, за политической мощью которых как бы пропадала политическая деятельность других партий и организаций. По-возможно, случайному совпадению в этом году вышли из печати две монографии, исследующие историю "малых партий" и их вклад в политическое развитие страны. П.М.Иванов посвятил свое фундаментальное исследование деятельности "малых партий" в 20-40-е гг., а Г.А.Степанова - "многопартийному сотрудничеству" в КНР. И хотя эти книги совершенно разные по жанру, по объему, по идеологическим ориентирам, они, как мне представляется, совпали в убедительном доказательстве главного тезиса своих исследований - малые партии играли и играют важную роль в политической жизни Китая.

Жанр рецензируемой книги определить достаточно сложно. Она содержит большой справочный материал по истории создания всех восьми "демократических партий", по их социальному составу в прошлом и настоящем, по их партийной структуре. Дается развернутый анализ исторических судеб политики единого фронта прежде и теперь и Народного политического консультативного совета Китая как политической организации единого фронта. Наконец, автор дает читателю свой перевод всех уставных документов "демократических партий", Устава

НПКСК и некоторых других материалов. Эта публикация вполне оправдана, ибо материалы этих партий для нас все еще недостаточно доступны. Нельзя не оценить весьма высоко проделанную автором работу по сбору материалов, которые легли в основу этого исследования. Именно большой и во многом новый фактический материал позволил автору дать убедительную картину развития "многопартийного сотрудничества" в прошлом и настоящем.

В историческом плане автор выделяет три периода деятельности "демократических партий". Первый период - это время создания или преобразования партий в канун победы КПК в гражданской войне с Гоминьданом. В конце 40-х гг., когда приближался разгром Гоминьдана, политическим партиям приходилось принимать нелегкие решения о своем будущем. Это касалось как партий уже имевших большой политический опыт (как, например, Демократическая лига), так и только создававшихся (как, например, Революционный комитет Гоминьдана). Автор подробно рассматривает позиции этих партий в ходе гражданской войны и их переход на позиции сотрудничества с КПК. На мой взгляд, в этой части книги нужно было бы сказать (хотя бы очень кратко) о выдвижении КПК концепции "новой демократии": многопартийность, демократические свободы, защита частной собственности, рыночные отношения, постепенные аграрные реформы, сотрудничество труда и капитала и т.п. Дело в том, что выдвижение этой программы и соответствующих политических лозунгов и создавали новую политическую атмосферу в Китае, позволяя некоторым некоммунистическим политическим силам делать выбор не между Гоминьданом и коммунизмом, а между политическими

реальностями авторитарного чанкайшистского режима и привлекательными идеями "новой демократии". И восемь партий такой выбор сделали, пойдя за КПК и помогая коммунистам политически изолировать Гоминьдан. И когда теперь политики и некоторые китаеведы говорят, что демократия, многопартийность и т.п. противоречат китайской политической традиции, мне представляется, что они лукавят: в XX в. демократическая составляющая всегда присутствовала в политической борьбе. У китайской демократии есть своя традиция.

Условием сохранения этих партий в политической жизни страны было безоговорочное принятие ими руководства со стороны КПК. В 1949-1950 гг. в руководящих органах демократических партий шло активное обсуждение новой политической ситуации и характера взаимоотношений с КПК. "Однако процесс этот не всегда проходил гладко, - справедливо пишет автор. - На форумах и заседаниях руководящего состава некоторых партий высказывались мнения о том, чтобы перейти в оппозицию в условиях диктатуры народной демократии и создать из демократических партий единую буржуазную политическую партию" (с. 34). С другой стороны, "в эти годы внутри КПК имелись разногласия относительно того, надо ли продолжать сотрудничество с демократическими партиями, выражалось недовольство назначением представителей этих партий на руководящие должности в правительстве" (с. 35). Автор подчеркивает, что конструктивную роль в этих дискуссиях играл Чжоу Эньлай, более других лидеров КПК оставшийся приверженным к идеям "новой демократии".

Во всяком случае вплоть до VIII съезда КПК, на котором был утвержден курс на "длительное сосуществование и взаимный контроль", демократические партии принимали активное участие в политической жизни. Радикальный поворот в судьбах демократических партий связан с обострением идейно-политической борьбы после VIII съезда КПК в 1957 г., когда Мао Цзэдун не без успеха попытался взять реванш за свое отступление на этом съезде. Еще в 1956 г. он провозгласил провокационный курс "пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые", который и был реализован в

1957 г. в рамках так называемого движения за упорядочение стиля работы. Мао Цзэдун провозглашает свободу критических высказываний в адрес партийного и государственного руководства. Многие деятели демократических партий (Чжан Найци, Чжан Боцзюнь, Ло Лунци и др.) откликнулись на этот призыв и выступили с острой критикой политического режима и руководства КПК. Руководители КПК были обескуражены поднявшейся волной острой и доказательной политической критики, они были явно не готовы к публичной полемике и ответили на эту критику привычным образом - массовыми политическими репрессиями. Заявив о "бешеном наступлении реакционных элементов из демократических партий", Мао и его подручные обрушились на руководство демократических партий, на их активистов - снимали их со всех государственных постов, направляли на "трудовое перевоспитание" и т.п.

И в дальнейшем политика руководства КПК по отношению к демократическим партиям оставалась противоречивой: политические гонения сменялись политическими заигрываниями, но явное недоброжелательство всегда сохранялось. Особенно трудные времена настали, естественно, с началом "культурной революции". "Демократические партии, - пишет автор, - стали называть "реакционными организациями", их членов - "помещичьими элементами", "контрреволюционными учеными авторитетами", они подвергались травле, гонениям, арестам, у них конфисковывали имущество, некоторые руководящие деятели РКГ, ДЛК, Общества 3 сентября даже погибли в этот период" (с. 44).

Обновление всей политической жизни в Китае после прихода к власти группы Дэн Сяопина сказалось, естественно, и на политике по отношению к демократическим партиям - они вновь оказались нужны коммунистам. Автор аргументированно прослеживает этот политический поворот и резонно замечает: "Думается, что основной причиной восстановления демократических партий было отнюдь не стремление к демократизации общества, но прагматические интересы китайского руководства, заключавшиеся в потребности расширения своей социальной базы, резкого подъема экономики страны, расши-

рения связей с китайской диаспорой за рубежом, налаживания связей с Тайванем, Гонконгом и странами Запада" (с. 48).

Вместе с тем в новых исторических условиях некоторые деятели демократических партий начинают высказывать неудовлетворение своим политическим положением, своей двусмысленной и завышенной ролью в политической жизни страны, начинают высказывать свои стремления добиться реальной многопартийности. Любопытно в этой связи наблюдение автора о влиянии политических изменений в бывшем "соцлагере", в том числе и развития там многопартийности, на политические настроения в партийной среде в КНР.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что автор дал всесторонний анализ любопытного политического феномена, своеобразных "приводных ремней", ис-

пользуемых КПК в интересах укрепления своей фактической монополии. Однако автор уходит от попыток прогнозирования дальнейшего развития этой своеобразной политической структуры. Мне представляется, что материал этой интересной книги позволяет высказать некоторые предположения. Так, мне представляется, что при некоторых острых политических поворотах (вроде 1957 г. или 1989 г.) демократические партии могут стать центрами притяжения демократических сил без кавычек, стать альтернативными партийно-политическими структурами. И в такой роли они смогут смягчить последствия радикальных политических перемен. Глубокое и оригинальное исследование Г.А.Степановой поможет нам быть готовыми к пониманию политических перемен у нашего великого соседа.

© 1999

*А. Меликсетов,
доктор исторических наук*

Чжунъэ цзинмао гуаньси (Китайско-российские торгово-экономические связи). Пекин, 1999. 286с.

К провозглашению идеи российско-китайского стратегического партнерства можно относиться по-разному. Можно, скептически посмеиваясь, представить широкий спектр препятствий, делающих это партнерство номинальным. Можно отгородиться от насмешек (и реальности) лозунгами об исторической дружбе народов, органичной взаимодополняемости экономик, объективной заинтересованности двух государств в сотрудничестве. И скептиков, и заклинателей немало среди журналистов, политиков и ученых. К сожалению, значительно меньше тех, кто готов и стремится выявлять и расчищать пути к реальному партнерству, изучать опыт, исследовать препятствия, искать пути их преодоления.

Поэтому появление коллективной работы китайских ученых «Китайско-российские торгово-экономические связи», акцент в которой сделан на последнее десятилетие российско-китайских отношений, вызывает особый интерес.

Данная книга примечательна во

многих отношениях. И тем, что это – коллективный труд пекинских (сотрудники Академии общественных наук КНР Лу Наньцюань, Ли Цзяньмин, Чэнь Хуэй) и харбинских (Ван Фэнлянь и Ли Чуаньсюнь) ученых. И тем, что в нем подводятся определенные итоги китайско-российских экономических связей в 80-90-е годы. И тем, что составители его – известный специалист по истории Китая и его внешней политике Сюэ Цюньду и не менее известный русист (ранее советолог) Лу Наньцюань – смогли создать действительно обобщающую коллективную работу. Но самое главное – книга примечательна своей нацеленностью. Ее лейтмотив и основная идея прозрачны и очевидны любому читателю: изучение истории, обобщение опыта, анализ нынешнего состояния китайско-российских экономических связей жизненно необходимы для того, чтобы смоделировать алгоритм их будущего поступательного развития. Книга китайских ученых изначально и всецело оптимистична. Авторы абсолютно уве-

рены и полны желания убедить своих читателей, что торгово-экономические отношения между Россией и Китаем требуют активного совершенствования и развития, поскольку существующее ныне «отставание экономических связей может отрицательно сказаться на политических отношениях между двумя государствами».

Поставленную составителями сборника задачу его авторы анализируют под различными углами зрения. Прежде всего, - через изучение опыта и результатов китайско-российского взаимодействия за последние 50 лет с акцентом на два последних десятилетия. Во-вторых, - через рассмотрение благоприятных и неблагоприятных факторов для будущего развития этих связей. Один из ключевых моментов в этом анализе - оценка состояния и перспектив развития российской экономики. В-третьих, - как через призму межгосударственных отношений, так и с особым вниманием к приграничным, региональным, локальным контактам между представителями двух государств.

В книге пять крупных разделов. Первый из них посвящен объективным и субъективным условиям и особенностям развития политических отношений между Китаем и Россией в 90-е годы. Особое внимание уделяется выявлению основ для их реального стратегического партнерства. Среди благоприятных условий для формирования более близких российско-китайских политических связей авторов занимают те, которые толкают Россию к сближению с Китаем, ибо заинтересованность самого Китая в развитии тесных отношений с Россией принимается априори, не подвергается сомнению и даже не обсуждается. Применительно к России выделяются факторы геополитические, экономические, глобальных международных отношений и поддержания безопасности и даже социально-психологические (общественные настроения в пользу и против Китая).

Авторы раздела (Лу Наньцюань и Ли Цзяньмин) не раз подчеркивают, что для России, в свете ее утерянного влияния в мире, стратегическое партнерство с Китаем имеет исключительно важное значение. Но не менее значимо это партнерство и для судеб всего мира, поскольку оно «может оказать противодействие США и обеспечить безопасность на планете» [с.15].

В этом же разделе анализируются

состояние и перспективы российской экономики, тенденции в трансформации ее структуры, новые веяния по упорядочению внешнеэкономической деятельности России. Внимательно рассматриваются четыре ключевые, с точки зрения китайских ученых, перспективные экономические программы российских правительств: «Программа развития высоких технологий» 1995 г., «Специальная программа перестройки оборонной промышленности России на 1995-1997 годы» и «Среднесрочная программа упорядочения структуры и развития экономики на 1997-2000 годы» от 1996 г., а также «Стратегическая программа развития российского экспорта на 1996-2005 годы». Необходимо отметить осторожность и корректность тона и оценок китайских ученых, которые все свое внимание обращают на цифры, факты, проблемы российской экономики и избегают каких-либо критических замечаний в адрес российских экономистов и политиков, чем их работа кардинально отличается от крайне политизированных российских экономических публикаций.

Второй раздел книги «История и современное состояние китайско-российских экономических и торговых отношений» посвящен анализу эволюции этих отношений в 50-90-е годы XX в., при этом основное внимание уделено последнему десятилетию. Примечательно, что и в этом разделе авторы последовательно уклоняются от политики и политических оценок, без чего, казалось бы, не обойтись при анализе российско-китайских отношений 60-70-х годов. Чэнь Хуэй, который является автором этого раздела, предпочитает оперировать конкретными статистическими данными, и, делая выводы из краткого исторического экскурса, только констатирует зависимость экономических связей между Китаем и Россией от политических и резюмирует, что «экономика и торговля стали орудием и жертвой политической борьбы», что нанесло огромный ущерб и Китаю, и России и должно послужить им историческим уроком [с. 99]. В качестве специфических черт российско-китайских торгово-экономических связей в 50-80-е годы, тормозивших их развитие прежде и оказывающих отрицательное влияние на их нынешнее состояние, он также выделяет следующие:

их директивное планирование со стороны обоих государств, что сдерживало инициативу мест и конкретных произ-

водителей;

однообразии структуры экспорта и импорта, не вписывавшееся в изменения, происходившие на внутренних рынках обоих государств и в мировой торговле;

отрицательное воздействие застоя в торгово-экономических связях не только на их инфраструктуру (банки, связь, транспорт), но и идеологию, технику и политику их осуществления.

В китайско-российских экономических отношениях 90-х годов автор выделяет три этапа:

1992-1993 годы – период их быстрого развития;

1994-1995 годы – период резкого упадка и застоя;

с 1996 года по настоящее время – период упорядочения и подъема.

Особое внимание и в этом разделе книги, и в последующих уделено детальному анализу причин резкого сокращения объемов торговли (как межгосударственной, так и приграничной) в 1994 г. Подоплека такого внимания очевидна: извлеченные уроки из прошлых ошибок, дабы избежать их повторения в будущем. Автор раздела выделяет как объективные причины кризиса (кризисные явления в российской экономике и “перегрев” китайской, нестабильность российской политической системы), так и субъективные, связанные с изменением российской и китайской внутренней экономической конъюнктуры, попытками упорядочения и регулирования китайско-российской торговли. Особую озабоченность вызывают у автора качество китайских товаров, экспортируемых в Россию, и их низкая репутация в нашей стране. Интересно, что из шести ключевых причин, отмеченных Чэнь Хуем, пять связываются с Россией [с. 107].

Достаточно большое место в разделе отведено анализу форм и видов китайско-российского экономического взаимодействия (различные формы торговли, технико-экономическое сотрудничество, использование китайской рабочей силы), а также факторам, препятствующим их совершенствованию и развитию [с. 113-132].

Третий (Ван Фэнлянь) и четвертый (Ли Чуаньсюнь) разделы книги посвящены местной и приграничной торговле, ее истории, современному состоянию, проблемам и перспективам. Начав с краткого экскурса в 50-70-е годы, авторы переходят к детальному анализу истории и основных проблем этой торговли двух пос-

ледних десятилетий. Отдельно рассматриваются опыт и участие каждого из четырех основных ее участников с китайской стороны: провинций Хэйлуцзян и Цзилинь, Синьцзян-Уйгурского автономного района и Внутренней Монголии. Поскольку безусловным лидером в приграничной торговле с Россией был и остается Хэйлуцзян (достаточно сказать, что в 1993 г. треть всего объема китайско-российской торговли составляла приграничная торговля этой провинции с Россией [с. 144]), этой провинции отводится значительное место в обоих разделах. Эта часть монографии особенно богата статистическими данными.

Говоря, по сути, об одном предмете, авторы демонстрируют несколько разные подходы к его изучению. Ван Фэнлянь предлагает взгляд с китайской стороны границы и акцентирует внимание на конкретных аспектах и проблемах двусторонней торговли. Существенное внимание уделяет он как мерам, предпринимавшимся властями северо-восточных провинций Китая в 1995-1997 годах по преодолению кризиса в торгово-экономических связях с Россией, так и взглядам противников развития этих связей. Решительный настрой китайских политиков и бизнесменов на расширение этих отношений, а также объективно существующая у Сибири и Дальнего Востока потребность в капиталах, товарах, технике, рабочей силе приводят Ван Фэнляня к мысли о благоприятных перспективах российско-китайского торгово-экономического сотрудничества [с. 162-165] и позволяют ему предложить свой комплекс мер по развитию торговли провинции Хэйлуцзян с Россией [с. 180-187]. Провинция Хэйлуцзян, считает автор, “должна изменить свои взгляды, заново изучить изменения, происходящие на Дальнем Востоке, полностью воспользоваться географическим, транспортным, ресурсным и кадровым преимуществами, которые она имеет перед другими провинциями в отношении России и ее Дальнего Востока, и приложить все силы для углубления торгово-экономических отношений с Россией» [с. 177].

Ли Чуаньсюнь центральное внимание в своем разделе уделяет потенциалу Сибири и Дальнего Востока России, анализирует его с точки зрения перспектив российско-китайского экономического сотрудничества, и исходя из этого оценива-

ет препятствия на пути расширения двусторонних связей и возможности их преодоления. Помимо комплекса политических и экономических проблем России, мешающих расширению взаимодействия, Ли Чуаньсюнь выделяет и такой существенный фактор, как российское общественное мнение, настроенное, на его взгляд, против развития отношений. В основе этого настроения, как считает автор, лежат глубокий российский национализм, ухудшение геополитического положения России, европеизм и атлантизм ее внешней политики [с. 239-242]. Кроме того "Жители Дальнего Востока России имеют очень ограниченные знания об истории, культуре и современном положении Китая. А ограниченные знания не могут родить отношения взаимного доверия, они создают почву для возникновения подозрений и отчужденности, - пишет автор. - Это является неблагоприятным условием для дружбы соседей и сохранения мира по обеим сторонам границы" [с. 243]. Точное и, к сожалению, полностью соответствующее реальности замечание.

Заключительный (пятый) раздел книги является итоговым, обобщающим. Ли Цзяньмиль, как бы резюмируя результаты исследования своих коллег, лаконично оценивает в нем общие перспективы российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, Лу Наньцюань предлагает комплекс мер, необходимых для его расширения и углубления.

Китайские ученые оптимистичны в своих выводах. Они считают, что, «исходя из особенностей современного развития экономики России и Китая, их опора друг

на друга в области науки, техники и экономики будет углубляться». «И с точки зрения сегодняшнего дня, и в перспективе Россия должна быть важным звеном в стратегии расширения внешнеэкономического рынка Китая», однако для этого необходимо приложить очень большие усилия [с. 253-254]. В то же время они признают, что ключи к разрешению существующих проблем в экономическом взаимодействии двух стран находятся в руках их правительств. Если оба правительства проявят волю и решимость к их развитию и будут - это, по мнению китайских ученых, является неременным условием - действовать на основе принципов равенства и взаимной выгоды, тогда у российско-китайского сотрудничества есть хорошие перспективы. В противном случае препятствия к его развитию не только не будут преодолены, но еще более увеличатся [с. 278]. Что ж, будем уповать на разум, волю и мудрость китайского и российского правительств.

Подводя итог обзору монографии китайских ученых можно, конечно, сказать, что не со всеми оценками и выводами ее авторов можно согласиться, что есть в ней некоторые пробелы и недочеты, что хотелось бы иметь побольше информации о том или об этом, но все эти дежурные замечания не умаляют того факта, что на рабочих столах китайских и российских политиков и ученых появилось серьезное научное исследование, требующее внимательного прочтения, изучения и учета при формировании федеральной, региональной и местной политики в отношениях между двумя странами.

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 1999 год

ДОКУМЕНТЫ

- Московская Декларация "Об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией".....№ 1
Совместное заявление о российско-китайских отношениях на пороге XXI века.....№ 1
Документы 2-го заседания Российско-Китайского Комитета мира, дружбы и развития.....№ 2

К 275-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

- Ю.Ванин. Российское корееведение в прошлом и настоящем.....№ 3
В.Павлятенко. А.Семина. Российское японоведение.....№ 4
Юбилейное заседание Ученого совета Института Дальнего Востока.....№ 4

К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

- Поздравление Президента РФ Б.Н.Ельцина Председателю КНР Цзян Цзэминю по случаю 50-летия КНР.....№ 6
Торжественное собрание, посвященное 50-летию образования КНР и 50-летию установления дипломатических отношений с КНР.....№ 6
Г.Карасин. Отношениям с КНР - полвека.....№ 4
М.Титаренко. 50 лет Китайской Народной.....№ 6
И.Азовский, Ю.Щербанин. Транспортные проблемы в российско-китайских экономических отношениях.....№ 5
Н.Ахметшин. Борьба с экономической преступностью в КНР: законодательство и практика.....№ 5
В.Портяков. Путь китайских реформ.....№ 4
Посланник дружбы (по страницам книги Гао Мана "Повесть об Архипове").....№ 4
Ся Ишань. О китайско-российских отношениях в новой обстановке.....№ 6
И.Шевель. Реформа банковской системы Китая.....№ 5

ПОЛИТИКА

- В.Бунин. Завершение очередной реформы японо-американского союза безопасности.....№ 6
Ю.Ванин. Изменения конституционного строя КНДР.....№ 2
С.Гончаренко. Саммит АТЭС в Куала-Лумпуре.....№ 1

С.Гончаренко. Форум "Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество". Торгово-экономические группировки в регионе АТЭС.....	№ 3
Л.Гудошников. Аомынь накануне воссоединения с Китаем (политико-юридические вопросы).....	№ 1
Джозеф И.С.Чэн. Политика Китая в отношении АСЕАН в 1990-х гг.: подталкивание к многополярности.....	№ 4
Кан Вон Сик. Роль России в деле объединения Кореи.....	№ 1
А.Копков. Модернизация кадровой политики в КНР в условиях рынка.....	№ 4
Лю Цинцай. О китайско-российских отношениях, обращенных в XXI век.....	№ 1
В.Михайлова. Тайвань в современных международных отношениях и российско-тайваньские связи.....	№ 1
В.Михеев. Глобализация мировой экономики и азиатский регионализм: вызовы для России?.....	№ 2
В.Мясников, В.Петровский. Комитет XXI века: удачный старт.....	№ 2
А.Панов. Визит в Москву премьер-министра Японии К.Обути и перспективы развития российско-японских отношений.....	№ 1
В.Самойленко. АТР: станет ли Великий океан мелководным озером?.....	№ 5
А.Селиванов. Мы принимаем эстафету российско-китайской дружбы.....	№ 2
А.Семин. Токио-Пекин: непростой диалог.....	№ 3
В.Ткаченко. Проблемы российско-корейского сотрудничества в интересах сохранения мира на Корейском полуострове.....	№№ 2, 3

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

А.Бурый, А.Бутуханов. О деятельности Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье".....	№ 5
Ю.Серебряков, А.Коротченков. Ассоциация "Славда": борьба за качество продукции как метод выживания в рыночных условиях.....	№ 3

ЭКОНОМИКА

С.Алексахина. Новые моменты в развитии сельского хозяйства КНР (Письмо из Китая).....	№ 4
С.Алексахина. Проблема безработицы в КНР в 1999 г. (Письмо из Китая).....	№ 5
В.Андрианов. Финансово-экономический кризис в Республике Корея и меры правительства по его преодолению.....	№ 5
О.Борох. Восточноазиатский кризис и его влияние на развитие китайской экономической науки.....	№ 2
А.А.Бубенников, А.Н.Бубенников. Япония на пороге XXI века: технологический, информационный вызов.....	№ 6
О.Иванов. Контроль за экспортом и импортом в Японии.....	№ 3
П.Каменков. Успехи и проблемы конверсии оборонной промышленности КНР.....	№ 1
В.Карлусов. Внешнеэкономические связи России и Китая: баланс интересов и совершенствование механизма организации.....	№ 3

Э.Кикабидзе. Внешнеэкономические связи России с некоторыми странами-членами АСЕАН.....	№ 6
Е.Кранина. Проблемы развития животноводства и водных промыслов в Китае.....	№ 6
А.Мацегора. РФ и КНДР: итоги и перспективы сотрудничества в топливно-энергетической отрасли.....	№ 5
П.Мозиас. Либерализация инвестиционного режима: опыт Китая.....	№ 4
И.Наумов. Проблемы обеспечения природными ресурсами экономического развития Китая в XXI веке.....	№ 4
И.Наумов. Экономическая реформа в Китае: нарастание социальных проблем.....	№ 1
А.Нестеренко. Южная Корея: кризис, преодоление (заметки некорееведа).....	№ 4
Л.Новоселова. Экономическая реформа и государственное регулирование в КНР.....	№ 1
Н.Ноздрев. Либерализация финансового рынка Японии.....	№ 6
П.Остров. Рынок компьютеров в КНР: современное состояние, тенденции, перспективы.....	№ 2
Э.Ливоварова. К вопросу о роли экономической науки в хозяйственной реформе в КНР.....	№ 2
М.Потапов. Перестройка финансовой системы в азиатском регионе.....	№ 6
А.Сизоненко. Япония и Латинская Америка: торгово-экономические связи в 80-90-е гг.....	№ 6
М.Титаренко. Трансконтинентальный мост и перспективы российско-китайского сотрудничества.....	№ 1
В.Хлынов. Новый комплексный план общенационального развития Японии на начало XXI века.....	№ 5
В.Хлынов. Система социальной защищенности в Японии.....	№ 2
Чжан Чжаоюй. Экономическая политика открытости и внешнеэкономическая деятельность КНР.....	№ 3
Р.Шепенко. Законодательное регулирование бюджетного процесса в КНР.....	№ 4

ИСТОРИЯ

В.Бармин. Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1918-1931 гг.....	№ 4
В.Бармин. Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1931-1934 гг.....	№ 6
Ю.Ванин. Мемуары Ким Ир Сена как источник по новейшей истории Кореи.....	№ 5
С.Врадий. Профессор Китаеведения А.В.Рудаков (К 100-летию образования Восточного института во Владивостоке).....	№ 5
В.Глумин. Первая миссия Гоминьдана в Москве.....	№ 5
Инна Ли. Дело о "советских шпионах" (К 100-летию со дня рождения Ли Лисаня).....	№ 6
М.Крюков. Извилистый путь к альянсу: Советская Россия и Сунь Ятсен (1918-1923).....	№№ 2, 3
А.Москалев. Национализм в понимании Сунь Ятсена.....	№№ 2, 3

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

- А.Болохова. Некоторые архивные материалы о корейской войне (1950-1953).....№ 4
 Б.Пак. Новые материалы об устном соглашении Ладьженского-Ли Хунчжана 1886 г.....№ 5
 М.Прозуменчиков. 1960 год глазами советских и китайских руководителей.....№ 3
 Г.Тягай. Король Коджон в русской миссии (из истории русско-корейских отношений).....№ 3

РУССКИЕ В КИТАЕ

- Ли Мэн. Харбин - продукт колониализма.....№ 1
 Е.Таскина. Харбин - продукт контактов стран-соседей.....№ 4
 И.Курсанов. Продолжая тему.....№ 4
 А.Хисамутдинов. Тяньцзиньская ветвь эмиграции.....№ 2
 А.Хисамутдинов. С Пушкиным в сердце (К 200-летию со дня рождения поэта).....№ 4

ФИЛОСОФИЯ

- Л.Березный. Противостояние, синтез, диалог? (К дискуссиям о межцивилизационных связях в глобализирующемся мире).....№ 6
 Д.Главева. Специфика дзэн-буддийской терминологии (на примере трактата "Оратэгама").....№ 6
 А.Ломанов. Хэ Линь и современное конфуцианство.....№ 5
 А.Лукьянов. Древнекитайские философские космогонии.....№ 1
 А.Мещеряков. Символика числа 8 в японской официальной культуре VII-VIII вв.....№ 3

РЕЛИГИЯ

- А.Ланьков. Христианство в Корее.....№ 2

КУЛЬТУРА

- Н.Демидо. Китайская критика 90-х годов о современной литературной ситуации.....№ 6
 А.Желозовцев. Новые разыскания о Ло Гуаньчжуне.....№ 2
 Д.Минаев. Корея: полуостров Чосон и остров Хангук.....№ 1
 В.Сорокин. Классик новой китайской литературы в России (К 100-летию со дня рождения Лао Шэ).....№ 4
 С.Торопцев. "Новое кино" в КНР: прыжок от несвободы к свободе.....№ 5

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- С.Горбунова. 12-я конференция Европейской ассоциации китаеведов.....№ 1
 Е.Лапина. Защита докторских диссертаций в ИДВ РАН в 1998 г.....№ 1
 Н.Кобозев. Десятая научная российско-корейская конференция.....№ 5
 В.Михеев. 2-я конференция "Мельбурнской группы".....№ 2
 В.Петровский. "АТРология" на пороге XXI в.? (дискуссия "круглого стола" по проблемам безопасности в АТР).....№ 1

О.Почагина. Китай, китайская цивилизация и мир. X Международная научная конференция.....	№ 6
Профессор Гао Ман. Почетный доктор Института Дальнего Востока РАН.....	№ 4
Р.Савельев. Россия и Корея на пороге нового столетия. 3-я научная конференция сореоведов в ИДВ РАН.....	№ 3
На Ученом Совете ИДВ РАН.....	№№ 2, 3
В Обществе российско-китайской дружбы	
Встреча ветеранов "Друзья вспоминают Китай".....	№ 6

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Встреча ветеранов "Друзья вспоминают Китай".....	№ 6
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Е.Бирюлин. Хань Дэпэй. Учебник природоохранительного законодательства.....	№ 2
В.Волохова. Ощепков В.П. Россия и Китай в зеркале региональной политики.....	№ 3
А.Волохова. Шин В.А. Китай и корейские государства во второй половине XX столетия.....	№ 4
А.Воскресенский. В.Ф.Ли. Внешняя политика и дипломатия стран Азиатско-Тихоокеанского региона.....	№ 1
Л.Губарева. Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика.....	№ 1
Н.Гуреева. Егоров К.А. Представительная система Китая: история и современность.....	№ 3
Л.Делюсин. Дитер Хайнциг. Советский Союз и Китай 1945-1950. Трудный путь к союзу.....	№ 2
А.Желодовцев. Чжан Жэнь. Литература нового периода как явление.....	№ 5
Е.Капустяк. Тихоокеанский регион: Россия и Латинская Америка в канун XXI века.....	№ 1
М.Кокарев, Г.Степанова. Уилем ван Кеменаде. Китай, Гонконг, Тайвань: объединение.....	№ 3
В.Ларин. Китайско-российские торгово-экономические связи.....	№ 6
В.Ф.Ли. Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии.....	№ 1
Л.Маркизов. Е.П.Таскина. Русский Харбин.....	№ 2
А.Меликсетов. Степанова Г.А. Система многопартийного сотрудничества в КНР.....	№ 6
В.Портяков. Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия.....	№ 3
А.Сенаторов. Коалиционная политика, Свидетельства очевидцев.....	№ 4
В.Сорокин. С.А.Торопцев. Кинематография Тайваня.....	№ 1
Г.Сухарчук. Синецкая Э.С. Автопортрет китайского горожанина.....	№ 5
Г.Сухарчук. В.Н.Усов. КНР: от "большого скачка" к "культурной революции".....	№ 2
Ф.Хамраев. Современный Синьцзян и его место в казахско-китайских отношениях.....	№ 1
А.Шитов. Политика в Китае. Эпоха выбора новой системы.....	№ 5

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Якову Михайловичу Бергеру 70 лет.....	№ 5
70 лет Виктору Николаевичу Барышникову.....	№ 5
В.Феоктистов. Следуя велению своего сердца. К 70-летию	
Леонарда Сергеевича Переломова.....	№ 1

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 10.10.99 г. Подписано к печати 15.11.99 г. Формат бумаги 70x100 1/2
Офсетная печать. Усл.печ.л. 13,0. Усл. кр.-отг. 11,6 тыс. Уч.-изд.л. 13,8 Бум. л. 5,0
Тираж 877 экз. Зак. 3111.

Оригинал-макет © 1999 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ИИИ "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Книги, выпущенные ИДВ РАН в 1999 г.

1. Верещагин Б.Н. В старом и новом Китае. Воспоминания дипломата-китаеведа. - М.: Институт Дальнего Востока РАН. 1999. 253 с.
2. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы Т. 3. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927-1931. В двух частях. - М.: АО "Буклет", 1999. Часть 1 - 740 с. Часть 2 - 864 с.
3. Китай на пути модернизации и реформ. М.: Восточная литература. 1999. 735 с.
4. Китай на пути модернизации и реформ. Тезисы докладов X Международной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". (Москва, 22-24 сентября 1999 г.). В двух частях. / Отв. ред. Асланов Р.М. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1999. - Часть 1 - 204 с. Часть 2 202 с.
5. Китайская Народная Республика в 1997 г. М.: Институт Дальнего Востока РАН. 1999. 283 с.
6. Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937-1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. 344 с.
7. Мамаева Н.Л. Коминтерн и гоминьдан. 1919-1929 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. 365 с.
8. Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы тихоокеанской войны. М.: Памятники исторической мысли, 1999. 311 с.
9. Михеев В.В. Хомо-интернэшэнэл. Теория общественного развития и международной безопасности. - М.: Институт Дальнего Востока РАН. 1999. - 340 с.
10. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М.: Химия и бизнес, 1999. 272 с.
11. Рахманин О.Б. К истории отношений между РСФСР, СССР, РФ и Китаем. 1917-1997. М.: Институт Дальнего Востока РАН. 1999. 293 с.
12. Степанова Г.А. Система многопартийного сотрудничества в КНР. М.: Институт Дальнего Востока РАН. 1999. 212 с.
13. Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М.: Республика, 1999. 236 с.
14. Portyakov V. The People's Republic of China: Economic policy of the 1990's (Сб. статей на англ. яз. из "ПДВ"). 182 с.